ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА,

с прибавленіемъ

ОБОЗРѢНІЯ ДУХА

событій древней Руси и новой Россіи.

Сочиненіе Сергѣя Глинки.

Часть первая.

МОСКВА.

въ типографіи Августа Семена,

при Императорской Мед-Хирургической Академіи.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Іюня 5 дня 1832 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ

ФІЛАРЕТУ,

МИТРОПОЛІТУ

МОСКОВСКОМУ И КОЛОМЕНСКОМУ

усерднѣйшее приношеніе.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО!

Уважая и душевныя Ваши качества и глубокія познанія Историческія, украшаю именемъ Вашимъ мою Историческую Панораму древняго и новаго Міра. *Снова повторяю, что Вы первый явственно и разительно означили тѣ важныя нравственныя проявленія, которыя призывали на лице земли Примирителя человѣчества съ Вышнимъ Промысломъ. Я издаю новый трудъ свой на туманномъ западѣ своей жизни, среди ежедневныхъ заботъ, а потому и надѣюсь, что Вы будете снисходительны, если въ книгѣ моей встрѣтите недостатки. Историкъ повѣствуетъ; вѣки продолжаютъ и досказываютъ Исторію. Снисхожденіе есть качество душъ превосходныхъ. Вотъ, что ободряетъ меня.*

Паствы Вашего Высокопреосвященства

усерднѣйшій сынъ

Сергѣй Глинка.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Давно уже сказано, что чѣмъ далѣе идемъ на поприщѣ Исторіи, тѣмъ болѣе должно оглядываться назадъ. Русскую мою Исторію началъ я сочинять нераздѣльно съ Русскимъ Вѣстникомъ, то есть съ 1808 года. Слѣдственно мнѣ было время оглядываться назадъ для новыхъ наблюденій и для повѣрки мыслей. Русская моя Исторія есть просто Исторія Русскихъ Лѣтописцевъ; обозрѣніе же духа событій древней Руси и новой Россіи есть собственный мой взглядъ на отечественныя происшествія.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ВСЕЛЕННОЙ.

НѢКОТОРЫЯ СОБЫТІЯ

из ъ

СВЯЩЕННОЙ ИСТОРІИ.

Создавъ небо и землю, Богъ рекъ: *да будетъ свѣтъ!* и лучи свѣта озарили вселенную, явившуюся во всей красотѣ своей. Изчезла мгла; раскинулся сводъ небесный; воды горнія отдѣлились отъ водъ наземныхъ; открылась *сушь* и названа была *землею*; а *собранія* водъ наименованы были *моремъ*.

Возносятся деревья плодоносныя; поверхность земли, озаренная солнцемъ, облекается зеленымъ дерномъ и растѣніями; луна осребряетъ мракъ ночной и вмѣстѣ съ солнцемъ означаетъ дни, ночи и времена года; моря и рѣки заселяются рыбами; смѣлымъ полетомъ, пернатыя обтекаютъ пространство воздушное; разнообразныя животныя разсѣиваются по лѣсамъ, а насѣкомыя пресмыкаются по праху земному.

Человѣкъ — былъ вѣнцемъ творенія. Богъ создалъ его по образу своему и далъ ему помощницу, извлеченную изъ собственныхъ его нѣдръ.

Имена первыхъ праотцевъ нашихъ: *Адамъ* и *Евва*. Цвѣтущій рай былъ бы всегдашнимъ ихъ жилищемъ; но жена, уловленная лестію змѣя, ослушалась заповѣди Вышняго Творца и такому же жребію подвергла мужа своего.

Изгнаніе изъ Рая и продолженіе Священной Исторіи.

Печальные изгнанники изъ Рая сладости приговорены были къ труду и болѣзнямъ. Вмѣстѣ съ ними вступили на землю осужденную смерть и волненіе страстей. Воспаляясь завистію, *Каинъ*, первенецъ Адама и Еввы, совершилъ неистовое братоубійство. Съ того бѣдственнаго времени злоба въ непрестанной борьбѣ съ добродѣтелію. Искусства начали появляться на лицѣ земли. Убѣгая взоровъ людей, Каинъ соорудилъ первый городъ; но скрываясь отъ людей, онъ не могъ укрыться отъ угрызеній совѣсти своей. Совѣсть чистая и довѣренность къ Провидѣнію всего надежнѣе охраняютъ насъ и среди пустынь непроходимыхъ и среди лѣсовъ дремучихъ и среди мірскихъ треволненій.

Іувалъ изобрѣлъ орудія мусикійскія. *Ѳовелъ* первый подалъ примѣръ кованія желѣза и мѣди;

и онъ названъ въ Священномъ Писаніи *Млатобійцемъ.* Сперва желѣзо служило къ истребленію звѣрей, дикихъ тревожившихъ стада, потомъ въ порывахъ страстей обратилось и на людей. Раздраженный неправотою сыновъ человѣческихъ, Богъ поразилъ землю потопомъ. Одинъ только Ной и семейство его были спасены въ Ковчегѣ, куда впущены были по четѣ животныхъ отъ каждаго племени.

Земля очищенная, снова населилась. Многочисленные Ноевы потомки не могли жить въ одномъ мѣстѣ. Они условились раздѣлиться, но для охраненія себя отъ вторичнаго потопа, предположили соорудить столпъ. Хотя вершина его возносилась уже къ небесамъ, но тщеславіе человѣческое не удовлетворялось тѣмъ. Оно домогалось устремиться и за сводъ небесный.

Не потерпѣлъ Богъ сей упорной гордыни и поразилъ народы, сооружившіе столпотвореніе Вавилонское, *смѣшеніемъ языковъ.* Смущенные внезапнымъ неразумѣніемъ другъ друга, люди разсѣялись невольно. Они разсѣялись и въ слѣдъ за собою повлекли развратъ и заблужденіе.

Въ сихъ обстоятельствахъ, Богъ отдѣлилъ для себя народъ, извѣстный подъ именемъ народа *Іудейскаго.* Отдѣляя оный отъ другихъ племенъ земныхъ: «Богъ, говоритъ *Моисей:* « воспитывалъ его такъ, какъ человѣкъ воспитываетъ сына своего.» Десница Вышняго смиряла его, когда онъ возносился и въ замыслахъ тщеславія уклонялся отъ путей закона: любовь не-

бесная воздвигла его, когда онъ осыпалъ главу пепломъ въ знаменіе раскаянія своего.

Полагаютъ, что *Немвродъ* первый предпринялъ столпотвореніе Вавилонское и первый проложилъ пагубную стезю къ завоеваніямъ, хотя Самъ Богъ завѣщалъ послѣ потопа не проливать крови человѣческой.

Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, отличался чистотою душевною, гостепріимствомъ и человѣколюбіемъ. Имя его знаменито было на всемъ востокѣ. Обладая многочисленными стадами и богатствомъ, онъ переходилъ изъ одного мѣста въ другое, показывая, что жизнь есть странствованіе и что истинное отечество наше тамъ, гдѣ Богъ награждаетъ терпѣніе и добродѣтель. Съ простотою нравовъ соединялъ онъ мужество, но употреблялъ оное къ одной защитѣ слабыхъ. «Мы всѣ братья, говорилъ онъ: за что намъ предаваться распрямъ и раздорамъ?» Спасаемые имъ Цари предлагали ему дары богатые. Онъ отвергалъ оные: онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ сыновъ человѣческихъ величался, что обогатилъ Авраама. Богу, покровителю своему, желалъ онъ только быть всѣмъ обязаннымъ, не усумнился принесть ему въ жертву и единственнаго своего сына. Но Ангелъ Божій удержалъ руку, готовую поразить Исаака. За послушаніе Авраамово, Богъ въ лицѣ сего Патріарха, благословилъ всѣ народы земные.

Какъ счастливъ добродѣтельный отецъ, ко-

торый умирая, снова оживаетъ въ сынѣ своемъ! Провидѣніе предоставило Аврааму сіе счастіе. Къ Исааку перешли всѣ небесныя надежды отца его и всѣ его добродѣтели.

Іаковъ шелъ по стопамъ дѣда и отца. Онъ былъ счастливымъ отцемъ двѣнадцати сыновъ. Но превратность жребія человѣческаго существовала и въ тѣ времена, когда по видимому жизнь пастырская, провождаемая подъ сводомъ лазоревымъ, долженствовала удаляться отъ порывовъ тщеславія. Къ злополучію людей зависть и ненависть современны первымъ днямъ младенческаго міра. Зависть и ненависть вооружили сыновъ Іакова на юнаго Іосифа, любимца его сердца. Они продали его купцамъ Медіамскимъ. Іосифъ отведенъ былъ въ Египетъ. Вскорѣ клевета повергла его въ оковы и въ темницу.

На тернистомъ пути нашего земнаго странствованія порокъ не рѣдко торжествуетъ, но не надолго. Самъ Богъ вступился за Іосифа и предъ лицемъ цѣлаго свѣта, увѣнчевая его терпѣніе, поставилъ его на одну чреду съ Фараономъ. Іосифъ предрекъ голодъ, угрожавшій Египту, и мудростію своею отвратилъ его свирѣпство. Осторожною предусмотрительностію въ годы изобильные приготовилъ онъ запасъ на годы безплодные.

Странѣ Ханаанской, омертвѣйшей отъ безплодія, предстояла погибель неизбѣжная. Іаковъ послалъ въ Египетъ сыновъ своихъ за хлѣ-

бомъ. Во второе ихъ путешествіе, Іосифъ, объявляя имъ о себѣ, вѣщалъ имъ: «Да, я братъ вашъ Іосифъ! я сынъ Іакова и Рахили, проданный вами. Напоминаніемъ о семъ случаѣ злополучномъ не хочу растравить сердечныхъ вашихъ ранъ. Желаю только въ объятіяхъ вашихъ почерпнуть отраду и утѣшеніе. Великъ былъ вашъ грѣхъ предъ Господомъ, но онъ извлекъ изъ него еще величайшее благодѣяніе. Вы изгнали меня изъ земли Ханаанской, а Богъ водворилъ меня для васъ въ Египтѣ. Изъявимъ единодушно благоговѣніе къ судьбамъ Божественнаго Его Привидѣнія и почтимъ въ Богѣ отцевъ нашихъ Бога Авраама, Исаака и Іакова.

«Еще нѣсколько лѣтъ долженъ свирѣпствовать голодъ. До срока назначеннаго нѣдра земли будутъ окованы безплодіемъ. Богъ видѣлъ сіи времена бѣдственныя и для сохраненія вашей жизни послалъ меня сюда передъ вами. Вы обрекли меня къ рабству, а Богъ опредѣлилъ, чтобы я учинился *Отцемъ Фараона* и первымъ правителемъ его царства.

«Не думайте, будто бы я ослѣпленъ блестящею своею чредою: для сына Іакова истинное величіе существуетъ только въ нѣдрахъ святаго семейства, которое Богъ соблаговолилъ избрать.»

Іаковъ, оживленный вѣстію о Іосифѣ, прибылъ въ Египетъ и поселился въ странѣ Гессемской.

Обремененный лѣтами, Іаковъ повергся на

одръ болѣзни. Уже рука смерти готова была смѣжить померкшія его очи. Но вдругъ въ слухѣ и душѣ его отозвались слова: «сынъ твой Іосифъ идетъ!» При семъ сладостномъ имени Іаковъ укрѣпился непобѣдимою силою любви отцовской; сѣлъ на одрѣ и сказалъ Іосифу: «подведи ко мнѣ твоихъ сыновъ, да благословлю ихъ!»

Не тѣлесными, одпѣми только душевными очами Іаковъ видѣлъ внуковъ, поднесенныхъ къ нему. Нѣжно обнялъ ихъ; нѣжно облобызалъ и обратясь къ Іосифу, продолжалъ: » я не лишился тебя и Богъ далъ мнѣ видѣть чадъ твоихъ!»

До глубины души пораженный сими словами, Іосифъ отдалилъ сыновъ своихъ отъ колѣнъ отца своего и съ живѣйшимъ чувствованіемъ сыновнимъ поклонился отцу *лицемъ до земли.*

Поколѣніе Іакова часъ отъ часу размножалось въ Египтѣ. Египтяне подвергли Евреевъ тягостнымъ трудамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ *Пирамиды,* пережившія сорокъ столѣтій.

По мѣрѣ размноженія Евреевъ, усугублялось противъ нихъ и ожесточеніе Египтянъ. Повелѣно было истреблять въ колыбеляхъ младенцевъ Еврейскихъ. Но Богъ вступился за невинность притѣсненную. Моисей изъ волнъ Нила спасенъ былъ дочерью Фараона. Въ чертогахъ царскихъ наученъ онъ былъ всей мудрости *Египетской* и Историкъ Іосифъ повѣ-

ствуетъ, что онъ въ юныхъ лѣтахъ увѣнчался славою, сражаясь въ битвахъ съ врагами Египтянъ, и что Фараонъ, усыновившій Моисея, хотѣлъ передать ему престолъ. Но ни блестящія надежды, ни великолѣпіе Фараонова двора, ничто не могло преодолѣть любви его къ соотечественникамъ, хотя они и не умѣли оцѣнять его усердія. Вдохновенный самимъ Богомъ, Моисей удалился въ пустыню. Въ безмолвномъ уединеніи бесѣдовалъ онъ съ самимъ собою и съ Небесами. Укрѣпясь силою душевною, онъ предсталъ предъ лице Фараона и требовалъ, чтобы онъ отпустилъ Евреевъ для жертвоприношенія Богу отцевъ его. Фараонъ упорствовалъ. Египетъ подвергся гнѣву Небесному. Наконецъ Фараонъ согласился и Моисей, вспомоществуемый тѣмъ Богомъ, Который изъ ничего, однимъ творческимъ словомъ воззвалъ вселенную, провелъ братій своихъ сквозь волны Чермнаго моря. Достигнувъ берега, Моисей и всѣ сыны Израильскіе воспѣли торжественную пѣснь Богу-избавителю. «Давно прославился Господь, вѣщали они: Онъ погрузилъ въ волнахъ морскихъ и Фараоновы колесницы и воинство его. Онъ предводилъ насъ правдою своею; Онъ утѣшилъ насъ своею крѣпостію.»

Странствуя сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, Израильтяне часто негодовали на Моисея и дерзали роптать и на самаго Бога. Но Богъ прощалъ, видя ихъ раскаяніе, а Моисей, забывая себя, предстательствовалъ за соотечественни-

ковъ неблагодарныхъ. Въ пустынѣ на вершинѣ горы Синайской, средь мглы, куренія и огней громоносныхъ, получилъ Моисей отъ Бога скрыжали, на которыхъ начертаны были десять заповѣдей; въ пустынѣ издалъ онъ всѣ учрежденія, относящіяся къ богослуженію и распорядку гражданскому.

Нѣкоторые предполагаютъ, что Моисей, желая представить взорамъ соотечественниковъ своихъ человѣка, который и подъ бременемъ лютѣйшихъ бѣдствій не роптал на Провидѣніе, сочинилъ книгу, извѣстную подъ заглавіемъ книги *Іова*. Подвергшись и нищетѣ и болѣзнямъ, сей богобоязненный страдалецъ вѣщалъ: «Богъ далъ, Богъ и взялъ! — Пользовавшись благами изливаемыми на насъ десницею Вышняго, мы должны принимать съ покорностію и напасти, посылаемыя имъ.

Въ послѣдніе дни жизни своей, желая утвердить соотечественниковъ своихъ въ покорности къ Богу, Моисей говорилъ имъ: «Богъ не для того принялъ васъ подъ покровъ свой, будто бы вы болѣе другихъ народовъ; ибо вы всѣхъ слабѣе. Любовь Божія избрала васъ.

«Не вѣщайте въ сердцѣ своемъ: *крѣпость моя и сила руки моей доставила мнѣ силу великую.* Помните Бога; онъ укрѣпилъ васъ. А если забудете Бога, если явитесь ему ослушными, онъ истребитъ васъ подобно другимъ народамъ.»

Моисей умеръ въ пустынѣ, Іисусъ Навинъ ввелъ Израильтянъ въ землю обѣтованную.

Война была кровопролитная и ужасная. На тѣсномъ пространствѣ свирѣпствовали битвы почти на каждомъ шагу.

Книга Іисуса Навина драгоцѣнна была для сыновъ Израилевыхъ, ибо была хранилищемъ свидѣтельствъ о раздѣлѣ завоеванныхъ земель между двѣнадцатью колѣнами.

Умолкли звуки оружія; сыны Израилевы успокоились подъ сѣнію мира отъ битвъ безчисленныхъ. Между тѣмъ Іисусъ Навинъ, достигнувъ преклонныхъ дней и приближаясь къ общему предѣлу всѣхъ смертныхъ, созвалъ сонмы Израильскіе и вѣщалъ:

«Протекая долговременное поприще жизни, я поникъ подъ бременемъ старости. Но вы видѣли дѣла десницы Господней. Силою его исчезли предъ лицемъ вашимъ народы. На берегахъ Іордана и на берегахъ моря великаго, лежащаго на западѣ, Богъ истребилъ всѣ племена иноземныя. Храните вѣщанія Божіи; храните законъ Моисеевъ. Не именуйте въ клятвахъ боговъ чуждыхъ: служите одному Богу истинному. Если доселѣ бѣжали въ трепетѣ народы отъ лица вашего; если каждый изъ васъ противуборствовалъ тысячамъ: то все было дѣйствіемъ помощи Вышняго. . . Нынѣ я отхожу въ путь, въ путь общій всѣмъ земнороднымъ! но отходя къ отцамъ вашимъ, снова свидѣтельствую, что не осталось безплоднымъ

ни одно благодатное слово Божіе. Кому же будете служить: ему ли, или богамъ чуждымъ?»

Загремѣлъ кликъ единодушный и старѣйшинъ и Князей и судей и чтецовъ книгъ и всѣхъ сыновъ Израилевыхъ: «не оставимъ Господа, не поработимся богамъ чуждымъ. Богъ отцевъ нашихъ извелъ насъ изъ земли Египетской, изъ *дома работы*: онъ былъ вездѣ путеводителемъ и благодѣтелемъ нашимъ. Ему, ему одному будемъ служить.»

Полагаютъ, что книги *Судей* изданы были уже при Царяхъ сообразно древнимъ лѣтописямъ.

Въ правленіе судей, народъ Израильскій, не упражняясь въ торговлѣ, особенно занимался жизнію пастырскою и земледѣльческою. Опытнѣйшій въ селеніи былъ и судьею и миротворцемъ. На чредѣ судей прославилась пророчица Девора. Сидя подъ финикозымъ деревомъ между Рамою и Веѳилемъ на вершинѣ горы, Девора изрекала судъ сынамъ Израилевымъ.

Въ ея правленіе и подъ ея предводительствомъ, раздѣленнымъ съ Варакомъ, снова пробудилась сила и мужество Израильтянъ.

Пѣснопѣнія торжественныя, изъявляющія мгновенные порывы благодарности, восприяли начало свое между немногочисленными народами. Въ кругу тѣсномъ быстрѣе и сильнѣе соединяются сердца и души. Съ уничтоженіемъ опасности не разрывался союзъ ихъ: сердца передавали устамъ ихъ клики радости и восторга. Та-

кую пѣснь среди побѣдоносныхъ Израилевыхъ сыновъ возгласили Варакъ и Девора.

«Долго не зрѣли, вѣщали они: долго не зрѣли въ странѣ Израильской мужей сильныхъ; но возстала Девора и возстала *матерь* въ Израилѣ.»

Богъ сражался съ сонмомъ храбрыхъ. Между тѣмъ, когда воздухъ оглашался радостными кликами сыновъ Израиля, мать *Сисары*, полководца Царя *Іавимы*, мечтая, что сынъ ея возвратится въ сіяніи славы, смотря въ окно и простирая вдаль взоры нетерпѣливые, вопіяла: «почто замедлилась колесница его? почто не спѣшатъ его кони?

Ей отвѣчаютъ и она себѣ отвѣчаетъ: «можетъ быть онъ раздѣляетъ теперь добычу?.. Можетъ быть для себя выбираетъ прекраснѣйшія одежды, ткани и украшенія нарядныя? Можетъ быть ему готовятъ торжество блистательное?...

Не увидитъ, горестная мать, обольщенная мечтою, не увидитъ она ни торжества, ни сына своего: онъ палъ во мракъ могильный.

Саулъ былъ первымъ Царемъ Израильскимъ. Онъ славенъ и побѣдами и порывами страстей и паденіемъ своимъ. Примѣчательно, что въ то самое время, когда въ области Іудейской учредилась власть Царская, оная уничтожалась въ Аѳинахъ. Кодръ, пожертвовавшій жизнію за отечество, былъ послѣднимъ Царемъ Аѳинскимъ.

Давидъ, вторый Царь Израильскій, славенъ громкими побѣдами и еще болѣе смиреніемъ и вниманіемъ къ страждущему человѣчеству. Въ состояніи пастырскомъ, сердце его ознакомилось со всѣми животворными чувствованіями любви и милосердія. Онъ дѣлилъ скорбь бѣдныхъ страдальцевъ, онъ осушалъ слезы ихъ въ то время, когда еще пасъ стада отца своего. Онъ узналъ сладость благотворенія и возвелъ съ собою на престолъ любовь и милосердіе. « Ты, вѣщаетъ онъ Богу: Ты прибѣжище убогому; Ты вѣрный ему помощникъ въ скорби.

« Не до конца забвенъ будетъ нищій; терпѣніе убогихъ не до конца погибнетъ.

« Великіе міра! въ ваше смотрѣніе оставлены нищіи и сироты.

« Блаженъ, кто печется; блаженъ, кто заботится о жребіи нищихъ и убогихъ! мы странники, мы пришельцы на землѣ, скорби и печали могутъ насъ постигнуть. Но въ дни лютые и злополучные самъ Богъ осѣнитъ щитомъ своимъ бѣдныхъ и страдальцевъ.»

За сію любовь къ человѣчеству, Богъ вездѣ подкрѣплялъ Давида. Съ помощію его освободилъ онъ Израильтянъ отъ ига и отъ податей, возложенныхъ на нихъ Филистимлянами; съ помощію Бога завоевалъ онъ *Идумею*, покорилъ *Дамаскъ*, простеръ владѣніе свое въ предѣлы *Сиріи*. Словомъ: онъ былъ основателемъ Еврейской державы и всегда побѣдоноснымъ.

Но главная изъ побѣдъ есть та, которую одерживаемъ надъ самими собою. Давидъ увѣнчался и сею побѣдою. Даже и среди величія гордость не дерзала приступать къ его сердцу. « Я видѣлъ, говоритъ Давидъ: видѣлъ развратнаго, возносящагося и возвышающагося подобно кедру Ливанскому. Прошелъ мимо и — нѣтъ его; и изгладилось мѣсто, гдѣ величался сей исполинъ. »

Но ухищреніе лести, ласкательства и позорное раболѣпство страстямъ уловляютъ въ сѣти свои и лучшихъ изъ Царей. Давидъ впалъ въ сіи сѣти пагубныя. Плѣнясь красотою *Вирсавіи*, супруги *Урія*, онъ повелѣлъ Іоаву, полководцу своему, послать Урія въ такое мѣсто, гдѣ онъ былъ бы неизбѣжною жертвою враговъ. Іоавъ, угождая страсти Царя своего, исполнилъ его приказъ. Урій былъ убитъ. Давидъ перевелъ супругу его въ чертоги свои. Является къ нему Пророкъ *Наѳанъ* и вѣщаетъ: « въ одномъ городѣ были два человѣка, одинъ богатый, другой убогій. Богатый обладалъ множествомъ буйволовъ, а у бѣднаго была одна слабая агница. Бѣдный возрастилъ ее и питалъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Онъ кормилъ ее своимъ хлѣбомъ, поилъ изъ чаши своей и подобно дщери нѣжной, она успокоивалась на лонѣ его.

« Между тѣмъ странникъ посѣтилъ богатаго владѣльца стадъ буйволовыхъ. Алчный богачь не хотѣлъ угостить странника пищею отъ стадъ, но отнявъ агнца у убогаго, предложилъ ему въ снѣдь. »

Сильно вознегодовалъ Давидъ и воскликнулъ: «живъ Богъ! хищникъ достоинъ смерти и долженъ заплатить въ семь разъ болѣе за то, что обидѣлъ слабаго и убогаго!»

«Ты, возразилъ Наѳанъ: ты сей богачь жестокосердый; ты презрѣлъ милосердіе Божіе, ты забылъ благодѣянія его; твоимъ мечемъ убитъ *Урій Хеттеанинъ*; ты похитилъ его жену. Но все то, что ты сотворилъ тайно, все то низпошлетъ на тебя Богъ предъ лицемъ всего Израиля и передъ солнцемъ, озаряющимъ вселенную.»

Съ душою скорбною возопилъ Давидъ: «я согрѣшилъ передъ Богомъ!» — Наѳанъ: возразилъ «и ты не умрешь.»

Давидъ раскаялся; онъ узналъ всю истинну словъ своихъ; онъ узналъ, что въ скорби надежна одна помощь Божія и что всѣ пособія человѣческія ничтожны. А потому онъ всегда повторялъ: *Отъ Бога спасеніе и слава моя.*

Слава о мудрости Соломона, сына Давидова гремѣла во всѣхъ земныхъ предѣлахъ. Изъ странъ дальныхъ приходили внимать его словамъ и возвращались съ удивленіемъ. Несмѣтныя сокровища втекали въ нѣдра его царства. Счастіе осыпало всѣ пути его цвѣтами. Но на семъ прахѣ земномъ все ненадежно. Соломонъ забылся въ сіяніи мудрости, славы и счастія. Забывъ себя, онъ забылъ и того Бога Вселенной, которому соорудилъ храмъ великолѣпный.

Роскошь языческая поднесла ему золотой сосудъ съ отравами мнимыхъ утѣхъ. Вздремалъ Соломонъ на лонѣ нѣги и сладострастія. Но скоро миновалось сіе очарованіе, скоро узналъ онъ, что душа *странница земная*, ни чѣмъ не можетъ удовольствоваться на землѣ.

Убѣдясь въ сей истиннѣ непреложной и пробудясь отъ сна обманчивыхъ утѣхъ, Соломонъ сказалъ: « Все суета суетъ. Всѣ потоки текутъ въ море и море не насыщается. Тоже и съ сердцемъ человѣческимъ: ничто не можетъ его удовлетворить.

« Разсматривалъ я мудрость человѣческую и увидѣлъ мечту ея. Звалъ къ себѣ веселіе, испыталъ его и узналъ его ничтожность. Въ чертогахъ позлащенныхъ, въ садахъ роскошныхъ сердце мое томилось и страдало. »

Испивъ всю чашу роскоши, утомясь подъ бременемъ величія земнаго, Соломонъ рѣшительно возвѣстилъ, что счастіе человѣка состоитъ единственно въ томъ, чтобы жить для добра и дѣлать добро. «Лучше,» говоритъ онъ: « лучше посѣщать домъ плача, нежели идти въ домъ пира. »

Сближаясь душою съ страдальцами, мы чувствуемъ всю полноту бытія души нашей: уносясь вихремъ утѣхъ, мы изчезаемъ въ самихъ себѣ. Будемъ сближаться съ страдальцами; будемъ отирать слезы вдовъ и сиротъ и мы на тернистомъ пути жизни найдемъ ту сладостную, ту неотъемлемую отраду, которая соединяетъ насъ съ добродѣтелію и небесами.

ВАВИЛОНЪ.

Белезисъ или *Набоносаръ*, помогавшій Арбасу низвергнуть съ престола Сарданапала, присвоилъ себѣ *Вавилонію*. Наслѣдники его мало извѣстны. *Езарадонъ*, царь Ассирійскій, овладѣлъ *Вавилоніей* и присоединилъ ее къ *Ассиріи* подъ общимъ наименованіемъ *Вавилона*. Къ завоеваніямъ своимъ присовокупилъ онъ еще Сирію и часть *Палестины*.

Могущество царей Вавилонскихъ часъ отъ часу усиливалось и, казалось, что Вавилонъ возникъ для обладанія надъ вселенною. Жители отличались умомъ и мужествомъ. Философія и изящныя искуства искони въ немъ процвѣтали, а воины его почитались превосходнѣйшими ратниками на Востокѣ. Древность дивилась обильнымъ жатвамъ страны, одичавшей теперь отъ нераченія и лѣности.

Цари Ассирійскіе, возгордясь приращеніемъ, доставленнымъ ихъ областямъ великолѣпнымъ *Вавилономъ*, предались новымъ порывамъ честолюбія. *Навуходоносоръ* первый мечталъ, что держава его не достойна его величія, если онъ не присовокупитъ къ ней вселенную. *Навуходоносоръ* второй, горделивѣйшій изъ всѣхъ предшественниковъ своихъ, ознаменовавъ оружіе

свое блистательными успѣхами и завоеваніями, захотѣлъ быть не царемъ, но Богомъ. Какія чудесныя стѣны, башни и врата и какія ограды явились въ предѣлахъ Вавилона! Казалось, что древнее столпотвореніе Вавилонское возраждалось въ непомѣрной вышинѣ храма *Белусова*; казалось, что Навуходоносоръ снова домогался угрожать небесамъ! Хотя десница Вышняго смирила его гордость, но наслѣдники его опять заразились ею. Домогаясь всѣмъ овладѣть и все поработить игу своему, они возбудили противъ себя общую ненависть сосѣднихъ народовъ.

Любовь и благоразуміе созидаютъ и охраняютъ царства; гордость, обращающаяся въ свирѣпство, губитъ ихъ. Вавилонъ погибъ отъ гордости и жестокосердія властелиновъ своихъ.

АССИРІЯ, МЕДІЯ.

Трудно означить предѣлы древней *Ассиріи*. Оные обыкновенно полагаютъ между Тигромъ и Ефратомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сіи рѣки начинаютъ сближаться, исходя изъ Месопотаміи до той черты, гдѣ недалеко отъ устья своего впадаютъ въ заливъ Персидскій.

Ассирія, нынѣшній Курдистанъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, есть древнѣйшее государство. Повѣствуютъ, что *Немвродъ* былъ первымъ онаго обладателемъ; но о наслѣдни-

кахъ его до *Нина*, нѣтъ ничего увердительнаго.

По смерти *Нина*, супруга его *Семирамида* приняла бразды правленія. Покоря Медію, Египетъ и Ливію, она простерла области свои до Еѳіопіи.

Нинусъ, сынъ Семирамиды, былъ ея наслѣдникомъ. Едва ли извѣстны имена царей, владычествовавшихъ до *Сарданапала*, тридцать седьмаго и послѣдняго Царя. *Арбасъ* низвергъ съ престола сластолюбиваго Сарданапала и воцарился. *Дежосесъ*, наслѣдникъ Арбаса, старался смягчить нравы народовъ Медіи. *Фраотъ*, сынъ его, пылая жаромъ воинскимъ, напалъ на Персовъ и поработилъ ихъ державѣ своей. Вскорѣ потомъ почти вся Азія подверглась владычеству его. Упоенный сими успѣхами, онъ отважился ополчиться на Ассирію. *Навуходоносоръ*, Царь Ассирійскій, разбилъ Мидянъ, преслѣдовалъ ихъ войско, покорилъ ихъ города, взялъ приступомъ *Екбатанъ*, предалъ сей городъ на разграбленіе и похитилъ всѣ его сокровища. Плѣненный *Фраотъ*, по повелѣнію *Навуходоносора*, разстрѣлянъ былъ стрѣлами.

Тиглатъ *Фалассаръ* царствовалъ въ *Ниневіи* вскорѣ послѣ *Сарданапала*. Къ областямъ своимъ присовокупилъ онъ Сирію и всѣ страны, принадлежавшія Израильтянамъ за *Іоарданомъ*, наконецъ покорилъ всю *Галлилею*. *Салманасаръ*, наслѣдникъ его, по трехлѣтней осадѣ взялъ *Самарію* и уничтожилъ Царство Израильское.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ВАВИЛОНА.

Вавилонъ сооруженъ былъ на Ефратѣ, раздѣлявшемъ его на двѣ части, которыя соединялись однимъ мостомъ, устроеннымъ изъ кедроваго дерева. Мраморныя возвышенныя набережныя украшали и утверждали берега рѣки. На поверхность воды спускались изъ-подъ сводовъ, загражденныхъ желѣзными воротами. На одномъ берегу возносился великолѣпный *Белусовъ* храмъ; на другомъ были чертоги Семирамиды. Оба сіи зданія сообщались проходомъ, выдѣланнымъ подъ ложемъ рѣки Ефрата. Работа сія продолжалась шестдесятъ дней и для принятія рѣчныхъ водъ, вырыто было обширное озеро.

Еще превосходнѣе было зодчество, поддерживавшее *висячіе сады*. Оно состояло изъ исполинской насыпи, вознесенной по повелѣнію Семирамиды надъ гробницею ея супруга. На сей пространной громадѣ Царица насадила большія деревья. Впрочемъ должно замѣтить, что она во многихъ случаяхъ любила горы искусственныя. Во время своихъ походовъ заставляла она воиновъ своихъ на обширныхъ поляхъ устроивать горы; раскидывала на вершинѣ ихъ шатеръ и оттуда смотрѣла на подданыхъ своихъ, какъ на стадо, обреченное пресмыкаться у ногъ ея.

Казалось, что гордыня, омрачившая душу Семирамиды, знаменитой завоеваніями и исполинскими предпріятіями, но не великой добродѣтелью: казалось, что сія гордыня досталась въ наслѣдство всему ея народу. Вавилонъ, ужасая вселенную оружіемъ, еще болѣе возбуждалъ къ себѣ ненависть непреклоннымъ кичееніемъ. Онъ славился, онъ величался тѣми бѣдствіями, которыми поражалъ человѣчество. Но ударилъ и для него часъ роковой! явился Киръ у стѣнъ его и въ стѣнахъ Царства Вавилонскаго. Пылая мщеніемъ, воины Кировы восклицали: «намъ не нужно ни золото, ни сокровища Вавилонянъ: мы алчемъ только отомстить врагамъ народовъ и презрителямъ человѣчества!»

ПЕРСІЯ.

Персія, столь знаменитая въ лѣтописяхъ міра и разоренная *Тахъ-масъ Кулиханомъ*: Персія есть одна изъ прелестнѣйшихъ странъ Азіи. Снабжая ее обыкновенными произведеніями, то есть, рысомъ и сочными плодами, она доставляетъ еще особенно пшеницу и вино.

Въ ней много ароматовъ и рѣдкихъ растѣній врачебныхъ; сверхъ того въ нѣкоторыхъ ея областяхъ есть металлы, искусно обработывае-

мые. Земля почти вездѣ испрещрена цвѣтами самородными. Наконецъ Персія изобилуетъ всѣми тѣми дарами, которыми природа надѣляетъ другія страны рукою скупою.

Въ нѣдрахъ Персіи находится также растѣніе ядовитое, извѣстное подъ названіемъ *цвѣта заражающаго вѣтръ*. Въ сильные жары тлетворныя его испаренія отравляютъ воздухъ, надъ нимъ протекающій, и наносятъ смерть тому, кто имъ дышетъ. Впрочемъ тамъ наслаждаются воздухомъ благорастворенымъ и освѣжаемымъ рѣками, хотя и не обширными, но многочисленными. Источники, стремящіеся съ холмовъ, текутъ сперва во рвы, искусно обдѣланные для поливанія, а потомъ орошаютъ и оплодотворяютъ поля. Сильныя бури, громы и молніи въ предѣлахъ Персіи рѣдки, но землетрясенія случаются по временамъ.

Въ Персіи давно были природные Цари. При жизни *Авраама* царствовалъ тамъ *Кодорлагоморъ*, который завоевалъ *Содомъ* и *Гомору* и побѣдилъ пять сосѣднихъ владѣльцевъ. Но тогда Персія состояла изъ одной только области, а Персы раздѣлены были на малочисленныя двѣнадцать колѣнъ, что и продолжалось до Кира.

Нравы древнихъ Персовъ по многимъ отношеніямъ достойны вниманія. Лучшіе изъ ихъ Царей отличались правосудіемъ. Хотя преступленія наказывались строго, но къ первой винѣ оказывали снисхожденія, а къ послѣдовавшей,

строгость. У нихъ много было хорошихъ узаконеній, изданныхъ *Киромъ* и *Даріемъ*, сыномъ *Гистаспа.* Въ лѣтописяхъ, содержавшихъ событія прошедшія, записывали всѣ заслуги частныхъ людей и Цари почитали злоключеніемъ, если хотя одна заслуга оставалась безъ награды.

Земледѣліе было въ Персіи въ большемъ уваженіи. Кромѣ военныхъ начальниковъ, были *Сатрапы* или правители областные, особенно надзиравшіе за трудами сельскими.

Древніе Персы ненавидѣли ложь, праздность и неблагодарность. Воспитаніе дѣтей почиталось у нихъ священною обязанностію. Платонъ Аѳинскій разсказываетъ о томъ такимъ образомъ. На осьмомъ году занимали ихъ верховою ѣздою и охотою. На четырнадцатомъ году, когда умъ начинаетъ образоваться, поручали ихъ четыремъ добродѣтельнымъ и мудрымъ наставникамъ: — первый наставлялъ ихъ Богослуженію, по древнимъ правиламъ *Зороастра*, сына *Оромазова.* Другой училъ говорить всегда правду и соблюдать првосудіе Третій внушалъ имъ презрѣніе къ сластолюбію, порабощающему умъ и сердце. Четвертый одушевлялъ ихъ мужествомъ, способствующимъ переносить труды военные и превратности судьбы.

Къ несчастію роскошь и нѣга истребили всѣ сіи изящныя постановленія.

Держава, учрежденная *Киромъ*, существовала около двухъ столѣтій. Съ послѣднимъ ихъ Царемъ *Даріемъ-Кодоманомъ* погибла Персія и

подверглась игу Александра Македонскаго. Несмѣтное ополченіе Персовъ не могло устоять противъ войска малочисленнаго, но одушевленнаго устройствомъ и отважностію. Семейство Даріево досталось въ плѣнъ побѣдителю. Александръ Македонскій увѣковѣчилъ имя свое ласковымъ пріемомъ матери и дочерей Царя побѣжденнаго. Сей подвигъ былъ вѣнцемъ его славы. Громъ славы затихаетъ въ теченіи временъ, а добродѣтель пріобрѣтаетъ новый блескъ.

Бессъ, недостойный Даріевъ начальникъ, простеръ на него убійственную руку. Колесница злополучнаго Царя мчалась безъ проводника. Лошади, истомленныя жаромъ, остановились въ долинѣ близъ источника, гдѣ одинъ Македонскій воинъ утолялъ жажду. Зачерпывая въ шлемъ воду, услышалъ онъ стонъ человѣка умирающаго. Немедленно поспѣшилъ онъ къ колесницѣ, открылъ кожи, покрывавшія ее, и увидѣлъ *Дарія*, плававшаго въ крови своей. Сострадая о жребіи его, онъ поднесъ ему воды къ освѣженію запекшихся устъ. Благодарный Дарій сказалъ: « Незнакомецъ, я не могу ни чѣмъ тебя наградить. Но за благодѣяніе твое наградятъ тебя боги и Александръ. Простираю къ тебѣ правую мою длань, а ты простри руку свою къ Александру въ залогъ Царскаго моего слова.»

Такъ умеръ Дарій вмѣстѣ съ своею державою. Сей человѣколюбивый воинъ назывался *Полистратомъ*. Къ славѣ добродѣтели имя его пережило имена многихъ завоевателей.

СКИѲЫ и САРМАТЫ.

Скиѳы и Сарматы, радоначальники Татаръ, составляли сонмы кочующіе и воинственные; обитали издревле въ Сѣверной части Азіи и постепенно отдалились въ страны умѣренныя.

Есть также преданіе о *Амазонкахъ* или Героиняхъ Сарматскихъ. Повѣствуютъ, что онѣ жили при впаденіи *Дона* въ *Азовское* море.

Скиѳы, отличавшіеся отъ Сарматовъ миролюбіемъ и пастырскою жизнію, названы были въ древности *народомъ справедливымъ*. Предполагаютъ, что *Скиѳъ*, сынъ *Геркулеса*, былъ родоначальникомъ ихъ. *Геродотъ* раздѣляетъ ихъ на поколѣнія Скиѳовъ кочующихъ, Скиѳовъ пастырей, Скиѳовъ царственныхъ и такъ далѣе.

Скиѳъ *Анахарзисъ*, современникъ *Солона*, включенъ былъ въ число семи Греческихъ мудрецовъ.

Скиѳъ Абарисъ за долго до Анахарзиса извѣстенъ былъ въ Греціи. Говорятъ, что *Анахарзисъ*, прибывъ въ Аѳины, сказалъ Солону: *Я пріѣхалъ подружиться съ тобою.* Солонъ отвѣчалъ: *лучше дружиться дома, нежели на чужбинѣ.* Анахарзисъ возразилъ: *ты дома, и такъ дружись со мною.*

Ученые утверждаютъ, что поколѣнія Татар-

скія, поглощая постепенно другъ друга, подобно потоку наводнили цѣлую Европу.

КИТАЙ.

Полагаютъ, что Фоги за три тысячи лѣтъ явился въ Китаѣ. Онъ былъ иноплеменникъ. Рожденіе его облечено мракомъ неизвѣстности. Китайцы переняли отъ него *науку жертвоприношеній.*

Фоги издалъ книгу, изображенную не *буквами*, но *чертами.*

Императоръ *Іао* былъ седьмымъ владѣльцемъ послѣ *Фоги. Ксунъ* или Хунъ царствовалъ послѣ *Іао* и наконецъ министръ *Хука* былъ вождемъ поколѣнія *Гіа* за двѣ тысячи восемдесятъ лѣтъ до Рождества Христова.

Поколѣніе *Шанговъ* утвердилось за тысячу семь сотъ лѣтъ до Р. Х. Поколѣніе *Тшу* возникло шестью столѣтіями позднѣе. *Вувамъ*, сынъ *Венъ-Вэна* былъ родоначальникомъ онаго.

Поколѣніе *Тсиновъ* наслѣдовало поколѣнію *Тшуновъ* за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ до Р. Х., то есть около блистательнаго царствованія Птоломеевъ въ Египтѣ. Поколѣніе *Гана* замѣнило поколѣніе *Тсина* за двѣсти лѣтъ до Р. Х. Подъ державою сихъ новыхъ владѣльцевъ Ки-

тайцы простерли оружіе свое въ *Бактріану* и *Индію.* Но только за сто двадцать пять лѣтъ до Р. Х. Китайцы стали заниматься сажденіемъ винограда и короче ознакомились съ Греками и Римлянами.

Увѣряютъ, что одно изъ затмѣній исчислено было въ Китаѣ за двѣ тысячи пять сотъ лѣтъ до Р. Х.

Почтеніе къ родителямъ есть основаніе нравственности Китайцевъ.

Первый Императоръ въ Китаѣ изъ поколѣнія *Тсинскаго* принялъ сіе наименованіе за двѣсти пятьдесятъ восемь лѣтъ до Р. Х. Наслѣдники его присвоили себѣ право жертвоприношеній небу и землѣ.

Въ одной изъ Китайскихъ книгъ, извѣстной подъ названіемъ *Ли-Ки,* такимъ образомъ описываютъ различныхъ жителей сего Государства, существовавшихъ за 800 лѣтъ до Р. Х. «Китайцы, обитавшіе на востокѣ, носили длинные волосы, испещряли красками тѣло и не варили пищи. Жившіе на Полднѣ, дѣлали у себя отверстія на лбу и также употребляли пищу сырую. Обитавшіе на западѣ, носили кожаную одежду, отращивали волосы и не питались хлѣбными сѣменами. Жители Сѣверные наряжались въ одежду сотканную изъ перьевъ, жили въ пещерахъ и также не питались хлѣбомъ.»

За 1558 лѣтъ до Р. Х., то есть около временъ *Секропса* и *Моисея*, поколѣніе *Танговъ*

низвергло поколѣніе *Гіаевъ.* Вотъ какъ о семъ повѣствуетъ въ *Шу-книгѣ* :

«Царь сказалъ войскамъ своимъ: « придите, внемлите мнѣ; я лице ничтожное, и такъ отважусь ли возмущать державу? Но поколѣніе Гаевъ много погрѣшило: Небо изрекло паденіе ихъ.»

«Небо, сказано въ той же Китайской книгѣ : даровавъ людямъ жизнь, оставило имъ ихъ страсти. Гдѣ нѣтъ правителя, тамъ раздоръ. *Гіа* повергъ народъ на раскаленные уголья, ибо страсти возмутили его сердце. Счастливъ Царь, одаренный мудростію и благоразуміемъ! Соблюдать законы Государственные значитъ соблюдать законы небесные. Презрѣніе къ людямъ уничтожаетъ добродѣтель; корысть губитъ сердце.»

При дворѣ *Гіаевъ* и *Шанговъ* были два историка. Одинъ записывалъ слова, а другой дѣянія Государей. Одного называли Историкомъ *лѣвой руки,* а другаго *правой.*

Сематсіо, современникъ *Гомера,* есть извѣстнѣйшій Китайскій историкъ. Книга его называется: *Двадцать одна исторія.*

Конфуцій, жившій за 551 годъ до Р. Х., есть знаменитѣйшій Китайскій Философъ.

«Добродѣтель, говорилъ онъ: есть слѣдствіе постоянной любви къ добру и отвращенія ко злу.

«Министръ, чуждый блистательныхъ дарованій, но обладающій сердцемъ правымъ и безмятежнымъ, уважаетъ дарованія другихъ.

«Человѣкъ совершенный соблюдаетъ всегда истинную середину. Здравый разсудокъ, ниспосланный съ неба, показываетъ оную.

«Человѣкъ совершенный не перемѣняется ни въ счастіи, ни въ злополучіи. Онъ всегда покоренъ уставамъ Неба.

«Добродѣтель начальниковъ подобна вѣтру; добродѣтель подчиненныхъ подобна травѣ. Дуетъ вѣтръ благопріятный и трава цвѣтетъ.

«Трудись для другихъ, какъ будто бы для самаго себя. Помни, что ты человѣкъ и что ты подверженъ паденію. Упадая приподнимайся силою душевною. Будь твердъ въ словѣ своемъ. Будь воздерженъ. Очищай свои помышленія. Отъ чистоты мыслей зависитъ чистота дѣяній.

«Богатство и почести обворожаютъ насъ, но добродѣтель лучше ихъ. Убѣгай гордости; будь человѣколюбивъ.»

Конфуцій умеръ 73 лѣтъ. Владѣлецъ *Лускій*, услыша о его кончинѣ, залился слезами и сказалъ: «Небо раздражено противъ меня: оно лишило меня Конфуція.»

ЦАРСТВО СИКІОНСКОЕ.

Полагаютъ, что *Сикіонъ*, городъ Пелопонезскій, составлялъ не только древнѣйшее царство въ Греціи, но будто бы онъ предварилъ и образованіе Египта и державы Ассирійской, ибо существовалъ еще до кончины Ноя. Но это, кажется, одна догадка лѣтоисчислителей, хотя они и подкрѣпляютъ оную исчисленіемъ двадцати царей, украсившихъ сію область богами, храмами, жертвенниками, истуканами боговъ и своими статуями, отработанными младенческимъ рѣзцомъ.

Егіалей былъ первымъ царемъ Сикіонскимъ, а *Ксезиппъ* послѣднимъ. По смерти сего царя правленіе перешло въ руки Аполлоновыхъ жрецовъ и принадлежало имъ тридцать пять лѣтъ. Наконецъ Агамемнонъ, Царь *Миценскій*, овладѣлъ Сикіономъ, который въ послѣдствіи вмѣстѣ съ Миценою, перешелъ во владѣніе *Гераклидовъ*.

Сикіонъ, около 400 лѣтъ до Р. Х. стеня подъ игомъ тирановъ, поручилъ правленіе *Клинію*, одному изъ мужественнѣйшихъ своихъ согражданъ и ожидалъ отъ него спасенія своего, но тщетно.

Потомъ *Абантидасъ*, убивъ Клинділ, истребилъ всѣхъ родственниковъ, друзей и захватилъ престолъ.

Одинъ только Аратъ, сынъ Клинія, уклонялся отъ ненасытной ярости тирана. Достигнувъ двадцати лѣтъ, онъ составилъ заговоръ противъ *Никоклеса*, наслѣдника Абантидасова и овладѣлъ городомъ. Тиранъ едва спасся бѣгствомъ. Возвратя свободу своему отечеству, Аратъ приступилъ къ союзу *Ахейскому*.

АРГОСЪ.

Все знаменито въ *Арголидѣ*: лѣса, рѣки, горы, города. Тамъ каждый почти шагъ ознаменованъ важнымъ событіемъ.

За 1823 года до Р. Х. въ предѣлахъ Пелопонеса, *Инакъ* основалъ царство Аргоское. Спустя около трехъ столѣтій, *Данай*, изгнанный изъ Египта братомъ своимъ, прибылъ въ Аргосъ, низвергъ съ престола *Геланора*, законнаго царя и овладѣлъ скипетромъ. Отъ *Даная* Греки наименовались *Данаями*. Преемниками его престола были Линцей, Абасъ, Претъ и Акризій. У сего послѣдняго была только одна дочь *Даная*, родившая потомъ *Персея*.

Юный Персей, убивъ нечаянно дѣда своего

Акризея, оставилъ Аргосъ, основалъ Мицену и учредилъ тамъ владѣніе свое.

Около 1208 Аргосъ учинился Республикою и непосредственно участвовалъ во всѣхъ Греческихъ войнахъ.

Около 1330 возгорѣлась война между Аргивцами и Лакедемонцами за ничтожное мѣстечко, называемое *Тиреемъ*.

Передъ битвою условились съ обѣихъ сторонъ для пощаженія крови, избрать по нѣскольку воиновъ и уступить урочище побѣдителямъ.

На полѣ сраженія предстали по триста воиновъ съ обѣихъ сторонъ. Битва продолжалась съ равнымъ ожесточеніемъ, одна ночь прекратила ее. Осталось только три воина; двое Аргивскихъ и одинъ Лакедемонскій. Почитая себя побѣдителями, Аргивцы поспѣшили въ Аргосъ съ вѣстію о побѣдѣ. Но Лакедемонецъ *Никократъ*, оставшись на мѣстѣ боя, снялъ доспѣхи съ убитыхъ Аргивцевъ и приписывалъ себѣ побѣду, говоря, что сопротивники его спаслись бѣгствомъ.

И такъ споръ не кончился. Оба войска сразились общими силами. Лакедемонцы одержали побѣду и удержали за собою мѣстечко *Тирейское*.

МИЦЕНА.

Акризій, послѣдній Царь Аргоскій, узнавъ отъ прорицалища, что онъ нѣкогда будетъ лишенъ престола и жизни внукомъ своимъ, рѣшился, къ обезпеченію жизни своей, пожертвовать *Данаею*, единственною своею дочерью. При рожденіи Персея, онъ приказалъ мать и младенца помѣстить въ сундукъ и отдать ихъ на произволъ волнъ морскихъ. Страдальцы вы брошены были на берегъ Архипелагскаго острова *Серифскаго*, называемаго теперь *Серфимомъ*. Диктилъ, братъ Полидекта, владѣлецъ острова, принялъ ихъ подъ свое покровительство и рачительно заботился о воспитаніи Персея.

Воспламеняясь врожденнымъ мужествомъ, Персей вскорѣ отличился подвигами блистательными. Не зная ничего о жребіи своемъ, онъ возвратился въ отечество и, какъ уже было сказано, нечаянно убилъ своего дѣда *Акризія*. Хотя онъ наслѣдовалъ его престолъ, но, скорбя неутѣшно отъ неумышленнаго убійства, онъ оставилъ городъ, гдѣ представлялся ему окровавленный призракъ его дѣда. Основавъ Мицену, Персей поселился въ ней и учинилъ ее столицею области своей.

Восемь наслѣдниковъ обладали его престоломъ до *Пентила* и *Комета*, изгнанныхъ Гераклидами. Освобожденая Мицена разрушена Аргосцами около 468 лѣтъ до Р. Х. и вся страна была покорена.

ОБЩЕЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Преданія вѣщаютъ, что Греки первоначально жили въ дикихъ пещерахъ и лѣсахъ дремучихъ. Явились люди отважные; составились дружины и начались распри кровопролитныя.

Египтяне были просвѣтителями Греціи. Отыскивая убѣжище и приставъ къ берегамъ *Арголиды*, Египтяне занялись образованіемъ общежитія человѣческаго. Подъ остріемъ сѣкиры пали лѣса непроходимые; зазеленѣлись долины; нивы озлатились жатвою благодатною. Луга усѣялись стадами.

Перемѣна сія началась при *Инакѣ*, который первый водворилъ въ предѣлахъ Греціи поселеніе Египетское, и продолжалось при сынѣ его *Форонѣе*. Вскорѣ *Арголида, Аркадія* и страны окрестныя разцвѣли отъ руки человѣческой.

Спустя около трехъ столѣтій, въ сопровожденіи поселеній Египетскихъ и Финикійскихъ, *Цекропсъ* прибылъ въ Аттику, *Кадмъ* въ Виотію, *Данай* въ Арголиду. Промышленность и искуства распространились за предѣлы *Пелопонеза*.

Цекропсъ, уроженецъ Египетскаго города *Саиса*, уклоняясь отъ ига сильнаго побѣдителя, оставилъ цвѣтущіе берега Нила и послѣ долговременнаго странствованія по морямъ, приплылъ къ Аттикѣ. Вскорѣ Египтяне и жители Аттики слились въ одинъ народъ. Цекропсъ принесъ съ собою изъ Египта оливковыя деревья. Труды и законы преобразили природу и людей. Утвердились браки и возникла жизнь семейственная, одушевляющая чувствованіями любви и благодарности. Боги Египетскіе, Ливійскіе и Финикійскіе переселились въ Грецію. Городъ Аргосъ посвященъ былъ *Юнонѣ*, Аѳины *Минервѣ*, Ѳивы *Бахусу*.

Цекропсъ повсюду сооружалъ храмы и жертвенники. Онъ желалъ успокоить подданныхъ своихъ подъ сѣнію мира и благоустройства. Онъ научилъ орошать слезами могилы отцевъ, матерей и друзей. Въ душахъ поселилось чувство добродѣтели и подданные Цекропса старались оставлять послѣ себя новое бытіе, заключающееся въ добромъ имени.

Полагаютъ, что въ послѣдніе годы жизни своей, Цекропсъ учредилъ судилище, знаменитое подъ названіемъ *Ареопага*.

Подъ сѣнію мира и законовъ, народонаселеніе, умножившееся въ Аттикѣ до двадцати тысячь, раздѣлено было на четыре колѣна. Морскіе разбойники напали на Аттику и распространили ужасъ. Употребляя въ пользу и сей бѣдственный случай, Цекропсъ убѣдилъ жителей сблизить свои жилища и оградить стѣнами селенія. Аѳины основались на холмѣ. Одинадцать другихъ городковъ вознеслись въ другихъ мѣстахъ.

Послѣ Цекропса въ продолженіи пяти сотъ шестидесяти пяти лѣтъ царствовали семьнадцать Государей.

Кадмъ перенесъ въ Віоѳію буквы Египетскія или Финикійскія.

При Ерехтіонѣ Цекропсово поселеніе научилось впрягать коней въ колесницы и занималось пчеловодствомъ, особенно на горѣ Гименѣ.

При *Пандіонѣ* усовершенствовалось хлѣбопашество. Но отъ засухи продолжительной исчезла надежда земледѣльцевъ. Хлѣбъ стали вывозить изъ Египта, что и подало поводъ къ первоначальной торговлѣ. *Ерехтей* прославился различными полезными учрежденіями и Аѳиняне въ память его соорудили храмъ.

Промышленность возрастала, изобрѣтенія умножались, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась и борьба страстей. Зависть и ненависть возмутили сердца. *Амфименіонъ*, поддерживаемый Аѳинянами, домогавшимися почестей, принудилъ *Краная* сойти съ престола, но вскорѣ и

самъ принужденъ былъ уступить оный *Ерихтоніону*.

По мѣрѣ возвышенія Аѳинъ, возвышались постепенно и царства Аргоское, Аркадское, Лакедемонское, Кориноское, Сикіонское, Ѳивское, Ѳессалійское и Епирское.

Но образованіе общественное и въ предѣлахъ Греціи не вдругъ утвердилось. Даже и среди новаго общежитія возникли сильные презрители законовъ и утѣснители невинности. Въ отпоръ имъ явились защитники человѣчества, названные *Героями*.

Они дѣйствительно были *Героями*, ибо охраняли, а не губили человѣчество. Нападалъ ли хищный звѣрь на мирныя стада? Герой ополчался, отваживалъ жизнь свою для блага селенія и поражалъ истребителя стадъ. Даже и нѣкоторые изъ тогдашнихъ царей вступали на поприще Героевъ, чтобы полезнымъ мужествомъ утвердить власть свою и заслужить любовь и благодарность.

Къ несчастію люди охладѣваютъ и къ самымъ благодѣтельнымъ подвигамъ. Героямъ показалось мало защищать только свою родину и отечество. Воображеніе ихъ стремилось къ подвигамъ необычайнымъ и въ страны дальныя: словомъ, они промѣняли пользу существенную на славу мечтательную. Отсюда произошло отважное плаваніе *Аргонавтовъ* для похищенія *золотаго руна* или сокровищъ *Етеса*, царя *Колхидскаго*. Въ числѣ Аргонавтовъ были

Язонъ, по причинѣ отсутствія своего, утратившій престолъ Өессалійскій; Касторъ и Полуксъ, сыны Тиндара, Царя Спартанскаго, увѣковѣчившіе имена свои торжествомъ дружбы; Пелей, Царь *Фессаліи*, и отецъ Ахилла. Тамъ былъ также и пѣснопѣвецъ Орфей, который сладостными звуками очаровательной лиры облегчалъ трудное странствованіе по морямъ дальнымъ и бурнымъ. Наконецъ съ Аргонавтами находился и Геркулесъ, наполнившій вселенную славою имени своего. Сей сынъ Юпитера и Алкемены поразилъ льва Немейскаго, вола Кретскаго, вепря Ериментскаго, гидру Лернскую. Отъ руки его пали *Бузирисъ*, Царь Египетскій, обагрявшій руки свои въ крови иностранцевъ, и Антей Ливійскій, обрекавшій на смерть всѣхъ тѣхъ, которыхъ побѣждалъ въ борьбѣ. Имъ поражены исполины Сицилійскіе и всѣ грабители, мечтавшіе обогащаться неправеднымъ хищеніемъ.

Отдаляя все баснословное, относящееся къ Геркулесу, онъ отличился отъ прочихъ людей силою необычайною. Но при всѣхъ приписываемыхъ ему слабостямъ, онъ прославился тѣмъ, что употреблялъ силу для блага людей.

Тезей, сынъ Егея, Царя Аөинскаго и Етры, дочери мудраго Питтея, правителя Трезены, соревнуя Геркулесу, устремлялся за нимъ мыслію и душою. Вскорѣ открылось и для Тезея поприще подвиговъ и славы. Грабители снова стали появляться; хищные звѣри выходили изъ

глубины лѣсовъ: а Геркулесъ находился въ Лидіи. Вскорѣ сближился онъ съ Геркулесомъ подвигами трудными и сочетался съ нимъ дружествомъ. Ему приписываютъ пораженіе чудовища *Минотавра,* которому будто бы въ Кретскомъ Лавиринѳѣ отдавали на съѣденіе Аѳинскихъ отроковъ, отбираемыхъ у Аѳинянъ вмѣсто дани *Миносомъ*, царемъ Критскимъ. Но имя мудраго Миноса уничтожаетъ сію клевету. Справедливѣе то, что Тезей, подвергая опасности жизнь свою, освободилъ Аѳинянъ отъ постыднаго ига, возложеннаго на нихъ побѣдоносными Критянами.

Между тѣмъ Егей умеръ и Тезей при первомъ шагѣ вступленія на престолъ Аѳинскій, ограничилъ власть свою и рѣшился подданнымъ своимъ доставить правленіе прочное и благоустроенное. Двѣнадцать городковъ, основанныхъ Цекропсомъ, учинились двѣнадцатью особенными Республиками, раздѣлившимися и силами и выгодами. Желая соединить ихъ союзомъ неразрывнымъ, Тезей самъ объѣзжалъ всѣ сіи города и присутствіемъ своимъ внушалъ единодушное стремленіе къ пользѣ общей. Подвигъ его увѣнчался успѣхомъ. Аѳины учинились Тезеевой державой и средоточіемъ власти законодательной. Учредились три сословія, распорядители сей власти: вельможи, земледѣльцы и ремесленники. Первое долженствовало отличаться блескомъ почестей, второе важностію заслугъ, третіе многочисленностію своею. Въ силу по-

становленія, Тезею, какъ главному вождю Республики, поручено было защищать издаваемые имъ законы и предводительствовать войсками, составленными къ охраненію оныхъ.

Тезей учредилъ празднество, на которое стеклись различные народы Аттики. Онъ соорудилъ мѣста присудственныя, распространилъ и украсилъ столицу; пригласилъ селиться иноземцевъ, которые смѣшались съ Аѳинянами; прибавилъ къ державѣ своей землю *Мегарскую*, и водрузилъ на Перешейкѣ *Коринѳскомъ* столпъ, отдѣлявшій Аттику отъ Полопонеза.

Уже народы окрестные съ восхищеніемъ внимали человѣколюбивымъ его законамъ; уже слава передавала имя его безсмертію; но страсть къ необычайнымъ приключеніямъ снова въ душѣ его пробудилась. Для новыхъ подвиговъ оставилъ онъ отечество и сердца подданныхъ оставили его. Отсутствіе Тезея и различные его отдаленные поиски, истребили къ нему любовь. По возвращеніи своемъ, онъ хотѣлъ употребить силу, но принужденъ былъ удалиться и умеръ въ уничиженіи. Спустя уже нѣсколько столѣтій, прахъ его перенесенъ былъ въ Аѳины; въ честь его соорудили гробницу, храмъ и назвали его первымъ виновникомъ ихъ величія.

Одно изъ важнѣйшихъ событій древней Греческой Исторіи было осада, взятіе и разореніе Трои.

ВЗЯТІЕ ТРОИ.

На берегу Азіи, противуположенномъ областямъ Греческимъ, *Пріамъ*, подъ сѣнію мира владычествовалъ въ стѣнахъ Трои. Богатство, храбрость его подданныхъ и связи съ Ассиріей, доставляли Пріамову царству такой же блескъ, какимъ Мицена сіяла въ предѣлахъ Греціи. Домъ Аргонскій, водворившійся въ семъ городѣ, почиталъ вождемъ своимъ *Агамемнона*. По́ сказанію историка Страбона, сей царь присовокупилъ къ областямъ своимъ страну Коринѳскую, Сикіонскую и другіе города окрестные. Братъ его *Менелай*, сочетавшись бракомъ съ *Еленою*, наслѣдницею царства Спартанскаго, усугубилъ могущество его въ той части Греціи, которая отъ имени дѣда его *Пелопса* названа была *Пелопонезомъ*.

Прадѣдъ его *Танталъ*, царствовавшій сперва въ Лидіи, нарушая священныя права народовъ, повергъ въ оковы Троянскаго Князя *Ганимеда*. До тогоже еще времени Геркулесъ, потомокъ царей Аргоскихъ, разрушилъ Трою, умертвилъ царя *Лаомедона* и похитилъ дочь его Гезіону.

Сіи обиды, питая наслѣдственную ненависть между поколеніями Пріама и Агамемнона, часъ отъ

часу болѣе раздражали сердца сихъ царей, возмущавшихся сверхъ того соперничествомъ власти. Пріамовъ сынъ Парисъ, украшенный прелестями природы и осыпанный дарами пріятныхъ искуствъ, прибылъ ко двору Менелая, плѣнилъ Елену, его супругу, и похитилъ ее. Тщетно Агамемнонъ и Менелай требовали удовлетворенія: Пріамъ ничему не внималъ, полагая, что сынъ его отомщаетъ за оскорбленія, нанесенныя нѣкогда дому его предками сихъ царей.

Закипѣло мщеніе, возгорѣлась война Троянская. Послѣ десятилѣтней осады Троя погреблась въ пеплѣ пожарномъ.

Но побѣдоносные цари Греческіе и сами подверглись различнымъ злоключеніямъ. Потомки Агамемнона, утѣсненные въ Аргосѣ, бѣжали въ предѣлы Фракіи, а потомки *Нестора* изъ *Мессены* удалились въ Аттику. Аргосъ достался въ удѣлъ *Темену*, а Мессинская область *Кресѳонту*. Ериспенъ и Проклесъ, сыны Аристодема, царствовали въ Лакедемонѣ.

Новое правленіе въ Аѳинахъ.

Вскорѣ потомъ побѣдители напали на *Кодра* царя Аѳинскаго за то, что онъ далъ убѣжище врагамъ ихъ. Кодръ, жертвуя собою для спасенія своего народа, умеръ отъ меча непріятелей. Аѳиняне, пораженные симъ великодушнымъ подвигомъ, отмѣнили царскую власть и провозгласили Юпи-

тера единственнымъ царемъ народа Аѳинскаго. На мѣсто царей учредили они *безсмѣнныхъ правителей*, которые однако долженствовали отдавать отчетъ въ распоряженіяхъ своихъ. Сихъ правителей назвали *Архонтами*. *Медонъ*, сынъ Кодра, первый поступилъ въ сіе званіе, долго переходившее по наслѣдству въ его поколѣніе. Аѳиняне разсѣяли свои поселенія въ той части *малой Азіи*, которая названа была *Іоніей*. Въ то же почти время воспослѣдовали Еліолидскія поселенія и вся малая Азія наполнилась городами Греческими.

ЛАКЕДЕМОНЪ или СПАРТА.

Полагаютъ, что *Лелексъ* прибылъ въ *Лаконію* около 1516 лѣтъ до Р. Х. и овладѣвъ сею страною, положилъ первое основаніе *Лакедемону*.

Имя *Лаконцевъ* было первымъ названіемъ сей области, лежащей между Пелопонезомъ, Аркадіей, Мессиніей и Средиземнымъ моремъ; второе имя перешло къ нимъ отъ *Спарты*, столицы ихъ; а *Лакедемонцами* назвались они отъ *Лакедемона*, одного изъ первыхъ ихъ царей.

На берегѣ находилось много хорошихъ пристаней и по Еротасу, главной рѣкѣ, плавали до самой Спарты. Земля гориста, обильна пастбищами, но не способна къ хлѣбопашеству. Лакедемоняне, одушевляясь мужествомъ, умѣли воевать на сушѣ и на водахъ, отвергали роскошь, дорожили своею честію и свободою, но завидовали возвышенію сосѣдей своихъ. Первоначально въ Спартѣ царствовали постепенно тринадцать царей, потомки Лелексовы. Правленіе ихъ продолжалось до Тизамена и Пенфила, сына Ореста, владѣвшихъ совокупно и низверженныхъ *Гераклидами*, спустя восемьдесять лѣтъ по взятіи Трои.

Подъ державою первыхъ царей важнѣйшимъ событіемъ было похищеніе Елены, супруги Менелая.

Проклъ и Еристемъ, принадлежавшіе къ Геркулесову поколѣнію, общими силами захватили царство Лакедемонское. Въ послѣдствіи скипетръ нераздѣльно принадлежалъ симъ двумъ семействамъ. Одно называлось *Еристепидами* или *Егидетами*; а другое *Проклидами* или *Ерепонтидами*. Первое, отличавшееся знаменитостію, дало тридцать одного царя; другое двадцать четыре.

Непримѣтнымъ образомъ отъ правленія Монархическаго Спарта перешла къ правленію Республиканскому.

Имя Ликурга есть главный вѣстникъ славы Спартанцевъ.

Онъ оградилъ Спарту не стѣнами, но силою законовъ.

Ликургъ основалъ свое законодательство на силѣ воспитанія. Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ пріучали Спартанцевъ къ трудамъ и къ презрѣнію смерти и опасностей. Безъ ропота переносили они голодъ и жажду.

Въ Спартѣ воспитаніе было общественное. Не частные люди, но, такъ сказать, цѣлое отечество надзирало надъ тѣми, отъ которыхъ ожидало будущихъ защитниковъ своей безопасности.

При играхъ юныхъ Спартанцевъ присутствовали и правители Республики и старики и всѣ граждане. Главная пѣсня Спартанцевъ, состоявшая изъ хора стариковъ, юношей и отроковъ, была слѣдующая:

Старики.

Были и мы нѣкогда и молоды и храбры.

Юноши.

А мы теперь сразимся со всякимъ.

Отроки.

А мы нѣкогда всѣхъ васъ превзойдемъ.

Общее вниманіе отечества къ юнымъ Спартанцамъ, воспламеняло души ихъ соревнованіемъ и желаніемъ жить для Спарты и умирать за нее.

Въ Спартѣ все было общее. Личная собственность была такъ неизвѣстна. Золото и серебро Спартанцы почитали отравою страстей.

«На что намъ сокровища, говорили они: у насъ есть хижины, одежда и хлѣбъ; у насъ есть желѣзо и руки для обороны отечества и друзей; у насъ души сильныя, свободныя и неспособныя къ рабству: вотъ наши сокровища.»

Не смотря на сію страсть къ свободѣ, у Спартанцевъ были невольники. Жестокимъ съ ними обхожденіемъ оскорбляли они человѣчество и посрамляли мужество свое. Вниманіе къ человѣчеству есть вѣнецъ славы.

ВІОѲІЯ, ѲИВЫ.

Воздухъ въ Віоѳіи густой; кажется, что умственныя ихъ способности чужды живости. Спокойствіе предпочитаютъ они дѣятельности.

Кадмъ, первый изъ царей Віоѳіи, принесъ жителямъ сей страны изъ Финикіи буквы; учредилъ училище, установилъ торговлю, мореплаваніе и искуство обработывать мѣдь. Онъ построилъ онъ *Ѳивы* или крѣпость Кадмею, учинившуюся столицею его державы. Повѣствуютъ, будто бы Ѳивы и Кадмея соору-

жены были при очаровательныхъ звукахъ лиры *Амфіоновой*. Слѣдственно густой воздухъ Ѳіоѳіи не препятствовалъ жителямъ перенимать полезныя искуства и плѣняться музыкою, обворожающею слухъ и сердце. Нравственныя дѣйствія человѣческія зависятъ не отъ перемѣнъ воздушныхъ, но отъ примѣра тѣхъ, которые способны двигать умы и души.

Подъ державою своихъ царей, Ѳивы почти непрестанно возмущались междоусобіемъ. Бѣдствія злополучнаго *Лауса*, одного изъ Кадмовыхъ наслѣдниковъ, повергли сей городъ въ отчаяніе. Прорицалище предрекло, что *Эдипъ*, сынъ сего царя и *Іоакасты*, убьетъ своего отца. Едипъ, вынесенный въ колыбели изъ царскихъ чертоговъ, найденъ былъ пастухами, воспитанъ ими и, возмужавъ убилъ нечаянно отца своего.

Древніе Греки, привыкнувъ къ простымъ событіямъ примѣшивать чудесное, наполнили и Ѳивскія лѣтописи разсказами баснословными, затмѣвающими истинну историческую. «Эдипъ, говорятъ они: сочетался беззаконнымъ бракомъ съ матерью своей *Іокастою*. Сыны его *Етеоклъ* и *Полиникъ*, пылавшіе врожденною ненавистію, неистово сражались подъ стѣнами *Ѳивъ* и поразили другъ друга мечами. Эдипъ, узнавъ о рожденіи своемъ, выкололъ себѣ глаза, а Іокаста умертвила себя.» Всѣ сіи неявственныя событія или преданія послужили къ содержанію нѣкоторыхъ Греческихъ трагедій, учинившихся образцами и для новыхъ писателей.

По прекращеніи царскаго правленія, Θивы обратились въ Республику. Наслаждаясь долговременнымъ миромъ, Θивская область постепенно усилилась.

Эпаминондъ, полководецъ Θивскій, озарилъ безсмертною славою отечество свое. Побѣждая на полѣ битвъ, онъ умѣлъ на совѣщаніяхъ владычествовать надъ умами повѣренныхъ Греціи и удержалъ въ союзѣ съ Θивами народы, завидовавшіе возвышенію сей области. Краснорѣчіемъ равнялся онъ съ превосходнѣйшими витіями Аѳинскими, приверженностію къ отечеству съ Леонидомъ и едва не превосходилъ правотою и самаго Аристида.

Домъ его былъ святилищемъ благотворенія. Бѣдные находили тамъ всегда состраданіе и помощь. Въ нѣдрахъ его семейства царствовали спокойствіе и простота. Обоготясь славою, Эпаминондъ терпѣлъ часто недостатокъ даже и не въ обходимомъ. Приготовляясь къ нашествію на Пелопонезъ, онъ самъ снаряжалъ все нужное для похода. Тщетно нѣкоторые изъ его соотечественниковъ, надѣленные дарами счастія, вызывались подѣлиться съ нимъ имуществомъ своимъ. Эпаминондъ имъ возражалъ: «Дѣлитесь съ бѣдными.»

Есть, такъ сказать, неумирающія черты добродѣтели. Такая слава добродѣтели принадлежитъ Эпаминонду. Однажды въ кругу друзей своихъ, Эпаминондъ сказалъ: « Сфодріадъ намѣренъ выдать дочь свою за мужъ. Онъ бѣденъ;

онъ не можетъ ничего дать. Вы обѣщались вспомоществовать ему по мѣрѣ состоянія своего. Теперь я долженъ нѣсколько дней пробыть дома, но при первомъ моемъ выходѣ, представлю вамъ сего честнаго гражданина. Пусть ознакомиться онъ съ своими благодѣтелями.» Что же удерживало на нѣсколько дней дома великаго Эпаминонда? Исправленіе простыхъ нуждъ семейственныхъ.

Но въ тоже самое время прибылъ къ Эпаминонду отъ *Артаксерска*, царя Персидскаго, посолъ съ богатыми дарами. Эпаминондъ возразилъ. «Если намѣренія твоего царя согласны съ выгодами моего отечества, то мнѣ не нужны его дары. А въ противномъ случаѣ все золото его державы не поколеблетъ вѣрности моей къ отечеству. Ты заключалъ обо мнѣ по сердцу своему; прощаю тебѣ. Но оставь скорѣе городъ нашъ: присутсвіе твое можетъ заразить жителей его.»

Никогда не искалъ Эпаминондъ никакихъ почестей, и никогда не отказывался ни отъ какой должности. Часто служилъ онъ простымъ воиномъ подъ начальствомъ полководцевъ неопытныхъ. Нерѣдко войско Ѳивское, осажденное въ станѣ своемъ и доведенное до крайности, прибѣгало къ его помощи. Въ сихъ случаяхъ, предводя войскомъ, отражалъ непріятелей и возвращался спокойно въ станъ, не помня о несправедливости отечества и забывая заслуги свои,

Всѣ сія добродѣтели украшались еще нѣжною любовію Эпаминонда къ родителямъ. Одержавъ славную побѣду при *Левктрахъ*, онъ сказалъ: «я тому болѣе всего радъ, что родители мои насладятся моею славою.»

Вмѣстѣ съ жизнію Эпаминонда изчезли сила и слава Ѳивянъ.

ЛИДІЯ, КРЕЗЪ, СОЛОНЪ, КИРЪ.

Лидія, страна обширная въ малой Азіи, называлась сперва *Меоніей* отъ имени царя своего *Меона*, жившаго за 1506 л. до Р. Х. Наслѣдники его неизвѣстны: ихъ замѣнили *Геракли-ды*, то есть Геркулесовы потомки. *Аргонъ* былъ послѣднимъ царемъ изъ сего поколѣнія.

Пространство Лидіи перемѣнялось по обстоятельствамъ; она была то простою областью, то царствомъ. Столицею царства Лидійскаго былъ городъ *Сардъ*, находившійся у подошвы горы *Тмолы* на рѣкѣ *Пактоклѣ*, струившей съ пескомъ своимъ золото.

Изъ всѣхъ Лидійскихъ царей Крезъ отличался могуществомъ и сокровищами. Силою оружія уравнялъ онъ царство свое съ царствомъ Вавилонскимъ. Въ чаду тщеславія, онъ почиталъ

себя первымъ щастливцемъ во вселенной. Аѳинскій законодатель Солонъ во время путешествія своего остановился въ Сардахъ. Крезъ представилъ взорамъ весь блескъ сокровищь своихъ, всю пышность и великолѣпіе двора своего и спросилъ. « Что онъ думаетъ объ немъ и видѣлъ ли кого нибудь счастливѣе его?» — « Видѣлъ,» отвѣчалъ Солонъ. » Кого же ? » возразилъ изумленный Крезъ. — « Я видѣлъ , продолжалъ Солонъ : добродѣтельнаго отца многочисленнаго семейства, который умеръ , побѣдя враговъ отечества.»—«Знаешь ли другихъ счастливцевъ? » снова спросилъ Крезъ.? — « Знаю , отвѣчалъ Солонъ. Сіи счастливцы суть два *Аргивца* , увѣнчанные на играхъ Олимпійскихъ и прославившіеся любовью сыновнею. Мать ихъ жрица Юноны, торопясь ѣхать въ храмъ, тщетно ожидала воловъ: сыны ея сами впряглись въ колесницу и везли ее среди рукоплесканія и благословеній народа. Восхищенная мать просила богиню, чтобъ она наградила сыновъ ея тѣмъ, что для нихъ всего полезнѣе. Мольба ея была услышана : по окончаніи жертвоприношенія сыны ея уснули безмятежно и перешли въ объятія смерти. »

Крезъ понялъ и вскорѣ испыталъ , что прежде смерти никого нельзя назвать щастливымъ.

Обманутый ложнымъ прорицалищемъ, или лучше сказать , властолюбіемъ своимъ , Крезъ ополчился противъ *Кира* , царя Персидскаго. Онъ былъ побѣжденъ; заключенъ въ оковы и приговоренъ къ сожженію на кострѣ. Восходя на

костеръ, онъ горестно воскликнулъ: *О, СолонЪ! о, СолонЪ?* Киру передано было сіе восклицаніе. Онъ потребовалъ къ себѣ цара Лидійскаго и спросилъ, что значили его слова. Крезъ отвѣчалъ:» Въ свидѣтели злополучнаго моего жребія, призывалъ я человѣка, къ которому питаю душевное уваженіе; я призывалъ мудреца, достойнаго быть наставникомъ царей и разговоры котораго предпочитаю сокровищамъ цѣлаго свѣта. Солонъ философъ Аѳинскій, посѣтилъ нѣкогда мои чертоги. Онъ видѣлъ мою славу, мое могущество, мое богатство: я былъ тогда на вышней степени благодѣнствія человѣческаго. Ничему не удивляясь, онъ показалъ мнѣ мечту и ненадежность всѣхъ благъ земныхъ. Горестная моя участь оправдала слова великаго мужа.

Пораженый симъ отвѣтомъ, Киръ простилъ Креза и по сказанію нѣкоторыхъ историковъ возвратилъ ему царство.

КИРЪ, ОСНОВАТЕЛЬ ДЕРЖАВЫ ПЕРСИДСКОЙ.

Киръ, сынъ *Камбиза*, царя Персидскаго и *Манданы*, дочери *Астіага*, царя Мидійскаго, отъ отроческихъ лѣтъ отличался остротою ума и воспитанъ былъ по древнимъ законамъ Персидскимъ, которые тогда строже были законовъ Спартанскихъ.

До Кира, Персы, раздѣленные на различныя колѣна, едва могли выставлять войска до ста двадцати тысячь. Но подъ управленіемъ его область ихъ подъ названіемъ Персіи, распространилась отъ *Гелеспонта* до рѣки *Инда*.

Съ войскомъ малочисленнымъ, одушевленнымъ примѣромъ царя своего, Киръ завоевалъ всѣ вольные города Азійскіе. Ирканія и Мидія покорились ему добровольно. Сирія, Аравія, Финикія, Лидія, Карія и Вавилонъ, уступили силѣ его оружія. Бактріяне, Индіяне, Сакіяне, Пафлагоняне, Магедане и многіе другіе народы были въ его подданствѣ. Въ продолженіи похода своего завоевалъ онъ всѣ Азіятскіе Греческіе города и Египетъ.

Много было завоевателей, отъ которыхъ страдали и народы покоренные и собственныя ихъ области. « Но Киръ, говоритъ *Ксенофонтъ*: обходя вселенную страхомъ имени своего и побѣждая народы оружіемъ, побѣждалъ и сердца любовью, кротостію, умѣренностію и благоразуміемъ и самые отдаленные народы сближалъ и соединялъ въ одно семейство. Называя его отцемъ, всѣ они желали единственно того, чтобы жить подъ его державою и жертвовать ему жизнію. »

Обладая способностью избирать людей, достойныхъ управлять людьми, онъ, какъ будто бы, размножался повсемѣстно. Правители различныхъ областей, понимая душу своего царя, дѣйствовали умомъ и душою его.

Къ поспѣшнѣйшему исполненію благодѣтельныхъ своихъ предписаній, Киръ учредилъ *почту*.

Стараясь мудрыми законами подкрѣплять нравы, Киръ убѣжденъ былъ, что примѣръ Государя сильнѣе всего побуждаетъ подданныхъ къ добродѣтели и къ подвигамъ благороднымъ.

Завоеватели, бывшіе бичами человѣчества, страшились и самихъ себя и смерти. Но Киръ, по свидѣтельству историка его Ксенофонта, въ послѣднія мгновенія жизни своей вѣщалъ сынамъ своимъ: « страшитесь помрачать себя развратомъ передъ лицемъ рода человѣческаго: страшитесь боговъ: они не облекутъ васъ мглою: дѣла ваши будутъ явны. Душа, отдѣлясь отъ тѣла, не умираетъ.»

На гробѣ его изображена была слѣдующая надпись:« я Киръ, сынъ Камбиза, основатель державы Персидской, обладатель Азіи. Прохожій! не завидуй сему памятнику, подъ которымъ покоится мой прахъ.»

СОЛОНЪ.

По примѣру отца своего расточая щедрою рукою благодѣянія, Солонъ вскорѣ подвергся недостатку. Хотя Аѳиняне и дорожили знаменитымъ происхожденіемъ, но у нихъ не стыдно было обогащаться торговлею. И такъ Солонъ отправился путешествовать и какъ купецъ и какъ искатель новыхъ познаній. Главными предметами его ученія были нравственность и политика.

« Чиновникъ общественный, говорилъ онъ: желая управлять другими, долженъ сперва научиться управлять самимъ собою.

« Не предлагайте совѣты пріятнѣйшіе, но полезнѣйшіе.

« Познавай самаго себя.

Сказываютъ, что сіе послѣднее изрѣченіе начертано было у входа храма Дельфійскаго.

Семь Греческихъ мудрецовъ, въ числѣ которыхъ былъ Солонъ, соединенные узами друже-

ства, иногда сбирались и передавали другъ другу мысли, полезныя человѣчеству. Однажды съѣхавшись ко двору *Періандра* Коринѳскаго, предложили вопросъ: *какое лучшее правленіе народное?*

Вотъ отвѣты ихъ. *Віасъ.* « То, гдѣ никто не выше закона.

Ѳалесъ. « То, гдѣ граждане не слишкомъ богаты и не слишкомъ бѣдны.

Скиѳъ Анахарзисъ. « *То*, гдѣ добродѣтель въ уваженіи, а порокъ въ презрѣніи.

Клеовулъ. » То, гдѣ граждане болѣе стыдятся укоризны, нежели наказанія.

Питтакусъ. « То, гдѣ добродѣтель ведетъ къ почестямъ, и гдѣ ненужно уничижаться.

Хилонъ. « То, гдѣ законы сильнѣе ораторовъ.

Солонъ. « То, гдѣ обида, причиненая одному гражданину, почитается общею обидою.

Отвѣтъ Солона всѣми былъ одобренъ.

Слѣдующій случай послужилъ поводомъ къ названію *семи мудрецовъ Греческихъ.*

Возвращаясь изъ Трои и повинуясь древнему прорицалищу, *Елена* бросила въ море золотой треножникъ. Сей треножникъ вытащенъ былъ рыбаками острова *Коса,* которые запродали *Милизейцамъ* то, что попадется въ ихъ сѣти. При видѣ треножника произошелъ сильный споръ. Города *Косъ* и *Милетъ* готовились къ оружію. Наконецъ прибѣгли къ *Пиѳіи,* которая присовѣтовала препроводить треножникъ къ мудрѣйшему изъ людей. Сперва отослали оный къ *Ѳалесу*; Ѳалесъ от-

правилъ къ *Віону*. Словомъ треножникъ переходя отъ одного мудреца къ другому, опять возвращенъ былъ къ Ѳалесу. По общему согласію сей даръ посвященъ былъ храму Аполлона Дельфійскаго.

Издавъ законы для Аѳинянъ Солонъ сказалъ: »я далъ Аѳинянамъ не превосходнѣйшіе законы, но приличнѣйшіе для нихъ.»

Недолго существовало зданіе Солоновыхъ законовъ. *Пизистратъ*, ближній родственникъ Солона, поработилъ Аѳины. Среди общаго смятенія гражданъ, Солонъ вынесъ изъ дома оружіе свое, положилъ оное на улицѣ и сказалъ: «Сколько можно было я защищалъ законы и отечество.» Друзья совѣтовали ему бѣжать, но тщетно.« Чтоже защититъ тебя?» спросили его: *Моя старость*! отвѣчалъ онъ.

Свободу Аѳинъ Солонъ пережилъ только двумя годами. Онъ умеръ въ глубокой старости на островѣ *Кипрѣ*. Вся Греція о немъ жалела.

Обозрѣніе войны Медійской или нашествіи Персовъ на Грецію.

Различныя поселенія, основанныя Греками въ малой Азіи, постепенно подверглись власти царей Мидійскихъ, а по завоеваніи Киромъ Мидіи, перешли подъ власть Персовъ. Въ девятнадцатый годъ царствованія Дарія, всѣ сіи поселенія возмутились и отправили пословъ въ Аѳины.

Аѳиняне, опасаясь явно возстать противъ Персіи, не приняли пословъ.

Вскорѣ потомъ *Гиппій*, послѣдній царь Аѳинскій, изгнанный изъ Аѳинъ, удалился ко двору *Артаферна*, брата Даріева и Сатрапа Мидійскаго. Аѳиняне требовали, чтобы Артаферпъ оставилъ Гиппія, возбуждавшаго Персію къ войнѣ противъ Аѳинъ. Высокомѣрный Сатрапъ отвѣчалъ, что если Аѳиняне хотятъ быть въ связи съ Персами, то пусть опять возведутъ на престолъ Гиппія.

Взаимное негодованіе часъ отъ часу усиливалось. Гиппій, возставляя Персію противу прежняго своего отечества, угрожалъ ему новыми оковами! Аѳиняне быстро устремились въ малую Азію. Деревянный городъ Сардъ зажженъ былъ рукою ѳратника изъ ополченія Іоническаго. Аѳиняне были выгнаны.

Въ борьбѣ страстей человѣческихъ малѣйшее обстоятельство служитъ поводомъ къ войнѣ кровопролитной. И такъ, по мнѣнію историковъ, не сожженіе города Сарда, но тщеславіе Даріевой супруги подвигло къ войнѣ съ Греками сего царя властолюбиваго.

Держава Даріева заключала въ себѣ тогда все пространство нынѣшней Персіи и Турціи Азіятской. Онъ владычествовалъ также надъ Ѳракіей, Финикіей, Палестиною и надъ нѣкоторыми странами Македоніи.

Аѳиняне сильны были не обширностію земли и многолюдствомъ, но любовью къ свободѣ и оте-

честву. Милтіадъ, Өемистоклъ и Аристидъ озарили Аөины блескомъ славы и дарованій своихъ.

По обычаю того времени, Дарій отправилъ пословъ требовать у Грековъ *земли* и *воды.* Егина, Өивы, Віоөія и почти всѣ города Греческіе, объятые страхомъ, покорились или безмолвствовали. Аөины и Спарта съ презрѣніемъ отвергли наглое требованіе пословъ Персидскихъ. *Еретрея* и *Платея* послѣдовали ихъ примѣру. Но увлекаясь пылкостію и нарушая право народное, долженствующее вездѣ и всегда охранять пословъ, Греки, раздраженые противъ Персовъ, повергли Даріевыхъ посланиковъ въ колодцы, говоря: « тамъ возьмите для владыки своего *земли* и *воды.*»

Пять сотъ Персидскихъ кораблей, подъ начальствомъ *Артаферна* и *Датиса* отплыли къ берегамъ Греціи. Изгнаный царь Гиппій служилъ имъ вожатымъ. Разоря нѣкоторые города, превратя въ пеплъ Еритрею, Персы вторглись въ Аттику; учредили станъ при Мараөонѣ на берегу морскомъ и угрожали Аөинамъ жребіемъ, постигшимъ Еретрею.

Спарта обѣщала выставить три тысячи воиновъ, но древній предразсудокъ замедлилъ отправленіе ихъ до полнолунія. Одни Платеяне прислали тысячу ратниковъ.

Хотя всѣ Аөинскіе полководцы, подражая Аристиду, отказались отъ *очередныхъ дней* и уступили полное начальство Милтіаду, но сей

вождь великодушный, не желая подвергнуть товарищей своихъ отвѣтственности въ случаѣ неудачи, дождался очереднаго своего дня. На зарѣ утренней онъ устроилъ войско свое. *Калимахъ* или главный вождь Аѳинскій, начальствовалъ правымъ крыломъ; Платеяне составляли лѣвое крыло; Аристидъ и Ѳемистоклъ предводили серединою. Не назнача себѣ никакой особенной части войскъ, Милтіадъ рѣшился быть вездѣ тамъ, гдѣ будетъ опасность. Аѳинянъ было только десять тысячь. Но Милтіадъ доказалъ, что искуство сильнѣе многичисленности. Предостерегая войско свое отъ обходу, онъ примкнулъ его къ горѣ: къ затрудненію конницы непріятельской, избралъ мѣсто, усѣянное деревьями, а къ изумленію Персовъ, приказалъ Аѳинянамъ быстро на нихъ бѣжать. Разпоряженія его увѣнчались успѣхомъ. Часть Персовъ, оттиснутая къ болоту погибла тамъ, а другая спаслась на коробляхъ и спѣшила напасть на беззащитныя Аѳины. Но Милтіадъ въ тотъ же день быстро полетѣлъ къ Аѳинамъ и уничтожилъ умыслъ враговъ.

Спартанцы прибыли на другой день битвы Марафонской. Видя толпы плѣнныхъ и множество добычи, они воспламенились тою пагубною завистію, которая въ послѣдствіи вооружила ихъ противъ Аѳинъ и обагрила Грецію кровью Грековъ.

Слава не предохранила Милтіада отъ гоненія. Не успѣвъ овладѣть островомъ *Паросомъ*, онъ

обвиненъ былъ въ измѣнѣ и въ тайномъ сношеніи съ Персами. Сперва приговорили его къ смерти, потомъ къ денежной пѣни, наконецъ за неуплату оной, онъ заключенъ былъ въ темницу, гдѣ и умеръ отъ ранъ, полученыхъ за оборону неблагодарныхъ Аѳинянъ

Вскорѣ изгнанъ былъ и Аристидъ за то, что утомилъ Аѳинянъ правотою своею.

СИЦИЛІЯ.

Сицилія называлась нѣкогда *Тринакріей*, ибо видъ ея подобенъ треугольнику. Баснословіе повѣствуетъ, что будто бы первыми ея жителями были *Листригоны* и Циклопы. Трояне, бѣжавъ изъ отечества своего, построили въ Сициліи города *Ериксъ* и *Егестъ*. Первые, извѣстные ея обитатели были *Сиканійцы*: происхожденіе ихъ не отыскано. Наконецъ народъ *Сикулъ*, вышедшій изъ Италіи, далъ ей имя и теперь существующее.

Окружность Сициліи простирается на сто восемьдесятъ двѣ мили. Она чрезвычайно изобилуетъ хлѣбомъ и виномъ. Предполагаютъ, что хлѣбъ тамъ самъ собою родился, и от-

шуда распространился по всей Европѣ. На ароматныхъ лугахъ, усѣянныхъ тамъ безчисленными фіялками и другими цвѣтами, собаки, преслѣдуя животныхъ, теряютъ ихъ слѣдъ. Средина острова украшена сими лугами и неподалеку отъ нихъ находится пещера подземельная.

Сиканійцы жили сперва на горахъ въ небольшихъ мѣстечкахъ, управляемыхъ различными владѣльцами. Весь островъ имъ принадлежалъ. Возгореніе и изверженіе Этны отогнали ихъ къ западу. Спустя долгое время, *Сикулы*, какъ уже было сказано, заняли оставленную часть острова и вели упорную войну съ прежними жителями. Пользуясь сими раздорами, Греки овладѣли берегомъ и учредили тамъ поселенія. Халкидонцы основали *Леонтѣ* и *Катану*. Мегарцы *Мегару*; Мессинцы *Мессину*; Архій, Коринѳянинъ построилъ *Сиракузы*. Другія поселенія водворились въ *Калабріи*. Вотъ отъ чего Сицилія и часть Италіи, занятая Греками, назвались *Великою Греціею*.

Сія область богатая, обширная и плодоносная, защищаемая моремъ и по множеству пристаней своихъ способная къ мореходству и завоеваніямъ, могла бы соперничествовать въ силѣ съ первостепенными державами Европейскими, еслибъ жители ея наслаждались управленіемъ совокупнымъ. Но Сицилійцы, раздѣленные на различныя племена, учреждали то республики, то Монархіи, не заботились о пользахъ общихъ и, сражаясь другъ съ другомъ, отдѣльно стремились

къ распространенію областей своихъ. Сими внутренними раздорами приготовили они Риму и Кареагену богатую добычу. Страна ихъ учинилась главнымъ поприщемъ войны Римлянъ и Кареагенянъ.

СИРАКУЗЫ И ГЕЛОНЪ.

Писатели ничего не сообщили намъ до царствованія *Гелона* въ Сиракузахъ. Они только повѣствуютъ, что *Клеандръ*, тиранъ Гелы, пораженный убійственнымъ кинжаломъ, оставилъ престолъ брату своему *Гиппократу*, который ввѣрилъ войско свое гражданину *Гелону*, принадлежавшему къ поколѣнію жрецовъ. Но Гелонъ знаменитѣе былъ личнымъ достоинствомъ, нежели породою.

Мужествомъ и искусствомъ привлекъ онъ къ себѣ народъ и войско. По смерти Гиппократа остались два сына. Сильная сторона Республиканцевъ, существовавшая въ Гелѣ, отдаляла ихъ отъ наслѣдственнаго престола. Гелонъ показывалъ, будто бы вступается за нихъ, силою овладѣлъ городомъ и принудилъ народъ провозгласить себя Царемъ. Въ это время Республика Сиракузская возмущалась крамолами. Сторона побѣдоносная изгнала множество гражданъ. Из-

гнанники прибѣгли къ Гелону. Онъ поспѣшилъ съ ними въ Сиракузы, разбилъ ихъ непріятелей и Сиракузцы, утомленные безначаліемъ, предложили ему престолъ и самовластіе.

Утѣсненный нападеніемъ Карѳагенянъ, Гелонъ просилъ помощи у Аѳинъ и Спарты и не дождавшись ихъ содѣйствія, разбилъ враговъ, усилилъ могущество свое и спустя десять лѣтъ, при нашествіи Персовъ на Грецію, предлагалъ сей странѣ, флотъ, войско и продовольствіе, если Греки согласятся избрать его *Генералисимусомъ* или главнымъ вождемъ. Греки не согласились. Обстоятельства оправдали ихъ недовѣріе: ибо Гелонъ готовъ былъ продать себя Царю Персидскому, еслибъ побѣда склонилась на его сторону.

Блистательнѣйшая побѣда, одержанная Гелономъ и для славы оружія и для славы человѣчества, была слѣдующая.

Домогаясь овладѣть Сициліей, Карѳагеняне отправили въ оную искуснѣйшаго своего полководца Амалькара съ тремя стами тысячами войска. Осадя *Гимеру*, Амалькаръ учредилъ два стана: одинъ для помѣщенія кораблей, а другой для войскъ сухопутныхъ.

Гелонъ, узнавъ, что непріятели ожидаютъ изъ *Селона* конный вспомогательный отрядъ, приказалъ отряду конницы своей въ условленной часъ подъѣхать къ стану Карѳагенскому. Хитрость удалась. Отрядъ Гелона впущенъ былъ во внутренность стана. Немедленно воины его пора-

зили Амалькара и зажгли корабли. Пламя и мечь распространили смерть повсемѣстно. Половина войска Карѳагенскаго погибла, а другая досталась въ плѣнъ.

Вотъ слава оружія и ума; но слава человѣколюбія еще была превосходнѣе. Заключая съ Карѳагенянами миръ, Гелонъ требовалъ, чтобы они не приносили болѣе жертвъ человѣческихъ мнимому Богу Сатурну.

Блестящіе водвиги свои Гелонъ украсилъ скромностію. Какъ будто бы забывъ славу военную, онъ занялся однимъ мирнымъ управленіемъ. Дѣятельностію своею отвлекъ онъ Сиракузцевъ отъ праздности. Ремесла и художества процвѣли. Оставя начальство надъ войсками, онъ предводительствовалъ земледѣльцами. Изъ обширныхъ житницъ его Римляне стали получать продовольствіе и назвали Сицилію: *запасною житницею Рима.* Ничто не укрывалось отъ отеческой заботливости Гелона. Для войны съ Карѳагенянами онъ обложилъ народъ значительною податью. Но слыша ропотъ Сиракузцевъ, Гелонъ обратилъ подать въ заемъ и вѣрно все уплатилъ сполна.

Новымъ безсмертнымъ подвигомъ возбудилъ Гелонъ общее удивленіе и благодарность. Однажды приказавъ народу собраться съ оружіемъ, онъ вышелъ на площадь одинъ безъ оружія и стражи. Отдалъ отчетъ въ управленіи военномъ и гражданскомъ и предоставлялъ народу право избрать образъ правленія по произволу своему. Народъ снова

сердцами и устами провозгласилъ Гелона царемъ своимъ. Любовь утвердила тотъ престолъ, который онъ пріобрѣлъ сперва хитростію.

Спустя два года, Гелонъ умеръ и завѣщалъ, чтобы его похоронили безъ всякой пышности. Но благодарность народная воздвигла ему великолѣпную гробницу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покоился прахъ супруги его *Демареты*. Въ послѣдствіи хотя унижительная месть Карѳагенянъ разрушила сей памятникъ, однако не могла истребить той памяти, которая живетъ въ подвигахъ истинной славы и добродѣтели.

ГІЕРОНЪ И ТРАЗИВУЛЪ.

Гіеронъ, владѣвшій въ *Гелѣ*, наслѣдовалъ брату своему Гелону. Онъ любилъ науки, любилъ добродѣтель, но льстецы придворные уловили его въ сѣти свои и отклонили отъ попеченій о благѣ общемъ.

Гіеронъ предался вихрю забавъ. Здоровье его изнурилось; разсѣяніе утомило его и онъ посвятилъ себя размышленіямъ полезнымъ. Просвѣщенные его современники Симонидъ, Пиндаръ, Бахх илидъ и Епирхамъ, бесѣдою своею обогатили его умъ и смягчили его нравы. Симонидъ особенно участвовалъ въ семъ подвигѣ. « Слава Государя, говорилъ онъ Гіерону: не въ

томъ состоитъ, чтобы его страшились, но въ томъ, чтобы за него страшились. Онъ долженъ спорить съ царями не о томъ, кто быстрѣе совершитъ поприще свое на играхъ Олимпійскихъ, но о томъ, кто болѣе осчастливитъ свой народъ.»

Тразивулъ, наслѣдникъ брата своего Гіерона не хотѣлъ, чтобы за него страшились, но мечталъ, что страхомъ утвердитъ престолъ. Поработясь страстямъ своихъ царедворцевъ, онъ употреблялъ власть свою для гоненія только добродѣтели и подданныхъ. Наконецъ онъ былъ и самъ изгнанъ. Царствованіе его продолжалось одинъ годъ. О смерти его ничего не извѣстно. Власть царская рушилась въ Сиракузахъ, и народное правленіе продолжалось тамъ восемьдесятъ лѣтъ.

ВТОРОЕ НАШЕСТВІЕ ПЕРСОВЪ НА ГРЕЦІЮ.

Второе нашествіе Персовъ на Грецію воспослѣдовало за 480 л. до Р. Х.

Ксерксъ, сынъ Дарія и наслѣдникъ ожесточенія его противъ Аѳинянъ, до грознаго своего нашествія говорилъ: «я перешагну черезъ моря, разорю Аѳины и жителей сего города приведу въ оковахъ.»

Двинулся царь властолюбивый съ милiонами войскъ и съ кораблями, усѣявшими море. Казалось, что въ тѣсные предѣлы Грецiи въ слѣдъ за нимъ вторглись и Азiя и Африка и часть Европы. Все поработилось его силѣ, кромѣ Аѳинъ, Спарты и нѣкоторыхъ другихъ мѣстѣчекъ. Но главными врагами высокомѣрнаго Ксеркса были его ласкатели и собственное его безумiе. «Что будутъ дѣлать Греки?» спросилъ онъ у *Демарата*, изгнаннаго царя изъ Спарты. Прамодушный изгнанникъ отвѣчалъ: «Грецiя скудна золотомъ и серебромъ, но богата добродѣтелями; она любитъ свои законы и гнушается игомъ иноплеменнымъ. Спартанцы предпочтутъ смерть рабству. Останется ли у насъ только тысяча воиновъ? они и съ тѣми выступятъ противъ тебя. Такъ велитъ законъ: а власть твоя не столько устрашаетъ твоихъ подданныхъ, сколько страшатся они нарушить предписанiя закона своего.»

Леонидъ, защищавшiй съ тремя стами Спартанцами проходъ *Термопильскiй* противъ несмѣтныхъ сихъ Персидскихъ, оправдалъ Демаратовы слова. Леонидъ и товарищи его пали на мѣстѣ битвы и надпись столба, сооруженнаго надъ прахомъ ихъ, вѣщала: что они умерли, повинуясь законамъ Спарты.

Дальновидный Ѳемистоклъ немедленно послѣ побѣды Мароѳонской, присовѣтовалъ Аѳинянамъ соорудить флотъ. И такъ при новомъ нашествiи Персовъ, отдавъ Аѳины на произволъ вра-

говъ, онъ отплылъ съ Аѳинянами отмстить за Грецію на моряхъ. Слава его умножилась великодушнымъ уступленіемъ начальства Спартанцу *Еврибіаду*.

Въ тоже самое время Греки по обыкновенію своему занимались играми Олимпійскими. Узнавъ о томъ, смущенный Ксерксъ воскликнулъ: » на какихъ непріятелей убѣдили меня напасть? Они отвергаютъ золото и любятъ одну только честь.»

Персы предали Аѳины въ жертву пламени пожарнаго.

Между Спартанскимъ и Аѳинскимъ полководцемъ произошелъ споръ. Ѳемистоклъ настаивалъ, чтобы держаться при *Саламинѣ*, Еврибіадъ сильно тому противорѣчилъ и въ жару пренія замахнулся на Ѳемистокла тростью. ***Бей,*** возразилъ Ѳемистоклъ: ***но слушай!*** Евребіадъ уступилъ.

Аристидъ, изгнанный изъ Аѳинъ завистію Ѳемистокла, услыша, что флотъ Греческій окруженъ Персами, поспѣшилъ изъ *Егины* къ Ѳемистоклу и сказалъ ему:» забудемъ личныя наши распри. Спасемъ Грецію. Повелѣвай: я повиноваться буду. Извѣсти полководцевъ, что непріятели окружили насъ и что спасеніе наше зависитъ отъ одной побѣды.»

Пораженный благороднымъ подвигомъ соперника своего, Ѳемистоклъ признался ему, что онъ съ умысломъ употребилъ сію хитрость.

Завязался бой Саламинскій и море, которому

Ксерксъ грозилъ оковами и яростію гнѣва своего, было свидѣтелемъ пораженія его.

Царь Персидскій бѣжалъ въ Азію, а полководецъ его *Мардоній* остался въ Греціи. Двѣ битвы *Платейская и Микальская*, происходившія въ одинъ день и на берегахъ Греціи и на берегахъ Азіи, низвергли ополченіе Персовъ и явили вселенной, трепетавшей передъ Ксерксомъ, торжество мужества, любви къ отечеству и повиновенія къ законамъ.

ИЗМѢНА ПАВЗАНІЯ.

Отразивъ со славою нашествіе Персовъ, Греки отправили флотъ подъ начальствомъ Спартанца и Аѳинянина Аристида и Кимона для освобожденія городовъ малой Азіи. Встрѣтя близъ острова *Кипра* флотъ Персидскій, Греки совершенно его истребили, взяли всѣ приморскіе города и овладѣли *Византіей* или нынѣшнимъ *Царь-Градомъ*.

Въ стѣнахъ сего города Грекамъ достались въ плѣнъ многіе Персидскіе богатые *Сатрапы* и чрезвычайная добыча. Спартанецъ Павзаній, Герой Платеи, забывъ отечество, законы Ликурговы и честь, продалъ себя за золото Сатрапамъ и далъ имъ способъ бѣжать. Первый

шагъ на поприщѣ разврата вскорѣ влечетъ и къ дальнѣйшимъ преступленіямъ. Подавъ Грекамъ первый примѣръ измѣны, Павзаній вступилъ въ законопреступное сношеніе съ Ксерскомъ и договаривался съ нимъ о продажѣ ему Спарты и Греціи. Коварный умыселъ его былъ открытъ. Тщетно бѣжалъ онъ во внутренность храма; его принудили умереть тамъ съ голода. Вотъ какъ быстро изчезаетъ слава, неподдерживаемая добродѣтелью.

РАСПРИ ВЪ АѲИНАХЪ ѲЕМИСТОКЛА СЪ АРИСТИДОМЪ.

Спартанецъ Павзаній помрачилъ славу свою измѣною, а Аѳинянинъ Ѳемистоклъ тщеславіемъ. Хотя Ѳемистоклъ не участвовалъ въ измѣнѣ Павзанія, но онъ зналъ о ней и не объявилъ. Спартанцы, давно завидовавшіе его славѣ, изобличили его передъ Аѳинянами, которые также раздражены были непомѣрнымъ его кичѣніемъ. Ѳемистоклъ доказалъ, что легче побѣждать внѣшнихъ враговъ, нежели собственныя свои страсти. Въ чаду тщеславія онъ соорудилъ храмъ *Діанѣ*, гдѣ поставилъ свой истуканъ, существовавшій еще и при Плутархѣ, описателѣ

жизней великихъ мужей Греческихъ и Римскихъ. Уничижая достоинства другихъ полководцевъ и величаясь своими заслугами, Θемистоклъ сказалъ народу, запрещавшему ему говорить на площади: «Аѳиняне! вы соскучились слушать обо мнѣ хорошее; но вы не утомились принимать отъ меня добро.»

Противуборствуя Аристиду, Θемистоклъ гналъ бѣдныхъ, защищаемыхъ его соперникомъ, и вступался за богатыхъ. «Аристидъ, говорилъ онъ: похожъ на денежный сундукъ, который хранитъ вѣрно то, что въ него кладутъ.» Аристидъ возразилъ: «однако же тотъ щастливъ, у кого чисты и совѣсть и руки.»

Θемистоклъ былъ изгнанъ и удалился ко двору Царя Персидскаго.

Между тѣмъ Аристидъ увѣнчался новою славою правоты. Общее сокровище Грековъ хранилось на островѣ *Делосѣ.* Нуженъ былъ вѣрный распорядитель доходовъ и повинностей Греческихъ городовъ; всѣ единодушно избрали Аристида. »Θемистоклъ, Кимонъ и Периклъ, говоритъ Плутархъ; наполнили Аѳины великолѣпными памятниками, но Аристидъ обогатилъ ихъ добродѣтелями своими.»

КИМОНЪ и ПЕРИКЛЪ.

Кимонъ.

Кимонъ, сынъ Милкіада, перваго Греческаго Героя, поразившаго Персовъ и умершаго въ оковахъ, въ бурной юности увлекался порывами страстей. Добродѣтели Аристида воспламенили душу его чувствованіями благородными. Онъ украшался и мужествомъ отца своего Милкіада и прозорливостію Ѳемистокла и правотою Аристида. Побѣда была вѣрною его сопутницею.

Но время погашаетъ сіяніе и самыхъ блистательныхъ побѣдъ, естьли Герой чуждался человѣколюбія. Имя Кимона пережило столѣтія по заботливой любви его къ бѣднымъ. Каждый вечеръ у него былъ открытый столъ для граждан неимущихъ. Въ прогулкахъ его по городу, служители его несли одежды и деньги, которыми онъ какъ будтобы невидимою рукою одѣлялъ робкую и стыдливую бѣдность. По приказанію его разгорожены были всѣ поля и сады его, чтобы каждый могъ пользоваться жатвою и плодами. Древніе писатели говорятъ, что естьлибъ всѣ любимцы щастія поступали такимъ образомъ, то *золотой вѣкъ* возвратился бы на землю.

Съ быстротою молнія поражая Персовъ, Кимонъ завоевалъ у нихъ всѣ города малой Азіи отъ береговъ Іоніи до *Памфиліи*.

По взятіи *Сеста* и *Византіи*, союзники заспорили о добычѣ и плѣнныхъ. Зная сердце человѣческое, Кимонъ взялъ послѣднихъ. Вскорѣ выкуплены они были родными, что и доставило Кимону способъ продовольствовать четыре мѣсяца и флотъ и войско.

Царъ Артаксерксъ, раздраженный непрерывными неудачами, вооружилъ сильный флотъ и сухопутное ополченіе. Кимонъ въ одинъ день поразилъ Персовъ и на морѣ и на сухомъ пути.

Кромѣ другихъ завоеваній, Кимонъ покорилъ всю Ѳракію, обильную рудокопными сокровищами. Возгордясь сими побѣдами, Аѳиняне полагали, что полководецъ ихъ поработитъ имъ и Македонію: но Кимонъ остановился на границахъ сей области. Легкомысленная неблагодарность обвиняла его въ измѣнѣ и подкупѣ; Кимонъ возразилъ: « Аѳиняне! вы возставите противъ себя всю вселенную, естьли будете угрожать оружіемъ народамъ, не вызывающимъ васъ на брань. »

ПЕРИКЛЪ.

Периклъ, соперникъ Кимона, сынъ *Ксантипа*, Героя *Микальскаго*, воспитывался подъ надзоромъ Анаксагора *Клазоменскаго*, названнаго *Разумѣніемъ*; ибо онъ признавалъ одного Бога, Создателя и Правителя вселенной.

Периклъ въ полной мѣрѣ обладалъ оружіемъ, побѣждающимъ народъ въ республикахъ: то есть *краснорѣчіемъ*. Друзья его распустили молву, что когда онъ готовился говорить на площади, то говорилъ про себя: «я объясняться буду передъ народомъ вольнымъ, честолюбивымъ; передъ Аѳинянами. Боги! дайте мнѣ даръ убѣжденія!»

И такъ удивительно ли, что Аѳиняне слушали его охотно? Слѣдственно есть благородная и умная ласка, побѣждающая сердца и души.

Никто лучше Перикла не зналъ ни времени своего, ни сограждaнъ своихъ. Опасаясь раздражить щекотливое самолюбіе Аѳинянъ, онъ притворялся, будто бы не ищетъ ни мирной, ни военной славы, но исполняетъ только должное; и слава вездѣ его встрѣчала.

Отсутствіе Кимона, занятаго подвигами военными, открыло Периклу новое поприще. От-

ринувъ забавы, онъ принялъ на себя видъ важный и съ жаромъ предался дѣламъ общественнымъ. Но руководствуясь мудрымъ опытомъ, онъ уклонялся и отъ высокомѣрія, отдаляющаго сердца и отъ короткаго обхожденія, охлаждающаго уваженіе. Рѣдко выходилъ онъ на площадь, поручая друзьямъ мѣлкія обстоятельства. Но когда въ важныхъ случахъ являлся онъ народу, тогда всѣмъ казалось, что они видятъ и слышутъ голосъ *Зевеса громометателя.*

Быстро достигъ Периклъ вышшей степени владычества и безъ имени Царя, царствовалъ въ Аѳинахъ.

Между тѣмъ Кимонъ возвратясь въ Аѳины, старался поколебать власть Перикла, но тщетно. Превознося Спарту и Ликурговы законы, Кимонъ оскорблялъ тщеславіе Аѳинянъ, почитавшихъ себя во всемъ единственными.

Въ тоже самое время ужасное землятресеніе и паденіе вершины горы *Тіагеты*, обрушившейся на Спарту, почти вовсе разрушили сей городъ. *Иллоты* или невольники Спартанскіе возстали.

Спарта прибѣгла къ помощи Аѳинянъ. Перикловы приверженцы по наущенію его убѣждали народъ оставить Спарту въ развалинахъ ея, ибо она препятствуетъ Аѳинянамъ владычествовать надъ Греціей. Кимонъ возразилъ: *безъ Спарты Грецiя охромѣетъ и Аѳинамъ не будетъ перевѣса.* Сильныя его убѣжденія превозмогли хитрость Перикла. По согласію на-

рода Кимонъ поспѣшилъ съ войскомъ въ Лаконію и спасъ Спарту.

Вскорѣ потомъ Илоты съ помощію Мессинцевъ возобновили войну. Кимонъ снова вступилъ въ Пелопонезъ; но Спартанцы забывъ, что городъ ихъ спасенъ Кимономъ и надѣясь на собственныя свои силы, отвергли его помощ. Раздраженные сею обидою, Аѳиняне несправедливо изгнали Кимона на десять лѣтъ.

Изгнаніе Кинона еще болѣе усилило Перикла.

Между тѣмъ и зависть, вооружавшая Спартанцевъ противъ Аѳинянъ, часъ отъ часу усиливалась. Противуборствуя Персамъ, Греки одушевлялись добродѣтелью и самоотверженіемъ; но щастіе ослѣпило ихъ. Возгорѣлась война. Кимонъ вызванъ былъ изъ ссылки. Периклъ, умѣвшій всегда сообразоваться съ обстоятельствами, не прекословилъ тому. Снова Персы поражены были оружіемъ Кимона и послѣ пятидесятилѣтней войны приступили къ условіямъ о мирѣ, славнымъ для Аѳинъ и уничижительнымъ для Персіи. Въ продолженіи сихъ договоровъ Кимонъ умеръ отъ раны. Съ нимъ скрылась въ гробъ слава, озарившая оружіе Грековъ при двукратномъ нашествіи Персовъ.

Вскорѣ потомъ удалось Периклу изгнать изъ Аѳинъ и *Фукидита*, послѣдняго своего соперника. Но вмѣстѣ съ нимъ онъ неизгналъ страстей, волнующихъ души завистію и ненавистью. Не отваживаясь явно нападать на сама-

го Перикла, враги его ополчались на людей, близкихъ къ его сердцу.

После различныхъ превратностей, Периклъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, къ поддержанію могущества своего, возжегъ пламя *войны Пелопонезской*, возмущавшей Грецію двадцать семь лѣтъ.

Владычество Периклово подкрѣпилось, но не надолго. Спартанцы и моровое повѣтріе угрожали Аѳинамъ погибелью. Общій ропотъ Аѳинянъ раздался противъ Перикла. Не колеблясь духомъ, онъ возражалъ: «Аѳиняне! ужели вы забыли славу и величіе державы своей? Суша и море составляютъ обитаемый нами міръ. Послѣднее есть ваша собственность и ни Цари и ни какая сила не похитятъ у васъ сего владычества.»

Не сбылись Перикловы слова. Аѳины и Греція пали не отъ внѣшнихъ враговъ, но отъ разномыслія и внутреннихъ раздоровъ.

Периклъ, самовластно управлявшій Аѳинами сорокъ лѣтъ, пораженъ былъ моровою язвою въ третій годъ бѣдственной войны Пелопонезской. Друзья его, окружавшіе смертный его одръ, разговаривали между собою о прежней его славѣ. Въ сіе мгновеніе, Периклъ, какъ будто бы отталкивая отъ себя окровавленные призраки славы военной, приподнялся съ усиліемъ и сказалъ: «Всѣ подвиги, о которыхъ вы припоминаете, принадлежатъ щастію и пріобрѣтены мною на ряду съ другими полководцами. Но личная моя слава

состоитъ въ томъ, что я не принудилъ ни одного гражданина облечься въ печальную одежду.

ГИППОКРАТЪ.

Среди повсемѣстной смерти, поражавшей Аѳинянъ, увѣковѣчилось имя *Гиппократа* подвигами славы незабвенной, подвигами самоотреченія и безкорыстной любви къ человѣчеству. Моровое повѣтріе свирѣпствовало въ одно время и въ Аѳинахъ и въ Персіи. Приглашая Гиппократа, царь *Артарксерксъ* предлагалъ ему и блистательныя почести и сокровища; Гиппократъ все отвергъ. «У меня нѣтъ ни нуждъ, ни желаній, отвѣчалъ онъ: я Грекъ и жертвую собою Грекамъ.» Аѳиняне приняли его съ восторгомъ, ибо большая часть ихъ врачей похищены были бѣдственною язвою.

Гиппократъ родился на островѣ *Коссѣ* за 460 л. до Р. Х. Посвящая себя званію врача, онъ съ пламеннымъ рвеніемъ предался изслѣдованію наукъ естественныхъ и обладая превосходною проницательностію, повѣрялъ *опытомъ* то, что предложено было *умозрѣніемъ*.

Наставленія его врачамъ ознаменованы чувствованіями души благородной. Слѣдующее его

изрѣченіе достойно быть напечатлѣно во всѣхъ сердцахъ неизгладимыми буквами. «Кто можетъ назваться истиннымъ врачемъ? говоритъ Гиппократъ. Тотъ, отвѣчаетъ онъ, въ чьихъ глазахъ всѣ страдальцы также равны, какъ и всѣ люди равны передъ очами Божества. Тотъ, кто безъ всякаго лицепріятія летитъ на помощь больныхъ, выслушиваетъ ихъ съ кротостію и отрекается отъ себя — для пользы человѣчества.»

Древность назвала Гиппократа: *отцемъ врачебнаго искуства.*

Гиппократъ кончилъ поприще жизни своей, ознаменованной незабвенными заслугами человѣчеству, за 361 годъ до Р. Х.

Жители острова *Коса* во всѣ времена съ уваженіемъ показывали путешественникамъ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ для блага людей.

АЛКИВІАДЪ.

Алкивіадъ, осыпанный дарами природы и щастія, былъ родственникъ Перикла. Заставъ однажды его въ задумчивости, онъ спросилъ: что его озабочиваетъ? — «Я думаю, отвѣчалъ Периклъ, какъ отдать Аѳинянамъ отчетъ въ расходахъ общественныхъ.» «По мнѣнію моему,

возразилъ Алкивіадъ: лучше думать о томъ, какъ не отдавать отчета.»

Увлекаясь пылкими страстями и необузданнымъ честолюбіемъ, Алкивіадъ никогда не помышлялъ объ отвѣтственности. Юность его отравлена была раболѣпными ласкателями, обольщавшимися его богатствомъ. Сократъ предвидя, что Алкивіадъ будетъ гибелью Аѳинъ, естьли не будетъ другомъ добродѣтели, старался обуздывать порывы его тщеславія. Однажды заставъ его за картою *Аттики,* Сократъ спросилъ, что онъ разсматриваетъ? «Я отыскиваю помѣстья мои, отвѣчалъ Алкивіадъ; и не нахожу.» Чѣмъ же ты тщеславишься: «возразилъ мудрый наставникъ.»

На битвѣ *Потидейской* Сократъ спасъ Алкивіада, а ученикъ спасъ жизнь наставника своего на сраженіи *Деліумскомъ.*

Слушая Сократовы наставленія, Алкивіадъ часто заливался слезами, но раскаяніе быстро исчезало.

Алкивіадъ былъ вездѣ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ. Въ Спартѣ удивлялъ онъ воздержностію; во Ѳракіи неумѣренностію; въ Віоэіи неутомимостію въ трудахъ; въ Іоніи лѣностію и сладострастіемъ. Ни одинъ изъ Сатраповъ Азіятскихъ не превосходилъ его въ роскоши.

Однажды Аѳиняне въ благодарномъ восторгѣ, возбужденномъ въ нихъ подаркомъ Алкивіада къ уплатѣ ихъ податей, предлагали ему санъ цар-

скій. Онъ не принялъ. Ему нужны были не Аѳины, *но держава обширная.*

Родясь въ республикѣ, Алкивіадъ домогался *сперва ее возвысить, а потомъ поработить.* *Вотъ причина* необычайныхъ его предпріятій, бѣдственныхъ для Аѳинъ, и пагубныхъ для него самаго. Онъ палъ въ предѣлахъ *Фригіи* отъ мечей убійцъ.

СМЕРТЬ СОКРАТА.

На полѣ битвъ Сократъ служилъ Аѳинянамъ мечемъ своимъ, въ дни мирные служилъ имъ ревностнымъ усердіемъ къ благу общему; а сіе благо заключалъ онъ въ воспитаніи, основанномъ на добродѣтели, умѣренности и на тѣхъ душевныхъ сношеніяхъ, которыя возвышаютъ и украшаютъ нравственность человѣка.

Подобно отцу своему *Софрониску*, онъ успѣлъ въ ваятельномъ искуствѣ. *Меркурій* и три *Граціи*, отработанные рѣзцомъ его, славились въ Аѳинахъ.

Но вскорѣ оставя и рѣзецъ и всѣ умозрительныя науки, Сократъ посвятилъ себя изслѣдованію нравственности дѣятельной или общественной.

Объясняясь о Сократѣ, *Цицеронъ* говоритъ: «Сократъ вызвалъ любомудріе съ круговъ не-

бесныхъ, гдѣ оно обитало; водворилъ его подъ кровъ частныхъ гражданъ, сблизилъ его съ общими понятіями и ознакомилъ съ людьми. Словомъ: онъ къ тому единственно примѣнилъ любомудріе, что можетъ содѣлывать смертныхъ благоразумными, справедливыми и добродѣтельными.»

«Простой гражданинъ, пишетъ *Бартелеми*, сочинитель путешествія Юнаго Анахарзиса:» простой гражданинъ, не возвеличенный ни породою, ни богатствомъ, ни силою, и не домогавшійся ни молвы, ни славы, принялъ на себя тяжелое и опасное бремя наставлять людей и руководствовать ихъ къ добродѣтели убѣжденіемъ истины. Сему подвигу величественному посвящалъ онъ всѣ мгновенія жизни, исполнялъ его съ жаромъ и кротостію, внушаемыми любовью къ общему благу, и по возможности своей рукою неутомимою поддерживалъ потрясенное бурею страстей зданіе законовъ и нравовъ.»

Въ преклонныя уже лѣта Сократъ избранъ былъ въ число государственныхъ чиновниковъ. Въ семъ званіи непоколебимо защищалъ онъ невинность; десять полководцевъ, приговоренныхъ народомъ къ казни, исторгнуты были имъ изъ челюстей смерти. Съ такою же неустрашимостію противоборствовалъ онъ тридцати тиранамъ, которымъ побѣдоносная Спарта въ пылу мщенія своего поработила Аѳины. Всѣ въ трепетѣ безмолвствовали предъ ними; онъ одинъ явно и

небоязненно укорялъ ихъ въ злоупотребленіи власти.

У Сократа не было особеннаго училища. Въ домахъ, во время прогулокъ, въ станѣ военномъ, въ собраніяхъ народныхъ и вездѣ предлагалъ онъ наставленія. Правителямъ республики, ремесленникамъ и земледѣльцамъ, всѣмъ объяснялъ онъ обязанности ихъ. Въ рѣчахъ его не было ни надменности, ни высокопарности: онъ бесѣдовалъ съ учениками голосомъ нѣжнаго отца.

Изъ всѣхъ Греческихъ философовъ, Сократъ первый предложилъ о Богѣ понятія величественныя. «Лучшая жертва Божеству, говорилъ онъ: есть исполненіе обязанностей нашихъ, какой бы ни предоставило оно намъ жребій.»

Раздраженные страсти вооружились на Сократа; онъ позванъ былъ къ суду. Въ защитительной рѣчи своей, Сократъ между прочимъ сказалъ: «Не клеветы *Мелита* и *Анита* подвергаютъ меня смертной казни; меня приговариваютъ къ ней люди высокомѣрные, изобличенные мною въ несправедливости и развратѣ.»

Учась въ продолженіи всей своей жизни умирать, Сократъ спокойно выслушалъ смертный приговоръ.

«Ты невинно умираешь, вскричалъ юный *Аполодоръ*, ученикъ Сократа.» — «Ужели бы ты лучше хотѣлъ, отвѣчалъ онъ: чтобы я умеръ преступникомъ?»

Между тѣмъ *Анитъ*, гонитель Сократа, гордо шелъ по площади въ то самое время,

когда страдальца вели въ темницу. «Смотрите, сказалъ Сократъ ученикамъ своимъ: смотрите, какъ онъ величается торжествомъ своимъ! но онъ не знаетъ, что побѣда остается всегда на сторонѣ правоты.»

Увѣнчавшись сею побѣдою, независимою отъ предубѣжденій человѣческихъ, Сократъ и теперь еще наслаждается уваженіемъ вездѣ, гдѣ сердца способны чувствовать прелести добродѣтели; онъ вѣрилъ безсмертію души, а потому переходъ изъ сей жизни въ жизнь лучшую, почиталъ онъ новымъ даромъ Провидѣнія, награждающаго добродѣтель.

Когда не стало Сократа, когда взоры Аѳинянъ тщетно искали гражданина, котораго вся жизнь была жертвою благу общему; тогда предали они казни клеветниковъ и воздавая блистательныя почести Сократу, старались передъ лицемъ всей Греціи загладить несправедливость свою. Имъ не нужно было примиряться съ прахомъ Сократа. Онъ не роптала никогда на Провидѣніе, ни на согражданъ своихъ.

ПЛАТОНЪ.

Платонъ, ученикъ Сократа, по отцу своему принадлежалъ къ поколѣнію законодателя Солона, а по матери былъ въ родствѣ съ Кодромъ, послѣднимъ царемъ Аѳинскимъ, пожертвовав-

шимъ жизнію Аѳинянамъ. Восхищаясь очаровательнымъ его краснорѣчіемъ, Аѳиняне увѣряли, будто бы при рожденіи его пчелы сплели сотъ на его устахъ.

Одаренный отъ природы пламеннымъ воображеніемъ, Платонъ занимался сперва поэзіей. Уже готовились представлять на театрѣ его трагедіи; но познакомясь съ Сократомъ, онъ все оставилъ и прилѣпился къ одному его ученію. Сократъ называлъ Платона: *лебедемъ Академіи.*

Война Пелопонезская, продолжавшаяся двадцать семь лѣтъ, расторгла всѣ связи общественныя и семейственныя. Изчезла добродѣтель; пали законы; развратъ и насилія явно торжествовали. Любя страстно добродѣтель, уважая силу мудрыхъ законовъ и могущество спасительнаго порядка, Платонъ устами и перомъ стремился перелить сіи побужденія души благородной въ души сограждапъ своихъ.

Желая обогатиться новыми познаніями, Платонъ путешествовалъ въ Мегарѣ, въ Фикиніи, въ Египтѣ и Италіи; словомъ вездѣ, гдѣ процвѣтали успѣхи ума человѣческаго.

Сорока лѣтъ отправился Платонъ въ Сицилію для обозрѣнія горы Етны. Слыша громкую молву о славѣ его, *Діонисій*, тиранъ Саракузанскій, пригласилъ его ко двору своему. Платонъ разговаривалъ съ нимъ о щастіи, о правосудіи и о томъ, что составляетъ истинное величіе. Увлекаясь свободною откровенностію,

онъ прибавилъ: «что владѣлецъ неправедный всего малодушнѣе и злополучнѣе.» — «Ты говоришь, какъ пустомеля» воскликнулъ раздраженный Діонисій.» — «А ты, какъ тиранъ» возразилъ Платонъ. За этотъ отвѣтъ Платонъ едва не погибъ. Хотя Діонисій и позволилъ ему отплыть въ Аѳины, но далъ строгій приказъ начальнику судна, чтобы его бросить въ море или продать въ неволю. Платонъ былъ проданъ, выкупленъ и препровожденъ въ отечество. Страшась не укоровъ совѣсти, но порицанія Грековъ, Діонисій писалъ къ Платону, чтобы онъ щадилъ его въ разговорахъ своихъ. Платонъ отвѣчалъ: «мнѣ нѣкогда заниматься Діонисіемъ.»

Однажды Діогенъ вошедъ въ комнату Платона, устланную богатыми коврами, сказалъ: «Я попираю Платонову пышность.» Платонъ возразилъ: «но другою пышностью,» то есть гордостью.

Платонъ преподавалъ ученіе свое въ *Академіи*, названной симъ именемъ отъ *Академуса*, уступившаго ему сіе зданіе.

Обходясь съ учениками своими, какъ отецъ внимательный, онъ замѣчалъ всѣ ихъ слабости, сближался съ ними сердечною любовью и исправлялъ ихъ болѣе примѣромъ своимъ, нежели словами. Приверженность учениковъ была къ нему безпредѣльна: Платонъ казался имъ свыше обыкновеннаго смертнаго.

Краснорѣчіе Платона все оживляло и вливало въ сердца сладостное убѣжденіе. Плавное его выраженіе уподоблялось безмятежію свода лазурнаго. Въ рѣчахъ его не было ни порывовъ, ни перерывовъ; слова его и выраженія сливались непринужденно и разпространялись нераздѣльно.

Подобно Сократу, Платонъ всегда благоговѣлъ къ Провидѣнію; а подражая *Залевку* и *Солону*, сочиненіе свое о законахъ началъ онъ воззваніемъ къ законодателю верховному. «Страшитесь, говорилъ Платонъ Аѳинянамъ; страшитесь тѣхъ бѣдствій, которымъ подвергались предки ваши отъ презрѣнія законовъ. Повинуясь Божеству, вы будете щастливы, вы будете свободны; рабъ страстей пресмыкается въ постыдномъ рабствѣ: онъ боится одпѣхъ угрозъ человѣческихъ. Мудрые законы суть образцы законовъ зиждителя вселенной.»

Истинная любовь къ просвѣщенію нераздѣльна съ чувствованіями благородными. Платонъ былъ ревностнымъ наставникомъ, вѣрнымъ другомъ и нѣжнымъ родственникомъ. Онъ умеръ въ глубокой старости и внезапно, посѣтя семейный пиръ одного изъ родственниковъ своихъ. Въ завѣщаніи своемъ не забылъ онъ никого изъ родныхъ.

ФИЛИППЪ, ЦАРЬ МАКЕДОНСКІЙ.

Греція, отразившая два раза нашествіе Персовъ, приготовляла погибель свою въ собственныхъ своихъ нѣдрахъ. Злополучіе соединяло Грековъ, щастіе раздѣлило ихъ. Изчезло единодушіе; воспылало междуусобіе; развратъ и корыстолюбіе влекли къ паденію области Греческія. Филиппъ, Царь Македоніи, дотолѣ ничтожной, видя общее растлѣніе нравовъ Грековъ, открыто говорилъ: «Куда пройдетъ мой лошакъ, навьюченный золотомъ, тамъ буду я обладателемъ.»

При самомъ вступленіи на престолъ, Филиппъ встрѣтилъ двухъ соперниковъ и многочисленныхъ враговъ; тѣхъ и другихъ отразилъ онъ оружіемъ и деньгами. Военнымъ своимъ искуствомъ обязанъ онъ былъ Епаминонду, а устроеніемъ *Фаланги* открылъ себѣ поприще къ побѣдамъ.

Но раздоры и легкомысліе Грековъ болѣе *Фаланги* подкрѣпляли Филиппа. Въ его время, Греки, забывъ прошедшее и не заботясь о будущемъ, издѣвались надъ Филиппомъ и видя успѣхи его, цѣпенѣли въ бездѣйствіи.

«Аѳиняне! восклицалъ *Демосѳенъ* на площадѣ Аѳинской: смотрите, до какой степени простерлась дерзость Филиппа; онъ отнялъ у

васъ свободу избирать войну или миръ; онъ непрестано умышляетъ новыя завоеванія; онъ со всѣхъ сторонъ опутываетъ васъ сѣтями, а вы тратите время въ спорахъ безполезныхъ?.»

Тщетно гремѣлъ голосъ Демосѳена. Въ Греціи уже не было Греціи. Не было ни законовъ, ни гражданъ, ни стремленія къ славѣ. Подкупая цѣлые города, Филиппъ истребилъ въ Грекахъ даже и понятіе о чести.

Побѣждая Грековъ оружіемъ и золотомъ, Филиппъ побѣждалъ ихъ и остроуміемъ своимъ. Каждое слово, каждый его шагъ возбуждали любопытство. Одна простолюдинка убѣждала Филиппа окончить ея дѣло. *Мнѣ не досугъ*; отвѣчалъ онъ. *За чѣмъ же ты на престолѣ!* возразила она. Филиппъ немедленно пересмотрѣлъ ея дѣло. Царедворцы жаловались ему на *Никанора*, который сильно порицалъ его правленіе. Филиппъ отвѣчалъ; *можетъ быть я передъ нимъ виноватъ: можетъ быть я его пренебрегъ*. Послѣднее оказалось справедливымъ. Филиппъ щедрою рукою наградилъ порицателя своего и Никаноръ вездѣ сталъ его превозносить. *Видите ли*, сказалъ Филиппъ: *Государь можетъ возбуждать и укрощать жалобы.* Нашелся также смѣльчакъ, который осыпалъ царя колкими и остроумными насмѣшками. Филиппу совѣтовали его изгнать: онъ отвѣчалъ: *нѣтъ: я не изгоню его: ибо онъ вездѣ станетъ обо мнѣ разглашать то, что здѣсь говоритъ.*

Слыша все ето, Греки восклицали: «развѣ не пріятно жить подъ державою такого царя?»

Обольщая Аѳинянъ мнимыми договорами, Филиппъ захватывалъ чужія области; никто не угадывалъ его намѣреній: онъ одинъ зналъ тайну своего властолюбія.

Но ета тайна объяснена была *Парменіономъ* Аѳинскимъ посламъ, которые однажды долго дожидались Филиппа, умышленно лежавшаго въ постелѣ. «Не удивляйтесь, сказалъ Парменіонъ: что Филиппъ спитъ тогда, когда вы не спите; ибо онъ не спалъ тогда, когда вы спали.»

Греція, обольщаемая Филиппомъ и поражаемая его властолюбіемъ, представляла зрѣлище плачевное и ужасное. Двадцать два укрѣпленные города *Фокиды*, бывшіе украшеніемъ сей области, тлѣли въ пеплѣ пожарномъ, а жители ихъ уведены были въ плѣнъ. Повсюда раздавались стоны страдальцевъ и звуки ихъ оковъ.

Посредничество Филиппа въ *священной войнѣ* Грековъ еще болѣе уполномочило и усилило его.

Въ тоже время заманивая въ сѣти свои Греческихъ Философовъ, Филиппъ писалъ къ *Аристотелю*: «у меня есть сынъ. Не столько благодарю боговъ за то, что они мнѣ его дали, сколько за то, что онъ родился при жизни Аристотеля. Я увѣренъ, что попеченія и просвѣщеніе твое сдѣлаютъ его достойнымъ меня и моей державы.»

Показывая Филиппово письмо друзьямъ своимъ, Аристотель говорилъ: «могули не жертвовать свободою моей?»

И такъ Филиппъ побѣждалъ и оружіемъ и умомъ.

Между тѣмъ, когда Греція изчезала въ Греціи, Аристотель занимался обозрѣніемъ законовъ и различныхъ образовъ правлений. Послѣ всѣхъ изслѣдованій своихъ, онъ заключилъ: что *лучшее правленіе есть то, которое менѣе хуже другихъ*. Предложимъ прекрасную его мысль о Государѣ. «Государь, говоритъ онъ:» долженъ жить среди народа своего, какъ доброй отецъ живетъ среди своего семейства. Польза его заключается въ пользѣ общей. Пусть блескъ его окружающій, внушаетъ почтеніе, а не страхъ. Честь должна быть цѣлью всѣхъ его предпріятій, а любовь народная—его наградою.»

Въ это самое время *Діонисій*, тиранъ Сиракузскій, свергнутъ былъ съ престола *Тимолеономъ* и отправленъ въ Коринѳъ. Самовластитель сдѣлался въ семъ городѣ учителемъ дѣтей. «Щастливъ тотъ, говорилъ онъ: кто отъ юности пріучился къ злополучію.»

Однажды спросили Діонисія, для чего удалилъ онъ отъ себя Платона. Діонисій отвѣчалъ: «самовластителей постигаютъ всѣ бѣдствія; а всего опаснѣе для нихъ то, что даже и друзья ихъ скрываютъ отъ нихъ истинну. Я уловленъ былъ клеветою и удалилъ Платона. Что же отъ того произошло? Тогда былъ я царемъ Сира-

кузскимъ, теперь же я школьный учитель въ Коринѳѣ.»

Между тѣмъ Филиппъ Македонскій неутомимою рукою ковалъ цѣпи Греціи. Грозно укорялъ онъ Спартанцевъ. Неустрашимые республиканцы отвѣчали съ разительною своею краткостію: *Діонисій въ Коринѳѣ*: напоминая сими словами Филиппу, что и онъ можетъ утратить владычество свое.

Изгнанный Діонисій свидѣлся съ Филиппомъ и былъ принятъ имъ дружелюбно. «Отъ чего, спросилъ его однажды царь Македонскій: лишился ты Державы, которою отецъ твой такъ долго обладалъ?» Діонисій отвѣчалъ: «отецъ мой передалъ мнѣ свой престолъ, но не передалъ своего щастія.»

Фокіонъ, славный добродѣтелью и умѣренностію, поддерживалъ еще свободу Аѳинъ. Возражая Демосѳену, который съ жаромъ призывалъ къ войнѣ, онъ говорилъ: «и я соглашусь на то, когда всѣ граждане одушевятся общею пользою. А безъ того потеря одного сраженія рѣшитъ судьбу отечества.»

Такъ и сбылось. Битва *Херонейская* рѣшила судьбу Аѳинъ и Греціи.

Но побѣдоносный Филиппъ вскорѣ подвергся распрямъ домашнимъ и палъ отъ руки убійцы въ то самое время, когда готовился поколебать державу Персидскую.

Опасаясь впасть въ сѣти ласкателей своихъ, Филиппъ, достигнувъ вышней степени могу-

щества своего, препоручилъ одному изъ служителей своихъ повторять ему каждое утро слѣдующія слова: *Филиппъ! помни, что и ты подверженъ смерти!*

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ.

Александръ получилъ въ наслѣдство и престолъ и властолюбіе отца своего.

Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ Александръ стремился къ честолюбію. Завидуя побѣдамъ Филиппа, онъ со вздохомъ говорилъ сверстникамъ своимъ: «отецъ мой ничего намъ не оставитъ; онъ все покоритъ оружію своему.»

Слава была душою Александра. Но не та, которая охраняетъ человѣчество, а та, которая распространяетъ о себѣ молву бѣдствіями народовъ. Александръ доказалъ однако, что онъ могъ бы быть благодѣтелемъ людей. Въ отсутствіе отца своего, занятаго дальными походами, онъ на шестнадцатомъ году возраста своего управлялъ Македоніею съ благоразуміемъ и умѣренностію, привлекшими къ нему сердца. Тогда еще онъ помнилъ наставленія Аристотеля и внушенія отца своего, совѣтовавшаго ему побѣждать души Македонянъ ласкою и любовью. Къ достиженію цѣли своей, Филиппъ употреблялъ раз-

личныя средства ; у Александра одно было средство — остріе меча. Филиппъ домогался вѣнцовъ даже и на играхъ Олимпійскихъ ; Александръ говорилъ: « и я вступилъ бы на поприще сихъ игръ , но съ царями. » Филиппъ и Александръ почитали Аѳины храмомъ славы своей. Филиппъ не хотѣлъ уничтожить Аѳинъ , а Александръ часто повторялъ : « о , Аѳиняне ! естьлибъ вы знали , какъ мнѣ дорого стоятъ ваши похвалы ! »

Тщеславіе Аѳинянъ еще болѣе воспламеняло его тщеславіе.

Изъ всѣхъ древнихъ истинныхъ и баснословныхъ Героевъ , Александръ всѣхъ болѣе завидовалъ *Ахиллу*. « Ахиллъ , сказалъ онъ однажды приближеннымъ своимъ: Ахиллъ щастливѣе всѣхъ смертныхъ. *Патроклъ* былъ его другомъ , а *Гомеръ* — пѣвцомъ его славы. »

Александръ хотѣлъ быть и владыкою вселенной и обладателемъ всѣхъ познаній. Но къ чему служатъ познанія , не обуздывающія властолюбія ?

Покоря Фракію и Иллирію ; устраша Грековъ разрушеніемъ Фивъ и обезопася себя со всѣхъ сторонъ , Александръ двинулся къ завоеванію Персіи и вселенной.

Какъ будто бы заранѣе отрекаясь отъ Македоніи , тѣсной для его честолюбія , онъ роздалъ

полководцамъ своимъ всѣ наслѣдственныя свои области. «Что же ты оставляешь себѣ? говорили они. *Надежду*! отвѣчалъ Александръ.

Тщетно вооружилъ Дарій ополченіе многочисленное. Устройство и опытное мужество войскъ царя Македонскаго все преодолѣло. Первая побѣда встрѣтила Александра во Фракіи на берегахъ рѣки *Граника*. Устремясь оттуда *поморьемъ*, онъ покорилъ города *Ефесъ*, *Милетъ*, *Галикарнасъ*, *Сарды* и съ быстротою молніи пролетѣлъ Мидію, Іонію, Карію, Пафлагонію и Кападосъ.

Послѣ побѣды *Иссійской* досталось ему въ плѣнъ Даріево семейство. Вѣнцемъ сей побѣды и вѣнцемъ всей его жизни былъ великодушный пріемъ семейства Царя побѣжденнаго.

Тиръ и Египетъ ему покорились. Въ сей послѣдней странѣ, увлекаясь порывами необузданнаго тщеславія, Александръ провозгласилъ себя богомъ.

Битва *Арбельская* покорила Александру Персію и проложила ему путь къ завоеванію вселенной.

Привыкнувъ къ шуму оружія, Александръ безъ всякой цѣли скитался съ войскомъ своимъ изъ одного мѣста въ другое. Онъ былъ и за грозными вершинами горъ Кавказскихъ и въ обширныхъ степяхъ древней *Скиѳіи*. Наконецъ преодолѣвая всѣ преграды природы и губя войско, онъ ворвался и въ области Индіи, чтобы толь-

ко взглянуть на Океанъ и сказать: *я видѣлъ Океанъ.*

Въ чаду безумнаго тщеславія, Александръ требовалъ, чтобы ему приносили жертвы, какъ божеству. *Калисѳенъ*, ученикъ Аристотелевъ, отважился прекословить горделивцу и погибъ.

Истребляя человѣчество, Александръ изъ всѣхъ покоренныхъ имъ областей препровождалъ къ Аристотелю животныхъ для описанія оныхъ.

Въ Персіи Александръ сталъ Персіяниномъ. Нѣкоторые увѣряютъ, будто бы онъ для того единственно предпринималъ завоеванія, чтобы все охранять, чтобы соединить всѣ народы узами неразрывными; словомъ: чтобы быть Царемъ каждой области и частнымъ гражданиномъ каждаго города. Но исторія свидѣтельствуетъ, что Александръ переживъ и себя и славу свою, хотѣлъ, чтобы властолюбіе его и по смерти его свирѣпствовало въ страстяхъ его полководцевъ. « Кому завѣщеваешь ты престолъ? » спросили вожди Македонскіе, окружавшіе смертный одръ царя своего. *Достойнѣшему*! отвѣчалъ Александръ.

Закипѣла зависть въ сердцахъ полководцевъ Македонскихъ и вмѣстѣ съ нею закипѣли битвы, наводнившія кровію страны безчисленныя. Александръ не упрочилъ семейству своему даже и Македоніи. Отечественное наслѣдство и слава завоеваній его вмѣстѣ съ нимъ погрузилась въ могилу.

Въ то еще время, когда Александръ прогремѣвъ и въ Греціи, и въ Сиріи, и въ Финикіи, и въ Египтѣ, и Персіи, и въ Мидіи, вторгся бурнымъ потокомъ въ предѣлы Индіи: *Бракманы,* встрѣчавшіеся съ нимъ, ударяли постепенно въ землю ногами. Завоеватель спросилъ о причинѣ сего движенія. Они отвѣчали: «Какъ бы кто ни былъ честолюбивъ, какъ бы кто ни былъ силенъ при жизни своей, но по смерти онъ не займетъ въ землѣ и лишняго вершка, свыше роста своего.»

Кончина Царя Македонскаго разительно представила истину сихъ словъ. Едва сомкнулъ глаза Герой, огласившій шумомъ славы своей страны безчисленныя; едва сомкнулъ уста тотъ, передъ кѣмъ въ трепетѣ безмолвствовала вселенная: тотъ самый грозный завоеватель, по смѣлому выраженію одного историка, казался призракомъ, догоравшимъ подъ заревомъ обширнаго пожара, которымъ онъ опламенилъ царства земныя.

ФОКІОНЪ.

Филиппъ и Александръ предлагали Фокіону и милости и дары блистательные. Фокіонъ ничего не принималъ: онъ былъ славнѣе завоевателей добродѣтелью и бѣдностью своею.

Сорокъ четыре раза былъ избираемъ въ полководцы и каждый разъ возносилъ имя Аѳинянъ оружіемъ, а еще болѣе человѣколюбіемъ къ побѣжденнымъ.

Блистая славою на поприщѣ военномъ, Фокіонъ любилъ миръ; ибо онъ любилъ человѣчество.

Сила его краснорѣчія равнялась съ силою души его и разсудка. Зная легкомысленность Аѳинянъ, онъ искалъ не похвалъ, но пользы. Слыша однажды громкія рукоплесканія, возбужденны его рѣчью, онъ оборотился къ одному изъ друзей и спросилъ: *не сказалъ ли я какой нибудь глупости?*

Аѳиняне досадовали на угрюмый видъ Фокіона и укоряли его за то, что морщитъ брови. Сограждане! отвѣчалъ: «мрачность бровей моихъ никогда не причиняла вамъ вреда, а улыбка вашихъ льстецовъ часто заставляла васъ плакать.»

Побѣдя вселенную, Александръ не побѣдилъ твердости духа Фокіона. Отвергая новые дары завоевателя, онъ сказалъ: «естьли Царь уважаетъ мое праводушіе, то пусть оставитъ его при мнѣ.»

Но зависть и ненависть не пощадили Фокіона. Народъ по внушенію враговъ его и враговъ добродѣтели, приговорилъ престарѣлаго полководца своего къ смерти. По обычаю того времени, осужденный на казнь, долженъ былъ самъ возвѣстить о томъ торжественно. Фокіонъ

твердымъ голосомъ сказалъ; » Граждане! я осуждаю себя къ смертной казни, но пощадите тѣхъ, которыхъ вмѣстѣ со мною подвергаете такому же жеребію: они невинны, они исполняли волю начальника своего.« Такъ говорилъ Фокіонъ, но вопли мщенія заглушали его голосъ. Въ сопровожденіи благонамѣреныхъ гражданъ, проливавшихъ слезы, пошелъ онъ въ темницу, спокойно выпилъ ядъ и просилъ сказать сыну его, чтобы онъ не помнилъ несправедливости отечества.

Смерть Фокіонова примирила съ нимъ зависть и ненависть. Народъ воздвигъ ему памятникъ. Но лучшимъ для него памятникомъ служило то, что общій голосъ назвалъ его *честнымъ человѣкомъ*.

ФИЛОПОМЕНЪ.

Въ то самое время, когда Титъ Квинтій *Фламиній*, въ силу опредѣленія Римскаго Сената, возвѣстилъ Грекамъ свободу, Филопоменъ, вождь *союза Ахейскаго*, слыша, что *Аристоменъ* убѣждаетъ Грековъ во всемъ угождать Римлянамъ, возразилъ: *не торопись довершать паденіе Греціи*.

Вѣроломство угрожало Спартѣ. Среди общаго смятенія Филопоменъ вступилъ въ городъ, воспламенилъ народъ новымъ мужествомъ и совѣтовалъ присоединиться къ *Ахейскому союзу*. Никто въ городѣ не претерпѣлъ никакой обиды. Спартанцы предлагали побѣдителю богатый даръ, онъ отвергъ его.

Вскорѣ потомъ Римляне домогались овладѣть Спартою. Филопоменъ снова за нее ополчился и орлы Римскіе принуждены были удалиться отъ знаменъ союза *Ахейскаго*.

Блестящіе дары щастія, сказалъ одинъ древній писатель: тѣмъ уже самымъ уничижительны, что часто достаются въ удѣлъ людямъ недостойнымъ уваженія. Филопоменъ, великій славою, великъ былъ и простотою нравовъ. Чуждаясь пышности, онъ носилъ небогатую одежду и не рѣдко ходилъ одинъ, какъ гражданинъ неизвѣстный. Однажды посѣтилъ онъ домъ друга, который пригласилъ его къ обѣду. Хозяйка, обманутая его наружностью, сочла его за служителя, просила его, чтобы онъ за отсутствіемъ ея мужа помогъ ей приготовлять обѣдъ для полководца Ахеянъ. Филопоменъ безъ всякой отговорки сбросилъ съ себя епанчу и принялся рубить дрова. Вдругъ вошелъ хозяинъ и вскричалъ въ изумленіи:» Что это значитъ, великій Филопоменъ?»—Ничего, отвѣчалъ онъ; я плачу пошлину за некрасивую одежду.»

Между тѣмъ злополучная Греція часъ отъ часу болѣе возмущалась новыми раздорами. Ахеяне покровительствовали приморскимъ мѣстечкамъ, а Спартанцы домогались оныя поработить. Прервавъ союзъ съ Ахеянами и забывъ славу, свободу и Ликурговы законы, Спартанцы извѣстили Римскаго Консула Фулвія, что они отдаютъ себя подъ власть Рима.

Загорѣлась война. Филопоменъ овладѣвъ тою самою Спартою, которую спасалъ два раза, приказалъ отрыть ея стѣны. Спарта изчезла. Но союзники ея *Месинцы*, захватили въ плѣнъ Филопомена, заключили его въ оковы, повергли въ темницу и обрекли въ жертву смерти. Въ послѣднее мгновеніе жизни своей узнавъ, что Ахеяне въ безопасности, онъ воскликнулъ:« я спокойно умираю: войско Ахеянъ спасено.«

Даже и Римляне уважая Филопомена, назвали его *послѣднимъ изъ знаменитыхъ сыновъ Греціи.*

Съ Филопоменомъ угасли послѣдніе лучи древней славы Греціи. Отразивъ два раза всѣ силы Азіи, она не могла въ нѣдрахъ своихъ устоять среди непрерывной борьбы раздраженныхъ страстей.

НАЧЕРТАНІЕ

РИМСКОЙ ИСТОРІИ. ПРАВЛЕНІЕ ЦАРЕЙ.

« Въ обозрѣніи народовъ и державъ, говоритъ Римскій Историкъ *Титъ Ливій*: должно особенно наблюдать душу Государства. И такъ, продолжаетъ онъ: не входя въ изслѣдованіе басенъ, которыми предки наши окружили колыбель своего существованія, я ограничусь наблюденіемъ нравовъ, законовъ гражданскихъ, учрежденій воинскихъ и знаменитыхъ людей, распространившихъ владычество республики по лицу всей земли. Я войду въ изызканіе того, какимъ образомъ щастіе наше обмануло насъ и довело до того пагубнаго жребія, когда стеня подъ бременемъ нашей алчности и честолюбія, мы даже безсильны были исправить себя.»

Около того времяни, когда отъ роскоши *Сарданапала* низверглась держава Ассирійская, возникъ Римъ, основанный *Ромуломъ* и населенный пастухами, среди которыхъ онъ воспитывался. Сверхъ того въ сей новый городъ стеклись и различные бродяги.

Ромулъ утвердилъ владычество свое на правѣ сильнаго и внушалъ подданнымъ своимъ, что сила все преодолѣваетъ.« Но, говорятъ Римскіе писатели: сила и насиліе не могли увѣко-

вѣчить Римской державы; она пала и рушилась подъ бременемъ исполинскаго своего владычества. Не враги внѣшніе, но внутренная ненависть и раздоры потрясли Римъ и низвергли.»

Къ обузданію дикихъ своихъ подданныхъ, Ромулъ установилъ вѣру; потомъ учредилъ общественный совѣтъ или сенатъ, состоявшій первоначально изъ ста лучшихъ Римлянъ, названныхъ *Сенаторами*. Отъ нихъ произошло поколѣніе вельможъ или *Патрикіевъ*. *Другое* сословіе Римлянъ наименовано было *Плебеянами* или простымъ народомъ. Сенатъ учреждалъ, предлагалъ дѣла, распоряжалъ иногда оными самовластно съ Царемъ, но главную часть дѣлъ предоставляли на судъ и рѣшеніе народа.

Ромулъ два особеныя сословія Римлянъ старался соединить союзомъ любви и взаимныхъ выгодъ. Плебеяне имѣли право избирать за себя ходатаями вельможъ, которые принимали названіе *патроновъ* или покровителей. А Плебеяне, поручавшіе себя имъ, принимали имя *Кліентовъ*, что и означало людей, состоявшихъ подъ покровительствомъ. Такимъ образомъ *покровители* и *покровительствуемые* какъ будто бы соединялись въ одно семейство. Сіе *покровительство* возрастало въ Римѣ въ теченіи вѣковъ; оно распространялось въ поселеніяхъ и даже цѣлыя области и Цари избирали себѣ въ Римѣ покровителей.

Начало рыцарей Римскихъ происходитъ отъ *целеровъ* или *быстротечныхъ*, поступившихъ въ стражу Царскую въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ изъ семействъ вельможескихъ и по назначенію народа.

Ромулъ распространялъ могущество свое и оружіемъ и закономъ. Слѣдуя его примѣру, Римляне щадали юношей народовъ побѣжденныхъ, привлекали ихъ въ свои *легіоны* или полки; присвоивали себѣ земли завоеванныя, учреждали тамъ поселенія и предоставляли поселенцамъ *права гражданства*.

Въ силу закона имущество мужа и жены было общимъ. Отцы имѣли надъ дѣтьми власть неограничиную. *Нума* исключилъ въ послѣдствіи изъ сей зависимости сыновъ женатыхъ.

Война и земледѣліе особенно уважаемы были въ Римѣ. Искуства и ремесла предоставлялись иноземцамъ и рабамъ.

Но въ стѣнахъ Рима, возвеличенаго законами и побѣдами, недоставало женщинъ. Ромулъ отправилъ пословъ просить у сосѣднихъ народовъ дочерей въ супружество своихъ подданныхъ. Предложеніе его отвергнуто было съ презрѣніемъ. Ромулъ учредилъ торжество въ честь *Нептуна*, бога морей, и подъ симъ предлогомъ заманилъ въ Римъ множество окрестныхъ жителей съ ихъ семействами. По условленому знаку, юноши Римскіе, скрывавшіе оружіе подъ одеждою, устремились на пришельцевъ и похитили ихъ дочерей.

Акронъ, Царь *Цицинейцевъ*, первый возсталъ на Римъ; былъ побѣжденъ, убитъ и Ромулъ овладѣлъ его столицею. Одержавъ сію побѣду, и облекшись въ доспѣхи Акрона, Ромулъ вступилъ въ Римъ въ порфирѣ, увѣнчанный лаврами и неся *трофей*. Воины встрѣчали его громкими пѣснопѣніями.

Тацій, Царь *Сабинянъ*, воевалъ удачнѣе. Измѣна отворила ему входъ во внутренность Рима. Римляне и Сабиняне, пылая мщеніемъ, рѣшились истребить другъ друга. Внезапно является *Герсилія* съ сонмомъ *Сабинокъ*. Со слезами и рыданіемъ устремляются онѣ къ роднымъ своимъ и восклицаютъ: «мы соединили васъ съ Римлянами союзомъ неразрывнымъ. Хотите ли, чтобы вселенная почитала дѣтей нашихъ отцеубійцами? Нѣтъ! мы всѣ родные; вы не возстанете на своихъ кровныхъ!»

Природа побѣдила мщеніе. Оба народа слились въ одинъ народъ. Опредѣлили: что оба Царя будутъ владѣть совокупно; что Римъ сохранитъ имя свое, но что народъ назовется *Квиритами* въ честь Сабинскаго города *Куръ*.

Царь Тацій за потворство друзьямъ своимъ, опустошавшимъ земли *Лавиніумскія*, убитъ былъ послами сего народа.

Ромулъ погибъ во время ужасной грозы. Война внушила ему непомѣрное властолюбіе и онъ отдалилъ отъ себя сердца Римлянъ. Онъ началъ созидать городъ свой съ тремя тысячами, а передъ кончиною его народонаселеніе простиралось уже до сорока пяти тысячь. Ромулъ при-

влекалъ народы побѣжденные, оставляя имъ ихъ законы и правленіе.

Воспослѣдовало междуцарствіе. Сенатъ предоставилъ народу избрать Царя: народъ, уважая сіе предпочтеніе, отдалъ сіе право Сенату. Выборъ палъ на добродѣтель.

Въ городѣ *Курѣ* жилъ Сабинянинъ добродѣтельный, богобоязненный, другъ правоты и врагъ пышности. То былъ *Нума.* Царь Тацій, товарищъ Ромула въ управленіи Рима, любя добродѣтели Нумы, выдалъ за него дочь свою. Но и сія блистательная почесть не вызвала его въ Римъ. Успокоеніе отца престарѣлаго было главною его заботою.

Явились къ Нумѣ послы Римскіе; онъ отвѣчалъ имъ:« мои качества должны отдалять меня отъ престола; я люблю уединеніе, ученіе и спокойствіе. Вы честолюбивы, а я чуждъ честолюбія; вы страстны къ войнѣ и завоеваніямъ, а я всему предпочитаю миръ: вамъ нуженъ не Царь, а полководецъ.»

Послы усилили убѣжденія свои: Нума согласился. Сенатъ вышелъ къ нему на встрѣчу и присутствіе его преобразило Римъ военный въ жилище мудрости и добродѣтели. Возбуждая въ Римлянахъ миролюбіе, онъ соорудилъ *Янусу* храмъ, котораго врата отворялись въ военное время, а затворялись водъ сѣнію мира.

Нума отмѣнилъ стражу, окружавшую Ромула. «Я желаю, сказалъ онъ: чтобы меня окружали не воины, но любовь народная.»

При Ромулѣ годъ состоялъ изъ десяти мѣсяцевъ и начинался съ *Марта*; Нума прибавилъ *Январь* и *Февраль*. Онъ назначилъ дни *праздничные* и *непраздничные*, чтобы народъ зналъ, когда собираться и судить.

Учрежденіе жрецовъ, распорядителей богослуженія и *Весталокъ*, блюстительницъ неугасимаго огня, принадлежитъ Нумѣ.

Онъ также установилъ *провозгласителей*. Одни изъ нихъ служили къ сохраненію порядка въ народныхъ собраніяхъ, другіе, называемые *Феціалами*, объявляли миръ и войну.

Подъ миролюбивою державою Нумы сорокъ три года не было бурь военныхъ. Народы окрестные почитали тогда Римъ обителью правоты и добродѣтели. Поощряя народъ къ земледѣлію, Нума раздѣлилъ земли завоеванныя. Примѣръ Царя есть благотворное свѣтило для подданныхъ. При Нумѣ полководцы и вельможи Римскіе за честь себѣ вмѣняли обрабатывать поля и быть питателями народа.

По смерти Нумы, Сенатъ и народъ избрали Царемъ *Тулла Гостилія*.

Клуилій, *диктаторъ* или полновластный правитель города *Альбы*, дозволилъ воинамъ Альбскимъ опустошать земли Римскія. Возгорѣлась война. Клуилій былъ отставленъ, а *Мецій Суфецій*, преемникъ его, дорожа кровію Альбскихъ жителей, предложилъ Туллію рѣшить споръ поединкомъ. Со стороны Римлянъ по жребію избраны были три брата *Горацiи*, а со стороны Албанъ *Куріаціи*. Два бра-

та Гораціи пали подъ мечами Куріацієвъ; оставался одинъ Горацій. Въ немъ заключалась послѣдняя надежда Рима. Притворяясь, будтобы обращается въ бѣгство, Горацій раздѣлилъ своихъ сопротивниковъ и сею хитростію каждаго изъ нихъ порознь поразилъ. Нанося смертельный ударъ третьему Куріацію, побѣдитель воскликнулъ: « двухъ Албанъ принесъ я въ жертву братьямъ моимъ, третьяго приношу въ жертву отечеству. Прекращаю раздоръ и во власть Рима отдаю Альбу. »

Спустя два года Албане измѣнили Риму и городъ ихъ, существовавшій пять сотъ лѣтъ, разрушенъ былъ Гораціемъ.

Учредя въ войскѣ строгій воинскій порядокъ, Тулъ Гостилій проложилъ Римлянамъ поприще къ завоеванію вселенной. Одни предполагаютъ, будтобы онъ пораженъ былъ громомъ, а другіе говорятъ, что онъ убитъ *Анкомъ Марціемъ*, внукомъ Нумы. Туллій отличался искуствомъ въ войнѣ, благоразуміемъ въ политикѣ и мудростію въ правленіи.

Анкъ Марцій возведенъ былъ на престолъ общимъ согласіемъ Сената и народа. Присовокупя къ воинскимъ узаконеніямъ Туллія Гостилія новыя учрежденія касательно богослуженія, онъ желалъ въ лицѣ своемъ оживотворить миролюбіе Нумы. Латиняне не хотѣли тому вѣрить и потому отважились грабить поля Римскія. *Феціалъ* или Римскій вѣстникъ войны, на землѣ Латинянъ громко произнесъ сіи слова: »Внемлите Юпитеръ, Юнона, Квириній, боги неба

и земли! вами свидѣтельствуюсь, что Латиняне обидѣли насъ несправедливо и что народъ Римскій и я съ согласія Сената, объявляемъ имъ войну.»

Латиняне и другіе народы были побѣждены.

Анкъ Марцій основалъ тюрьму для преступниковъ; устроилъ соловарни и раздавалъ соль народу. Такія заботы о народѣ лучше побѣдъ безполезныхъ.

Въ царствованіе Анка Марція *Лукумонъ*, сынъ Коринѳянина Демарата, обогатясь торговлею, былъ изгнанъ изъ отечества непріятелями своими и удалился въ *Тарквинію*, городъ Тосканскій или *Етрурскій*, гдѣ выгодно женился и прижилъ двухъ сыновъ *Аронса* и *Лукумона*. Аронсъ умеръ; Лукумонъ получилъ наслѣдство отца своего и вступилъ въ бракъ съ *Танаквилою*, женщиной породы знаменитой и безпредѣльно честолюбивой. Она увлекла мужа своего въ Римъ, надѣясь среди простоты Римской блистать тамъ пышностію. Лукумонъ поселился въ Римѣ подъ именемъ *Тарквинія*. Богатствомъ, личными дарованіями и просвѣщеніемъ, заимствованнымъ предками его въ Греціи, заслужилъ онъ общее уваженіе. Анкъ Марцій назначилъ его опекуномъ дѣтей своихъ.

Хитрый Тарквиній обольстилъ народъ и провозглашенъ былъ Царемъ. Угождая народу и желая умножить число своихъ приверженцевъ, онъ произвелъ изъ плебеянъ сто новыхъ Сенаторовъ.

Тщетно возставали на Тарквинія враги. Оружіе его всегда увѣнчевалось щастіемъ.

Въ мирное время Тарквиній устроилъ водопроводы, укрѣпилъ стѣны и основалъ *Капитолію*, посвященную Юпитиру, Юнонѣ и Минервѣ.

Сыны Анка Марція, мстя Тарквинію за похищеніе престола, подкупили убійцъ. Тарквиній погибъ, а супруга его *Таникилія*, домогаясь снова владычествовать, хитростію передала престолъ иноземцу *Сервію Туллію*, о которомъ говорили, что онъ едва изторгся изъ оковъ рабства. Сыны Анка Марція бѣжали изъ Рима.

Видя сопротивленіе Сената, Сервій Гостилій созвалъ народъ, поручилъ ему дѣтей Тарквинія и сказалъ: « я жилъ всегда для блага бѣдныхъ и престолу предпочитаю спокойствіе Рима. А потому обрекаю себя на ссылку добровольную. »

Народъ удержалъ Сервія Туллія. Онъ вступилъ на престолъ безъ согласія Сената.

Опасаясь, чтобы жизнь праздная не охладила рвенія народнаго, новый Царь подъ различными предлогами ополчался и всегда сопровождаемъ былъ побѣдою.

Первыя деньги, которыя отъ изображенія на нихъ овцы, названы были *пекуніами*, выбиты при Сервіи Тулліи.

Сверхъ того при немъ воспослѣдовало новое исчисленіе и разпредѣленіе народа. Восемде-

сать тысячь граждань оказались способными къ оружію. Но хотя отъ новаго разпредѣленія облегчилась подать народа, за то онъ утратилъ преимущество *голоснаго права.* Богатые и вельможи усилились. Такимъ образомъ соотвѣтственно выгодамъ своимъ, Сервій Туллій льстилъ то слабымъ, то знатнымъ. Онъ первый ввелъ въ обычай давать свободу и выкупать невольниковъ.

Онъ также благоразуміемъ своимъ подвигъ Латинскіе народы къ *совѣщательному союзу,* подобному тому, какой существовалъ въ Греціи подъ названіемъ союза Амфиктіонскаго. Полагаютъ, что онъ намѣренъ былъ учредить республику подъ начальствомъ двухъ вождей, избираемыхъ изъ народа.

Сервій Туллій погибъ отъ злоумышленія дочери своей Тулліи и зятя своего *Тарквинія.*

Убійца, поправъ ногами и законы природы и законы гражданскіе, домогался владычествовать *самовластно.* За недоступность къ нему народа наименованъ онъ былъ Тарквиніемъ *гордымъ.* При немъ добродѣтель подверглась гоненію, а раболѣпное ласкательство торжествовало. Сенатъ безмолвствовалъ. Подъ державою сего сомовластителя, богатство служило поводомъ къ осужденію, добродѣтель почиталась преступленіемъ, а доносы пролагали путь къ наградамъ. Наконецъ оскорбленіе, нанесеное сыномъ его *Секстомъ* добродѣтельной *Лукреціи,* супруги *Коллатина,* произвело общее возстаніе.

РЕСПУБЛИКА.

Тарквиній Гордый былъ изгнанъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Учредилась республика. *Коллатинъ* и *Брутъ*, на основаніи законовъ Сервія Туллія, провозглашены были *Консулами* или годовыми правителями.

Тщетно Тарквиній прибѣгалъ къ помощи сосѣднихъ Царей. Римляне рѣшились умереть, но не быть его рабами. Гонитель добродѣтели узналъ и самъ всю тягость непріязненной судьбы. Въ отпоръ защитникамъ Тарквинія, Римляне противуполагали и силу оружія и твердость душевную. Консулъ Брутъ осудилъ на смертную казнь двухъ своихъ сыновъ, участвовавшихъ въ заговорѣ къ возстановленію Тарквинія. Но вмѣстѣ съ ревніемъ къ свободѣ, возникли подозрѣніе и зависть. Консулъ Коллатинъ, супругъ злополучной Лукреціи, изгнанъ былъ за то, что принадлежалъ по родству къ Царскому поколѣнію.

Консулъ *Валерій*, замѣстившій Коллатина, спасъ Римъ отъ оружія *Венетовъ*, но слава не спасла его отъ подозрѣнія: народъ видя, что онъ строитъ домъ на возвышеніи, заключилъ,

будто бы побѣдоносный Консулъ домогается владычества. Валерій немедленно разрушилъ домъ и издалъ законъ, допускавшій въ нѣкоторыхъ случаяхъ народъ изрекать рѣшительное опредѣленіе.

Власть Консульская при самомъ началѣ ограничилась симъ закономъ, а власть народа усилилась.

Консулъ Валерій за приверженность къ народу названъ былъ *Публиколою,* то есть *человѣкомъ общественнымъ.*

При избраніи Консуловъ оказалось, что въ Римѣ было уже сто тридцать тысячь гражданъ способныхъ къ оружію.

Между тѣмъ при Консулѣ *Маркѣ Гораціи* достроена была *Капитолія.* Въ тоже время Римляне заключили первый союзъ съ тѣми Карѳагенянами, съ которыми въ послѣдствіи спорили о владычествѣ надъ вселенною.

Загорѣлась новая война съ Сабинянами. Валерій *Публикола*, бывшій четыре раза Консуломъ, умеръ. Семейству своему оставилъ онъ въ наслѣдство однѣ добродѣтели свои. Погребеніе его происходило на счетъ казны и Римлянки носили по немъ печальное одѣяніе.

Война продолжалась. Тридцать народовъ, несправедливо обвинявшихъ Римлянъ въ нарушеніи законовъ, возстали противъ Рима.

Къ сей внѣшней бурѣ присоединилось внутреннее волненіе. Неимущіе граждане, обремененные долгами, упорствовали поступать подъ знаме-

на и требовали уничтоженія долговъ. *Валерій*, братъ Публиколы, защищая народъ, говорилъ: «Страшитесь, чтобы отчаяніе не подвигло бѣдныхъ должниковъ къ мятежу. Въ такомъ случаѣ въ Аѳинахъ по предложенію *Солона* долги были уничтожены. И мы должны облегчить жребій тѣхъ, которые проливаютъ кровь за отечество.»

Напротивъ того *Аппій-Клавдій* возражалъ: «нарушая условія, вы поколеблете первыя основанія общежитія.»

Сенатъ опредѣлилъ, чтобы окончить сей споръ послѣ войны.

Внѣшняя война продолжалась и умы волновались въ Римѣ. Въ сихъ обстоятельствахъ Сенатъ рѣшился учредить чиновника, при избраніи котораго долженствовала прекратиться власть Консуловъ и обязанности всѣхъ другихъ правителей Республики. Власть сего новаго чиновника ограничивалась шести-мѣсячнымъ срокомъ. Консулъ *Ларцій* первый возведенъ былъ на сію чреду подъ названіемъ *властелина народа* или *Диктатора*. Диктатору предоставлено было неограниченное право войны, мира, внутренней расправы и суда.

Тарквиній Гордый еще жилъ. Латиняне сильно за него вступились и были побѣждены. Они просили мира; Сенатъ отвѣчалъ: «Вы достойны наказанія, но Римъ предпочитаетъ славу милосердія удовольствію мщенія. Мы одного происхожденія съ вами. Возвратитесь въ

свои жилища: отриньте изгнанников и мы удовлетворимъ вашей прозьбѣ.»

Латиняне все исполнили. Тарквиній, снова изгнанный различными народами, умеръ въ глубокой старости въ *Кумахъ*.

Хотя смерть Тарквинія, сего ненавистника людей и добродѣтели, произвела въ Римѣ общую радость, но и съ жизнію его не прекратились внутреннія волненія Республики. Снова началась борьба должниковъ съ заимодавцами. Народъ волновался на площади. Сенаторы сперва недоумѣвали, потомъ вышли къ народу. Едва началось совѣщаніе, вдругъ прискакалъ гонецъ съ вѣстію, что *Вольски* спѣшатъ къ Риму. Народъ воскликнулъ:» Сами Боги посылаютъ намъ мстителей; одни Сенаторы пользуются выгодами войны: пусть же и они опасностямъ подвергаются.»

Консулъ *Сервилій* возразилъ: «непріятель у стѣнъ Рима! спасемъ отечество, а потомъ займемся разсужденіемъ.»

Римляне ополчились и побѣда выступила съ ними изъ стѣнъ Рима.

Война и внутреніе раздоры продолжались. Народъ днемъ и ночью стекался по стогнамъ городскимъ и обезоруживалъ *Ликторовъ* или стражу Консульскую. Консулъ *Виргиній* настаивалъ, чтобы учинить различіе между должниками; *Ларгій* предлагалъ уничтоженіе долговъ; а непреклонный *Аппій Клавдій* требовалъ избранія въ Диктаторы вельможу строгаго и неу-

ступчиваго. Вопреки ему избранъ былъ въ Консулы *Маній Валерій*, отличавшійся кротостію нрава. Народъ успокоился.

Маній Валерій отразилъ враговъ, вступилъ въ Римъ въ торжествѣ и предложилъ Сенату уничтоженіе долговъ. Юные Сенаторы, забывъ уваженіе къ Диктатору, грозно возражали Манію Валерію. Приказавъ имъ замолчать, онъ немедленно вышелъ изъ Сената, поспѣшилъ на площадь и сказалъ народу: «старость моя препятствуетъ мнѣ и мстить дерзновеннымъ и защищать правоту вашу. А потому я слагаю съ себя званіе для васъ безполезное.»

УДАЛЕНІЕ ВОЙСКА

И НАРОДА НА ГОРУ СВЯЩЕННУЮ ИЛИ ТЕВЕРОНСКУЮ.

Казалось, что Римъ раздѣлился въ Римѣ. Воины со знаменами своими и въ сопровожденіи народа удалились на *гору священную* или *Теворонскую*. Укрѣпясь тамъ, они соблюдали величайшій порядокъ.

Послѣ различныхъ преній въ Сенатѣ, опредѣлено было отправить къ недовольнымъ шесть

Сенаторовъ: въ числѣ ихъ находился *Агрипій Менений.* Изобразя въ сильныхъ словахъ пагубныя послѣдствія междуусобія, онъ предложилъ слѣдующій разсказъ:

«Было время, когда члены тѣла человѣческаго не живя въ нынѣшнемъ союзѣ, взбунтовались противъ желудка, полагая, будто бы онъ тунеядецъ и безполезно пожираетъ ихъ труды. Руки отказались предлагать пищу; ротъ не хотѣлъ принимать ее, а уста упорствовали жевать. Вскорѣ все тѣло повергло́сь въ изнеможеніе. Члены убѣдились наконецъ въ пользѣ желудка, который получая отъ нихъ пищу, распредѣляетъ имъ кровь, силу и жизнь.»

Видя, что народъ понялъ смыслъ разсказа, Мененій Агрипа предложилъ, чтобы для прекращенія распрей, уволить отъ долговъ должниковъ несостоятельныхъ, освободить содержащихся въ тюрьмахъ и постановить по взаимному согласію Сената и народа законъ о правахъ должниковъ и заимодавцевъ.

По внушенію своихъ предводителей, народъ настоятельно требовалъ, чтобы ему даны были особенные чиновники для перевѣса власти Сената. И такъ учреждены были *народные трибуны,* уполномоченные собирать народъ и противуборствовать Консуламъ.

Кромѣ сего назначены еще были два годовые начальника, подъ названіемъ *Едиловъ*, долженствовавшіе исполнять всѣ приказанія народныхъ Трибуновъ.

Отъ установленія Трибуновъ возникла въ Римѣ новая борьба. Желая овладѣть сердцами народа, Трибуны непрестанно предлагали, чтобы раздѣлить земли завоеванныя или раздать народу деньги, выручаемыя продажею оныхъ.

Напротивъ того Сенатъ настаивалъ, чтобы сіи деньги обращались въ казну общественную. Но и среди сей новой борьбы, торжество добродѣтели блистательно ознаменовывалось. По свидѣтельству писателей, уваженіе народа къ славѣ и заслугамъ великихъ соотечественниковъ удерживало его въ предѣлахъ повиновенія.

ВЗЯТІЕ ГОРОДА КАРІОЛЫ.

Римъ успокоился въ Римѣ; но зависть сосѣднихъ народовъ не дремала. Консулъ *Постимій Кеминій* выступилъ противъ Вольсковъ, осадилъ городъ *Каріолу* и приступалъ два раза, но тщетно. Готовясь къ третьему приступу вдругъ услышалъ онъ, что *Антіаты* спѣшатъ на помощь Вольскамъ. Въ сихъ обстоятельствахъ одну часть войска оставилъ онъ подъ стѣнами Каріолы, а съ другою устремился на встрѣчу новыхъ враговъ.

Въ войскѣ, осаждавшемъ Каріолу, находился юный Патрицій *Марцій*. Лишась въ младенчествѣ отца, онъ воспитывался подъ руководствомъ матери, внушавшей ему упорное стремленіе къ славѣ. Никакіе труды, никакія опасности не устрашали его. Жители Коріолы, надѣясь на поспѣшавшее къ нимъ вспоможеніе, вооружились и стремительно напали на осаждавшихъ. Римляне принуждены были уступить силамъ превосходнымъ. Но *Марцій* оставшись съ небольшимъ отрядомъ, выдержалъ натискъ непріятелей, опрокинулъ ихъ, обратилъ въ бѣгство и покорилъ Коріолы. Пылая отважностью, онъ полетѣлъ въ Консульское войско, гдѣ съ очевидною опасностію жизни своей увѣнчался новою славою и ранами. Безпристрастный Консулъ предложилъ ему въ даръ десять невольниковъ и коня съ богатою сбруею. Марцій, отказавшись отъ девяти невольниковъ, взялъ только одного, у котораго былъ нѣкогда въ домѣ, и далъ ему свободу; принялъ также коня, а всѣ другія сокровища отвергъ. Щастливъ бы онъ былъ, естьлибъ руководствовался всегда такою величественною умѣренностію! Въ память покореннаго имъ города, Римъ присвоилъ ему наименованіе Коріолана.

ГОЛОДЪ и ИЗГНАНІЕ КОРІОЛАНА.

Ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Римѣ. За закупкою хлѣба посылали въ Сицилію. Въ тоже время Вольски урожали Римлянамъ войною, но ихъ самихъ постигъ моръ. Этотъ случай увѣковѣчился человѣколюбіемъ Римлянъ. Они отправили поселенцевъ въ опустошенную ихъ страну. Еслибъ исторія предлагала всегда такія событія, то, говоря словами *Діодора Сицилійскаго*, она дѣйствительно была бы *благодѣтельницею человѣчества.*

Народъ Римскій, поощряемый Трибунами, вопіялъ, будто бы богатые скупаютъ хлѣбъ и будто бы поселенцы, посланые къ Вольскамъ, отданы на жертву мороваго повѣтрія.

Хотя Консулы имѣли право начинать рѣчь на площади, но Трибуны присвоивали себѣ оное. Одинъ изъ Консуловъ неосторожно сказалъ: «мы созвали собраніе, намъ принадлежитъ право говорить.»—«Народъ! воскликнулъ Едилъ Юній: уступимъ сегодня это право Консуламъ, а завтра я докажу силу твоего достоинства.»

На другой день Трибуны созвали собраніе народа. Трибунъ *Ицилій* взошедъ на кровлю Вулканова храма, предложилъ законъ, чтобы предавать смертной казни того, кто отважится

перебивать рѣчи Трибуновъ.» Народъ одобрилъ сей законъ; Сенатъ не отважился прекословить.

Одержавъ побѣду надъ Сенатомъ, бѣдные перестали роптать на голодъ. Богатые простерли къ нимъ руку помощи. Римъ предпринялъ войну для уменьшенія числа нуждавшихся. Немногіе поступили подъ знамена, но съ ними былъ Коріоланъ. Быстро поразилъ онъ непріятелей и возвратился въ Римъ въ сопровожденіи сонмовъ плѣнныхъ и обремененный добычею. Народъ укорялъ Трибуновъ за то, что они удерживали его отъ войны.

Коріоланъ желалъ Консульства въ награду подвиговъ своихъ. Для сего надлежало ласкать народъ; но Коріоланъ, страшный на полѣ битвъ, раздражалъ гражданъ высокомѣріемъ въ мирное время. Онъ явился на площадь среди множества вельможъ. Оскорбленный народъ въ лицѣ горделивца, забылъ побѣдителя и отказалъ ему въ Консульствѣ.

Между тѣмъ подвезенъ былъ хлѣбъ частію подаренный Римлянамъ Царемъ Сиракузскимъ, а частію купленый посланными. Благоразумные вельможи совѣтовали обдѣлить Римлянъ хлѣбомъ безденежно. Коріоланъ возразилъ:« Естьли народъ хочетъ, чтобы мы обдѣляли его хлѣбомъ по прежнему, то пусть не посягаетъ на права наши. Я не стану пресмыкаться у ногъ Трибуновъ подобно рабу ничтожному.»

Трибуны, находясь тогда въ Сенатѣ, немед-

ленно передали народу Коріолановы слова. Раздраженный народъ порывался выломать двери Сената. Трибуны говорили, что одинъ Коріоланъ виноватъ и послали за нимъ стражу. Поступя нагло со стражею, Коріоланъ вышелъ изъ Сената. Едилы покушались его задержать; вельможи подоспѣли къ нему на помощь, началась ручная борьба съ Трибунами и Едиллами. Одна ночь прекратила сію войну вельможъ съ народомъ.

Нѣсколько дней происходили сильные споры. Трибунъ *Сицилій* требовалъ, чтобы Коріолана сбросили со скалы *Тарпіанской*. Товарищи его возразили, что надлежитъ прежде выслушать обвиненнаго. И такъ опредѣлили позвать Коріолана на судъ народа.

Услыша, что Трибуны обвиняютъ его въ домогательствѣ верховной власти, Коріоланъ предсталъ на судъ народа, разорвалъ свою одежду и указывая на раны свои, воскликнулъ: « это ли изобличаетъ меня въ домогательствѣ верховной власти?»

Сердца народа объялись состраданіемъ. Трибуны возразили, что Коріоланъ не внесъ въ казну общественную добычи, отнятой у Анціатовъ и что онъ роздалъ ее воинамъ, чтобы учинить ихъ орудіемъ своего самовластія.

Пораженный симъ неожиданнымъ обвиненіемъ, Коріаланъ отвѣчалъ сильными укоризнами и угрозами. Сердца народа снова закипѣли негодованіемъ и Коріоланъ приговоренъ былъ къ вѣчной ссылкѣ.

Сія побѣда надъ вельможами пріятнѣе была народу всѣхъ внѣшнихъ торжествъ.

Простясь съ друзьями и семействомъ, Коріоланъ поспѣшилъ къ Вольскамъ и на другой годъ своего изгнанія явился съ ними подъ стѣнами Рима. Мщеніе заглушило въ душѣ его любовь къ отечеству. Устрашенный народъ требовалъ мира; Сенатъ отвѣчалъ, что онъ тогда приступитъ къ миру, когда Вольски оставятъ поля Римскія.

Неизбѣжная погибель угрожала Риму. Сенатъ отправилъ къ Коріолану двукратное посольство, но тщетно.

Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, Римлянки, зная сыновнюю любовь Коріолана къ *Витуріи* матери его, убѣдили ее принять надъ ними начальство и итти къ непреклонному врагу Рима.

Едва въ сердцѣ Коріолана отозвался голосъ нѣжной матери, воспитавшей его отъ самой колыбели, онъ прослезился, устремился въ ея объятія и воскликнулъ: «Римъ спасенъ, но твой сынъ погибъ!» сказалъ и отступилъ отъ Рима.

Въ память сего событія сооруженъ былъ въ Римѣ храмъ, подъ названіемъ *храма щастію женщинъ*.

Нѣкоторые повѣствуютъ, что Коріоланъ убитъ былъ по наущенію *Туллія*, правителя Вольсковъ, завидовавшаго его славѣ. Напротивъ того Титъ Ливій и *Фабій Пикторъ* увѣряютъ, что онъ умеръ въ глубокой старости и

часто повторялъ сія горестныя слова: «старость въ изгнаніи есть величайшее бѣдствіе.»

ЦИНЦИНАТЪ.

Хотя Римъ спасенъ былъ отъ Гордонія, богатаго и честолюбиваго Сабинина, покушавшагося овладѣть сею будущею Столицею вселенной, но мятежи народные не укрощались. Къ уничиженію народа Консулъ *Клавдій* при избраніи товарища ему въ званіи Консульскомъ, пригласилъ однихъ богатыхъ. Въ новые Консулы богатые избрали единодушно Римлянина неимущаго и удаленнаго отъ Рима. То былъ *Квинтій Цинцинатъ*. Послы, отправленные къ нему Сенатомъ, застали его на нивѣ. Онъ былъ въ рубашкѣ, въ простомъ шерстяномъ колпакѣ и распахывалъ поле плугомъ. Увидя посольство, онъ пріостановилъ своихъ воловъ; *Ликторы* преклонили передъ нимъ сѣкиры свои; его облекли въ Консульскую багряницу и пригласили въ Римъ. Консулъ *Земледѣлецъ* поруча женѣ свое домашнее хозяйство, отправился въ путь съ прискорбіемъ и прослезясь сказалъ: *бѣдное мое поле, ты не будешъ въ етотъ годъ засѣяно*.

Представясь Сенату, онъ немедлено созвалъ народное собраніе.« Не оправдывая Сената, вос-

кликнулъ Цинцинатъ; не оправдывая праздной его нѣги и гордости, укоряю Трибуновъ за дерзость, а народъ за своеволіе. Но Трибунъ *Виргиній*, по мнѣнію моему, виновнѣе даже и мятежнаго *Гордонія*; онъ тщеславится тѣмъ, что вынуждаетъ у Сената новые законы. При мнѣ этаго не будетъ или я погибну. Забудемъ о себѣ; насъ зоветъ отечество, повинуйтесь ему!»

Непоколебимость новаго Консула оживила Сенатъ; но Трибуны возразили, что они не допустятъ набирать войска.

«Мнѣ это и не нужно, отвѣчалъ Цинцинатъ. Граждане поклялись итти въ Капитолію. Въ силу сей присяги, отъ которой Консулы не освободили ихъ, мы повелѣваемъ собраться завтрѣ у озера *Ригила*. Запаситесь изобильнымъ продовольствіемъ; я намѣренъ продержать васъ всю зиму.»

Устрашенные Трибуны поспѣшили въ Сенатъ и умоляли его о снисхожденіи. Видя ихъ покорность, Сенатъ опредѣлилъ, что въ теченіе этаго года Трибуны не будутъ предлагать новаго закона и что войско не выйдетъ изъ города.

Управленіемъ благоразумнымъ, рачительнымъ, кротостію и безпристрастіемъ, Цинцинатъ пріобрѣлъ любовь народа, укротилъ крамолу и примирилъ гражданъ съ вельможами.

По истеченіи срока Консульскаго, Сенатъ

убѣждалъ Цинцината остаться; онъ не согласился.

Казалось, что вмѣстѣ съ Цинцинатомъ спокойствіе удалилось изъ Рима; снова возникли раздоры внутренніе, а *Екки*, *Вольски* и *Сабиняне* напали на мятежныхъ Римлянъ, разбили Консула *Минуція* и оградили войско его укрѣпленіемъ.

Цинцината провозгласили Диктаторомъ и вторично отвлекли отъ плуга. Присутствіе его въ Римѣ воспламенило мужествомъ унылыхъ гражданъ. Приказавъ запереть лавки, что производилось въ случаѣ крайней опасности: онъ повѣстилъ, чтобы всѣ граждане, способные къ оружію, собрались на другой день на *Марсово поле* съ пятью дневнымъ хлѣбнымъ запасомъ и чтобы сверьхъ того каждый воинъ взялъ съ собою по пяти кольевъ.

Все было исполнено. Войско, продолжая походъ цѣлую ночь, прибыло въ тишинѣ къ непріятелю, окружило его и по предварительному наставленію Диктатора, каждый воинъ вбивалъ въ землю колья и громко восклицалъ.

Консулъ *Минуцій*, окруженный врагами, услыша сей крикъ, сдѣлалъ сильную вылазку на Екковъ. Между тѣмъ Диктаторъ окончивъ укрѣпленіе свое, ударилъ на непріятеля. Екки въ очередь свою окруженные и разбитые, покорились оружію и уставамъ Римлянъ.

Увѣнчавшись побѣдою, Диктаторъ собралъ

войско Минуція и сказалъ! «Римляне! вы уступили непріятелю, вы не будете участвовать въ добычѣ. А ты, Минуцій! ты уже не Консулъ. Въ чинѣ простаго чиновника, учись повиноваться.»

Хотя Диктаторство предоставлялось на шесть мѣсяцевъ, но Цинцинатъ сложилъ съ себя сіе званіе черезъ *шестнадцать дней*. Сенатъ предлагалъ ему часть завоеванныхъ земель; онъ не принялъ, цѣня свыше всего славную бѣдность и полезные труды.

УЧРЕЖДЕНІЕ и ПАДЕНІЕ

ДЕЦЕМВИРОВЪ.

Ни война, ни миръ не прекращали въ стѣнахъ Рима междуусобія. Сенатъ и народъ, утомясь противуборствовіемъ, согласились основать равенство на законахъ. Каждая изъ двухъ сторонъ присвоивала себѣ непосредственное право законодательства. Наконецъ изъ Рима отправилось посольство въ Грецію для собранія Солоновыхъ законовъ. Такимъ образомъ законодатель Аѳинъ учинился и законодавцемъ Рима.

Чиновники, избранные къ составленію законовъ, названы были *Децемвирами* или десятью мужа-

ми, соотвѣтственно числу ихъ. Начертавъ законы на двѣнадцати доскахъ, они выставили оныя на площадь. Сперва *Децемвиры*, облеченные полномочіемъ, пріобрѣли общую довѣренность, но потомъ предавшись порывамъ необузданныхъ страстей, они подверглись паденію. Смерть невинной *Виргиніи*, оскорбленной *Аппіемъ*, вождемъ Децемвировъ и убитой отцемъ, спасавшимъ ее отъ позора, уничтожила навсегда владычество сихъ новыхъ притѣснителей Рима.

ТРИБУНЫ ВОЕННЫЕ.

Но и учрежденіе законовъ не погасило пламени, возжигаемаго завистію и ненавистію. Народъ требовалъ, чтобы и ему предоставлены были почести Консульства.

Законъ о томъ воспослѣдовалъ, но Сенаторы опасаясь унизить званіе Консуловъ, предложили установленіе трехъ новыхъ чиновниковъ подъ названіемъ *Трибуновъ военныхъ*.

Торжествующій народъ въ ознаменованіе благодарности своей, предоставилъ сіе новое начальство тремъ *Патриціямъ* или вельможамъ.

Новые возникли споры и пренія. Снова обратились къ Консульству. Почести сего званія учинились общими. Однако Патриціи болѣе уважаемы были при избраніи. А изъ простыхъ гражданъ въ первые Консулы поступили 366 года отъ основанія Рима.

УЧРЕЖДЕНІЕ ЦЕНСОРОВЪ.

По причинѣ непрестанной внѣшней войны, въ Римѣ семнадцать лѣтъ не было исчисленія гражданъ и имуществъ. А потому многіе граждане, нигдѣ незаписанные, могли укрываться отъ повинностей военныхъ и гражданскихъ. Къ отвращенію сего злоупотребленія учреждены были два новые чиновника или *Ценсоры*, то есть исчислители.

Народъ, не предвидя важности сего званія, предоставилъ оное вельможамъ.

Вскорѣ Ценсоры отъ исчисленія гражданъ и имуществъ перешли къ надзиранію надъ правами и порядкомъ, съ правомъ наказывать развратныхъ. Силою власти своей исключали они Сенаторовъ, лишали почестей рыцарей и перемѣщали гражданъ изъ перваго отдѣленія въ

послѣднее. Имъ поручено также было завѣдываніе зданій, дорогъ и казны общественной. Срокъ *Ценсорства* ограничивался иногда осмнадцатью мѣсяцами, а иногда пятилѣтіемъ. Первыми Ценсорами были *Папирій* и *Семпроній*. Полагаютъ, что *Ценсорство* на долгое время поставило оплотъ разврату и тѣмъ самымъ замедлило паденіе республики.

ОСАДА ГОРОДА ВЕИ И КАМИЛЛЪ.

Воины Римскіе не получая жалованья, были или жертвою заимодавцевъ, или предавались мятежамъ. Война, продолжаясь одинъ мѣсяцъ, была не войною, а набѣгомъ, и уничтожала блистательнѣйшія побѣды. Сенатъ опредѣлилъ пѣхотѣ жалованье. Восхищенные воины толпами стекались къ Сенаторамъ, цѣловали руки, называли ихъ отцами и клялись не щадить для нихъ ни трудовъ, ни жизни.

Такимъ образомъ располагая *строевымъ войскомъ*, Сенатъ распространилъ поприще своихъ предпріятій. Рѣшась завоевать Италію, онъ предположилъ осадить городъ *Вею*, уравнивавшійся съ Римомъ народонаселеніемъ, богатствомъ и мужествомъ.

Осада Веи продолжалась десять лѣтъ. Противъ обыкновенія войско зимовало въ станѣ. Трибуны внушали народу, будто бы Сенатъ намѣренъ истребить все Римское юношество. *Аппій*, Трибунъ военный, находившійся въ Римѣ, возражалъ: « согласіе Сената и народа огорчаетъ Трибуновъ: имъ нужны волненія и мятежы. *Веяне* сами подвигли насъ къ войнѣ. Они грабили наши земли, возбуждали противъ насъ *Феденатовъ*, умертвили наши поселенія, убили нашихъ пословъ и домогались къ низпроверженію Рима вооружить всю Етрурію. »

Народъ воспламенился. Избыточные Плебеяне добровольно вызвались служить въ конницѣ. Сенатъ назначилъ конницѣ тройное жалованье по сравненію съ пѣхотою.

Въ тоже время разбиты были Римскіе полководцы, избранные изъ вельможъ. Народъ назначилъ своихъ военыхъ Трибуновъ.

Римляне потерпѣли новую неудачу. Разнеслась молва, что Веяне намѣрены устремиться къ Риму. *Камиллъ* провозглашенъ былъ Диктаторомъ, а въ товарищи себѣ назначилъ онъ *Корнелія Сципіона.*

Довѣренность къ славѣ и добродѣтелямъ Камилла оживотворила Римлянъ. Побѣда снова возвратилась подъ знамена ихъ.

Не надѣясь взять силою многолюдный городъ Вею, Камиллъ подвелъ подкопъ и отправилъ нарочнаго спросить Сенатъ: « какъ должно распредѣлить богатую добычу, предлагаемую ему побѣ-

дой? »—Сенатъ отвѣчалъ: *раздать ее бѣднымъ*: и половина Рима поспѣшила въ станъ воинскій.

Къ развлеченію вниманія осажденныхъ, Камиллъ повѣстилъ общій приступъ. Между тѣмъ лучшіе отряды войскъ, пробираясь подземнымъ ходомъ, вступили съ громкими восклицаніями въ храмъ, гдѣ Царь Веянъ приносилъ жертву.

Вея пала. Побѣдоносный Камиллъ въѣхалъ въ Римъ на колесницѣ, запряженной четырью бѣлыми конями и подобной той, на какой представляютъ Юпитера и Аполлона. Сей порывъ гордости раздражилъ народъ. Камиллъ обѣщалъ внести даръ въ храмъ *Дельфійскій*, естьли покоритъ Вею. Къ исполненію обѣта недоставало золота. Римлянки пожертвовали своими драгоцѣнностями. Уважая сей подвигъ, Сенатъ между прочимъ опредѣлилъ, чтобъ при погребеніи ихъ произносили похвальныя рѣчи, что дотолѣ предоставлялось только памяти знаменитѣйшихъ Римлянъ.

Вскорѣ потомъ Камиллъ побѣдилъ *Falисковъ* не оружіемъ, но великодушіемъ. Городской учитель подъ предлогомъ прогулки, вывелъ изъ города *Фалеры* порученныхъ ему отроковъ знатнѣйшихъ семействъ и предлагалъ ихъ Камиллу въ заложники. Римскій полководецъ съ презрѣніемъ отвергъ сей вызовъ и возвратилъ дѣтей отцамъ и матерямъ. Фалиски покорились. Послы ихъ прибывъ въ Римъ, сказали Сенату: « мы въ сей войнѣ взаимно подаемъ роду человѣческому два великіе примѣра: вы явили

примѣръ праводушія, предпочитающаго славныя опасности побѣдѣ вѣрной, но законопреступной; а мы показали примѣръ великодушія, уступающаго добровольно побѣду добродѣтели.»

Между тѣмъ народъ Римскій порывался переселиться въ Вею. Камиллъ воспротивился сему пагубному предпріятію. Сенатъ роздалъ по семи десятинъ изъ земель Веяпъ дѣтямъ мужескаго пола, отъ чего и процвѣло состояніе семейственное.

Зависть не щадитъ ни славы, ни заслугъ. Трибуны, негодуя на Камилла за непрестаныя его имъ прекословія, выдумали, будтобы онъ удержалъ часть добычи, взятой при покореніи Веи. Не дожидаясь рѣшительной ссылки и какъ будтобы забывъ, что онъ Римлянинъ, воскликнулъ: » боги! молю васъ: заставьте неблагодарныхъ моихъ согражданъ оплакивать мое отсутствіе!»

НАШЕСТВІЕ ГАЛЛОВЪ.

Грозная буря дѣйствительно устремилась на Римъ изъ той страны, которая доколѣ едвали ему была извѣстна.

Три области: *Аквитанія, Цельтика* и *Бельгія* составляли тогда Галлію. Предѣлами ея были: Океанъ, Рейнъ, горы Альпійскія и Пи-

ринейскія. Но сіи предѣлы измѣнялись отъ непрерывной войны Галловъ съ Германцами.

Галлъ *Беловезъ* первый перешелъ черезъ Альпы и основалъ Галлію Заальпійскую.

Вскорѣ послѣ ссылки Камилла, одинъ *Клузіянскій* житель, негодуя на соотечественниковъ своихъ, удалился къ Галламъ *Приальпійскимъ* и разсказами о плодородіи страны своей привлекъ ихъ къ родному городу своему *Клузіуму*.

Ростъ исполинскій и необычайное оружіе Галловъ распространили страхъ повсемѣстный. Клузіяне прибѣгли къ помощи Римлянъ. Сенатъ отправилъ послами трехъ сыновъ *Фабія Амбуста*. Явясь въ станъ Галловъ, они требовали, чтобы прекращены были военныя дѣйствія. *Бренъ*, вождь Галловъ, возразилъ: » у Клузіянъ много земли невспаханной, пусть они подѣлятся съ нами. » Римскіе послы отвѣчали, что Галлы не вправѣ требовать чужаго. « А Римляне, сказалъ Бренъ: не силою ли покорили множество областей? Наши права написаны на острiѣ мечей нашихъ. »

Сенатъ Римскій поступилъ въ семъ случаѣ неосторожно, отправя юныхъ пословъ. Подъ личнымъ предводительствомъ своимъ, они повели Клузіянъ на бой. Раздраженные Галлы бурнымъ потокомъ устремились къ Риму. « Мы идемъ къ Риму, восклицали они; мы хотимъ сразиться съ одними Римлянами! »

Одна ошибка влечетъ за собою другую. Сенатъ, обуянный или страхомъ или безпечно-

стію, не превозгласилъ въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ Диктатора. Наскоро и безъ всякаго разпорядка набралъ онъ сорокъ тысячь войска. У Галловъ было шесдесятъ тысячь. Вопли ихъ, повторяемые горными отзывами, поселяли ужасъ, дотолѣ Римлянамъ неизвѣстный. Сопротивныя войска встрѣтились въ четырехъ миляхъ отъ Рима при сліяніи рѣки *Тибра* съ *Алліей*.

Римъ былъ взятъ Галлами. Юные Римскіе воины заперлись въ Капитоліи, куда внесены были всѣ сокровища. Престарѣлые Сенаторы обрекли себя на смерть, чтобы не истощить продовольствія послѣднихъ защитниковъ Капитоліи и свободы Рима. Они пали подъ мечами Галловъ, а Римъ погребся въ пожарныхъ развалинахъ.

Осадя Капитолію, Бренъ разослалъ отряды войскъ своихъ грабить окрестныя поля. Одинъ изъ сихъ отрядовъ нечаянно подошелъ къ *Ардеи*, гдѣ находился изгнанный Камиллъ.

«Ардеяне! воскликнулъ онъ: вамъ предстоитъ случай доказать дружбу свою Риму и увѣковѣчиться бесмертною славою. Вооружитесь и естьли Галлы не будутъ жертвою вашихъ мечей, то изгоните меня также, какъ Римъ изгналъ меня.»

При звукѣ трубъ Камиллъ напалъ ночью на Галловъ, не соблюдавшихъ въ станѣ своемъ никакой осторожности, и поразилъ ихъ.

Ободрясь симъ успѣхомъ, нѣсколько городовъ присталu къ Камиллу и предлагали ему главное начальство надъ войсками. «Не приму, отвѣчалъ Камиллъ: не нарушу законовъ Римскихъ. Буду ожидать рѣшенія Сената.»

Юный Римлянинъ *Понтій Коминъ*, отправленный Камилломъ въ Римъ, щастливо переплылъ Тибръ, прокрался ночью въ Капитолію и возвѣстилъ о пораженіи Галовъ. Сенатъ провозгласилъ Камилла Диктаторомъ.

Камиллъ день ото дня усиливался. Но и Галлы упорно утѣсняли Капитолію, а Римляне, утомясь непрестанною борьбою, рѣшились прибѣгнуть къ перемирію и откупиться золотомъ. Вождь Галловъ употребилъ поддѣльные вѣсы. Римляне жаловались на обманъ. Бренъ положилъ на вѣсы тяжелый свой мечь и сказалъ; *горе побѣжденнымъ*!

Онъ изрекъ себѣ приговоръ, Камиллъ былъ уже въ стѣнахъ Рима. «Римляне! воскликнулъ онъ: оставьте золото. А вы, Галлы! бросьте вѣсы. Оружіе рѣшитъ нашъ жребій.»

Загорѣлся бой сильный и упорный. Всѣ Галлы пали подъ мечами Римлянъ.

Оросивъ слезами развалины Рима и гробы жертвъ, погибшихъ за отечество, Римляне учредили торжество въ честь Камилла, сего *втораго основателя Рима*.

ПРОИЗШЕСТВІЯ

ОТЪ ПОРАЖЕНІЯ ГАЛЛОВЪ ДО ВОЙНЫ СЪ КАРѲАГЕНЯНАМИ.

Ни разореніе Рима, ни побѣды Камилла, ничто не могло укротить безпокойнаго духа Трибуновъ народныхъ. Они снова стали требовать, чтобы половина гражданъ и часть Сената переселились въ Вею. Камиллъ возразилъ: « Я не перемѣню моего мнѣнія. Отечество и слава Римлянъ въ стѣнахъ Рима. »
— Въ это самое мгновеніе сотникъ, начальствовавшій стражею, проходя нечаянно черезъ площадь, приказалъ знаменщику остановиться и водрузить знамя; *здѣсь* сказалъ онъ: *здѣсь должны мы остаться.* И тысячи голосовъ воскликнули: *здѣсь останемся!*

Галлы, тянувшіеся берегомъ Адріатическаго моря, угрожали Риму вторичнымъ нашествіемъ. Всѣ Римляне, не исключая и жрецовъ, вооружились и тогда же узаконили, чтобы въ случаѣ войны съ Галлами никто не уклонялся отъ военной службы.

Камилла провозгласили Диктаторомъ. Онъ отказывался по причинѣ преклонныхъ лѣтъ. Сенатъ возразилъ: *намъ не рука твоя нужна, но голова.* Камиллъ выступилъ и снова поразилъ Галловъ,

Возвратясь въ Римъ, Камиллъ едва не погибъ отъ ненависти Трибуновъ. Наконецъ онъ самъ присовѣтывалъ Сенату отмѣнить военныхъ Трибуновъ и избирать въ Консулы одного изъ Вельможъ, а другаго изъ Плебеянъ.

Въ память сближенія вельможъ съ народомъ и по желанію Каммилла воздвигли храмъ *согласію.*

Въ тоже время учрежденъ былъ новый чиновникъ, подъ названіемъ *Претора*, долженствовавшаго замѣнять въ народныхъ собраніяхъ отсутствовавшихъ Консуловъ.

Камиллъ умеръ отъ моровой язвы, постигшей Римъ 390 г. отъ основанія его.

Моровое повѣтріе продолжалось два года. Суевѣрные Римляне думали, что умилостивятъ боговъ своихъ театральными представленіями, а потому и выписали изъ Етруріи Комедіантовъ.

Новое нашествіе Галловъ, угрожавшее Риму, было отражено, но возрастающій Римъ часъ отъ часу болѣе устрашалъ Италію. Къ ослабленію владычества его совокупились двадцать Етрурскихъ народовъ и объявили ему войну. При семъ случаѣ въ первый разъ былъ избранъ изъ плебеянъ въ Диктаторы *Маркъ Румилій.* Онъ поразилъ враговъ и почтенъ былъ *Тріумфомъ.*

424 годъ отъ основанія Рима достопамятенъ облегченіемъ тягостнаго жребія должниковъ. Юный гражданинъ *Папирій* вмѣсто злополуч-

наго своего отца заложилъ себя *Публію*, пѣйстовѣйшему ростовщику. Сей лихоимецъ, мертвый ко всему, кромѣ корысти, не уважая жертвы сыновней, приказалъ высѣчь нещадно Папирія. Изсѣченый юноша явился на площадь, сбросилъ съ себя одежду и показалъ народу слѣды жестокосердія заимодавцевъ. Народъ въ полномъ собраніи издалъ два слѣдующіе закона: *первый* возвѣщалъ, что должникъ можетъ закладывать вещи, а не себя, а *вторымъ* закономъ воспрещалось сѣчь гражданина, не уличеннаго въ преступленіи.

ВОЙНА РИМЛЯНЪ СЪ ПИРРОМЪ,

ЦАРЕМЪ ЕПИРСКИМЪ.

Посягая мыслію на обладаніе вселенной, Пирръ, Царь *Епирской*, вторгся въ Италію съ сильнымъ войскомъ и со слонами. Море, какъ будто бы предлагая первый урокъ честолюбцу, разсѣяло его корабли, собравшіеся однако въ пристань, послѣ бури долговременной.

Одержавъ первую побѣду и обозрѣвая трупы Римлянъ, Пирръ воскликнулъ: «они кажется и мертвые дышутъ мужествомъ: для чего у

меня нѣтъ такихъ воиновъ? я покорилъ бы съ ними вселенную.»

Успѣхи Пирра встревожили Римъ. *Фабрицій*, извѣстный умомъ и подвигами своими, сказалъ: «Пирръ побѣдилъ Консула, а не легіоны.»

Пирръ отправилъ въ Римъ для переговоровъ *Циніаса*, ученика Демосѳенова. Хотя онъ и славился краснорѣчіемъ своимъ, но ни въ чемъ не успѣлъ. Исполненный удивленіемъ къ Риму и Сенату, Цинеасъ, возвратясь къ Царю своему, сказалъ: «Римъ есть храмъ, а Сенатъ собраніе боговъ.»

Уважая однако Пиррово предложеніе касательно возвращенія плѣнныхъ, Сенатъ дозволилъ Каю Фабрицію вступить съ Пирромъ въ переговоры. Царь Епирскій предлагалъ ему и богатые дары и обширныя земли въ Епирѣ. Фабрицій отвѣчалъ: *оставь у себя золото свое, а при мнѣ оставь мою бѣдность.* На другой день, желая встревожить Римскаго Героя внезапностью, Пирръ приказалъ помѣстить за ширмами слона. Въ жару совѣщанія слонъ выступилъ съ подъятымъ хоботомъ и съ ужаснымъ ревомъ. Фабрицій сказалъ хладнокровно: *вчера не прельстило меня твое золото, а сегодни не удивилъ твой слонъ.*

Начались новыя битвы. Пирровъ врачь писалъ къ Фабрицію, что онъ отравитъ властолюбца, естьли обѣщаютъ ему за то значительное возмездіе. Фабрицій немедленно извѣстилъ Пир-

ра о семъ злодѣйскомъ умыслѣ и препроводилъ къ нему слѣдующія строки: « Пирръ дурно выбираетъ друзей своихъ ; онъ воюетъ съ людьми добродѣтельными, а ввѣряетъ себя коварнымъ измѣнникамъ. Римляне гнушаются вѣроломствомъ; они завоевываютъ миръ оружіемъ, а не покупаютъ его измѣною. »

Прочитавъ сіе письмо, Пирръ воскликнулъ: *Скорѣе можно совратить солнце съ его пути, нежели отвлечь Фабриція отъ добродѣтели!*

Не завоевавъ ни Рима, ни Италіи, честолюбивый Пирръ съ горстью остальныхъ воиновъ украдкою сѣлъ на корабли и отправился въ Епиръ. Война въ Италіи продолжалась шесть лѣтъ: она истребила его войско, но не истощила его властолюбія. Снова для суетной славы полетѣлъ онъ въ Пелопонезъ и былъ убитъ подъ стѣнами Аргоса.

Между тѣмъ Римляне переняли у Пирра искуство располагать станъ, выбирать мѣстоположеніе и отражать конницу пѣхотою, устроенною фалангами.

Молва о новой славѣ Римлянъ донеслась и въ предѣлы Африканскіе. *Птоломей Филадельфъ* первый привѣтствовалъ Римлянъ и предложилъ имъ союзъ не отъ страха, но изъ уваженія къ нимъ.

488 года отъ основанія Рима, Марцъ и Децій *Бруты*, при погребеніи отца своего учредили свирѣпый бой *Гладіаторовъ* или бойцевъ.

ТИРЪ И КАРѲАГЕНЪ.

Описаніемъ *Тира* и *Карѳагена* медлилъ *я* для того, чтобы изображеніе ихъ было очевиднѣе, по сближенію съ Римомъ послѣдняго изъ сихъ городовъ, заимствовавшаго существованіе свое отъ Тира, а потомъ спорившаго съ Римомъ о всемірномъ обладаніи.

Исторія о *Финикіянахъ* есть древнѣйшая изъ всѣхъ свѣтскихъ историй. Полагаютъ, что по обширному своему мореплаванію, они были *населителями* цѣлой Европы. Городъ ихъ *Тиръ* основанъ былъ *Сидонянами* и *Агеноромъ*. По выгодному мѣстоположенію своему, онъ учинился обладателемъ міра и средоточіемъ древней торговли. Не зная *компаса*, сего путеводителя на моряхъ, Финикіяне сперва заселили берега Африки, а потомъ пустясь далѣе перенесли художества и искуства свои на берега Европейскіе и простерли плаваніе свое до Англіи. Подъ сѣнію мира процвѣтали ихъ ис-

куства. Торговля, привлекая къ нимъ иноземцевъ, умножала число ихъ жителей. Народы, устрашенные завоеваніями *Сезостриса,* Царя Египетскаго и *Кира,* Царя Персовъ, стекались въ область Тирскую.

На берегахъ Африки основанъ Финикіянами *Карѳагенъ.* Сей соперникъ Рима во многомъ сходствовалъ съ управленіемъ онаго. Въ Римѣ годовыми правителями были *Консулы,* въ *Карѳагенѣ Суфеты.* Въ обоихъ изъ сихъ городовъ существовалъ Сенатъ и власть законодательная дѣлилась между Сенатомъ и народомъ. Главное между ими различіе было въ томъ, что Римъ въ первыя столѣтія бытія своего, презирая искуства и торговлю, помышлялъ единственно о покореніи на твердой землѣ народовъ, ополчавшихся къ укрощенію горделивыхъ его замысловъ. Напротивъ того Карѳагенъ воевалъ для умноженія сокровищь своихъ и старался покорять острова, стѣснявшіе его торговлю. Оружіе его гремѣло въ Сардиніи, Сициліи, Африкѣ и Испаніи. Посредствомъ рудокопныхъ своихъ пособій и торговли, Карѳагенъ, такъ сказать, распространялъ владычество свое надъ всѣмъ извѣстнымъ миромъ.

Но причины паденія Корѳагена и Рима заключались въ собственныхъ ихъ предѣлахъ. Оба сіи города пали отъ внутреннихъ раздоровъ. Въ Карѳагенѣ были двѣ стороны: одна изъ нихъ, дорожа богатствомъ своимъ, желала всегда ми-

ра; другая, домогаясь пріобрѣсть сокровища, непрестанно порывалась къ войнѣ.

При началѣ борьбы Рима съ Кароагеномъ, сей Африканскій городъ обладалъ частію Африки, Испаніи, Сициліей и владычествовалъ надъ морями. Соперничество возбудило между ими зависть. Обѣ сіи республики домогались покорить твердую землю: Римъ силою оружія, а Кароагенъ мореходнымъ своимъ могуществомъ.

Римъ привлекалъ къ себѣ сердца народовъ кротостію, Кароагенъ отдалялъ отъ себя сердца народовъ жестокостію.

Въ Римѣ, поддерживаемомъ нравами, званія общественныя предоставлялись достоинству и добродѣтели; въ Кароагенѣ всѣ почести были продажными.

Ненависть Рима къ Кароагену истребила всѣ памятники о существованіи его и затмила достовѣрность событій, относящихся къ сему городу. Извѣстно только, что главнымъ завоеваніемъ Кароагена была *Испанія*, состоявшая тогда изъ трехъ слѣдующихъ областей: *Бетики*, заключавшей въ себѣ Гренаду; Андалузіи, Естремадуры и Кадикса. Въ предѣлахъ ихъ было двѣстѣ великолѣпныхъ городовъ. *Лузитанія* въ тоже время состояла изъ нынѣшней Португаліи и нѣкоторой части двухъ Кастилій. *Таррагонезъ* вмѣщалъ въ себѣ все пространство до горъ Пиренейскихъ.

Кароагенъ находился всегда въ тѣсной связи

съ основателемъ своимъ Тиромъ. Тиръ предохранилъ его отъ нашествія *Камбиза*; а когда Александръ Македонскій низвергъ Тиръ, тогда семейства Тиріянъ, спасшіяся отъ меча убійственнаго, удалились въ Карѳагенъ.

ПОДВИГЪ РЕГУЛА

ВЪ ПЕРВУЮ ПУНИЧЕСКУЮ ИЛИ АФРИКАНСКУЮ ВОЙНУ.

Въ началѣ сей войны Римляне устроили флотъ. Орлы ихъ взвились на моряхъ и за морями. Консулы *Регулъ* и *Манлій* взяли островъ *Мелиту* или Мальту; поплыли къ берегамъ Африки, сразились въ одинъ день три раза съ Карѳегенянами, одержали три побѣды, выступили на берегъ и приближались къ стѣнамъ Карѳагена.

Возгордясь сими блистательными успѣхами и забывъ, что не должно никогда презирать непріятеля: Римъ отозвалъ Манлія съ большею частію войска и оставилъ Регула въ Африкѣ въ званіи *Проконсула* и съ двадцатью или пятнадцатью тысячами. Историки полагаютъ,

что естьлибъ Римляне дѣйствовали силами совокупными, то *первая* война Пуническая была бы и послѣднею.

Побѣдоносный Регулъ просилъ, чтобы Сенатъ уволилъ его для обрабатыванія *семи десятинъ* земли, составлявшихъ все его имущество, прибавляя, что вѣроломный работникъ увелъ его стадо и похитилъ всѣ орудія земледѣльческія. Регула не отозвали, а народъ взялся обрабатывать участокъ его.

Отданный на произволъ судьбы своей, Регулъ разбилъ Карѳагенянъ и взялъ у нихъ *Тунетумъ* или *Тунисъ*. Карѳагеняне просили мира. Регулъ требовалъ, чтобы они очистили Сицилію, Корсику, Сардинію, море и чтобы платили дань. Карѳагеняне отвергли сіи уничижительныя требованія.

Ксантипъ, полководецъ Спартанскій, принявъ начальство надъ Карѳагенянами, вывелъ войско ихъ въ поле, гдѣ конница и слоны могли дѣйствовать свободно. Ослѣпленный прежними побѣдами, Регулъ перешелъ неосторожно черезъ рѣку, сразился, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Новыя злоключенія постигли Римлянъ на сушѣ и на водахъ.

Но Римъ, противуборствуя судьбѣ, упорно стремился къ обладанію надъ вселенною.

Карѳагеняне, утомленые четырнадцати лѣтними неудачами, отправили Регула въ Римъ для

мира, обязавъ его клятвою возвратиться, естьли оный не будетъ заключенъ.

«Сенаторы! сказалъ Регулъ: тѣло мое принадлежитъ врагамъ моимъ, но душа моя свободна. Отвергая вопль тѣлесный, повинуюсь голосу душевному. Не приступайте ни къ миру, ни къ размѣну плѣнныхъ. Ими овладѣли старость и молодушіе. Ваши легіоны всѣ сыны одного Рима. У Карѳегенянъ войско наемное, которому по корыстолюбію часто не выдаютъ и жалованья. Единодушіе и непоколебимое постоянство должны восторжествовать.»

Сенатъ убѣждалъ Регула остаться въ Римѣ и даже верховный жрецъ разрѣшалъ его отъ данной клятвы. Регулъ возразилъ: » нѣтъ! невольникъ Карѳагенянъ не останется въ Римѣ: жизнь позорная есть бремя, а не жизнь. Знаю, что въ Карѳагенѣ ожидаетъ меня казнь, но она поразитъ только тѣло, а не душу мою.»

Ни слезы народа, ни рыданія супруги и дѣтей, ничто не могло удержать Регула. Онъ обрекъ себя въ жертву за славу Рима. «Ни одинъ полководецъ, говорятъ историки: не вступалъ въ Римъ съ такимъ торжествомъ, съ какимъ провожаемъ былъ Регулъ.» Лютая казнь встрѣтила и постигла его въ Карѳагенѣ.

ГАННИБАЛЪ ВЪ ИТАЛІИ.

Римъ занятъ былъ войною съ Галлами и *Иллиріей* а Карѳагенъ распространялъ завоеванія свои въ Испаніи. *Аздрубалъ*, зять *Амилькара* основалъ *новую Карѳагену* на полуденномъ берегѣ *Иверіи*. Сенатъ Римскій принудилъ Карѳагенянъ опредѣлить *Ебръ* границею къ обезпечиванію независимости *Сагонта*.

Послѣ различныхъ обстоятельствъ, Карѳагеняне, наруша условіе, напали на Сагонтъ. Сіе нападеніе, по замѣчанію умнаго Историка *Полибія*, было только предлогомъ къ войнѣ, а главная причина оной заключалась въ прежнемъ уничиженіи Карѳагена и въ непреоборимой его ненависти къ Риму. *Амилькаръ*, силою клятвы, какъ будто бы переселилъ всю ненависть Карѳагена въ сердце юнаго своего сына Ганнибала.

Ганнибалъ, предводительствуя Карѳагенянами, съ быстротою молніи пролетѣлъ Испаніи, внезапно вступилъ въ Галлію, перешагнулъ за грозныя вершины Альпійскія и поразилъ Сципіона на *Тезинѣ*. Ту же участь потерпѣлъ Консулъ *Семпроній* на берегахъ *Требіи*, гдѣ спустя многія столѣтія гремѣла трехдневная битва Россіянъ съ Французами.

Третію побѣду одержалъ Ганнибалъ при озерѣ *Тразименѣ.* Сенатъ не утаилъ отъ народа сего сильнаго пораженія. Фабій провозглашенъ былъ Диктаторомъ. Сей полководецъ рѣшился истомлять войною оборонительною. Тщетно сопротивникъ его вызывалъ къ бою; тщетно опустошалъ онъ окрестности и предавалъ въ жертву пламени; тщетно роптали воины и народъ Римскій. Фабій, занимая высоты, наблюдалъ каждый шагъ Ганнибала и разилъ, когда представлялся удобный случай. Карѳагеняне называли Фабія вождемъ нагорнымъ; но искусный Ганнибалъ возражалъ: бѣда! естьли это нагорное облако разразиться!

И народъ Римскій, негодуя на Фабія, называлъ его *медлительнымъ,* не разсуждая о томъ, что упорная медлительность истребилабъ сопротивниковъ. Въ новые Консулы избранъ былъ Павелъ Емилій, а въ товарищи ему назначали *Теренція Варрона* сына, мясника. Ослѣпляясь высокомѣрнымъ самонадѣяніемъ, Варронъ внушалъ народу, будтобы Сенаторы умышленно призвали Ганнибала въ Италію, чтобы подъ предлогомъ войны сильно утѣснять граждань притязаніями своими. » Доколѣ они будутъ начальствовать, восклицалъ онъ: дотолѣ честолюбіе ихъ будетъ длить войну. Они любятъ повелѣвать, а не сражаться. Я не стану съ постыдною робостію заводить войско на вершины горъ или укрывать его въ лѣса неприступные. Я поведу воиновъ на бой и клянусь, что

вскорѣ не останется въ Италіи и слѣда Африканскаго.

Варронъ сразился съ Ганнибаломъ при *Каннахъ* и въ жертву тщеславія своего принесъ семдесять тысячь Римлянъ и союзниковъ.

Римъ, побѣжденный оружіемъ, побѣдилъ сопротивниковъ своихъ твердостію духа.

Ганнибалъ не устремился къ стѣнамъ Рима. Ганнибалъ! сказалъ ему *Магарбалъ*, начальникъ конницы: боги не даютъ одному человѣку всѣхъ дарованій. Ты умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдою.

Одни предполагаютъ, что Ганнибалъ потерялъ время въ роскошномъ городѣ *Капу* и изнурилъ тамъ нѣгою мужество воиновъ своихъ. Другіе утверждаютъ, что внутренніе раздоры, возмущавшіе Карѳагенъ, остановили успѣхъ его оружія. *Ганнонъ*, главный противуборникъ Ганнибаловъ, на требованія его возражалъ: Естьли Ганнибаловы побѣды справедливы, а не вымышленныя, то на что ему наша помощь? Намъ остается только радоваться, что онъ доставитъ Карѳагену миръ славный и прочный.

Звѣзда Ганнибалова потускнѣла. Всѣ мои предпріятія, говорилъ онъ съ прискорбіемъ: стѣснены Римлянами небомъ и моими согражданами. Нѣтъ! мнѣ не предоставлено покорить Римъ.

ЮНЫЙ СЦИПІОНЪ ВЪ ИСПАНІИ.

Между тѣмъ въ предѣлахъ Испаніи внезапно оцепенѣло оружіе Римлянъ. Смерть двухъ Сципіоновъ поразила всѣ умы: никто не отваживался вызываться на мѣсто ихъ въ Консулы. Казалось, что съ ними уничтожилось рвеніе Римлянъ къ почести столь знаменитой. Но оба Сципіона: отецъ и дядя, ожили въ *юномъ Сципіонѣ*. Ему было только двадцать четыре года и онъ рѣшился поднять на рамена свои бремя начальства, всѣми отвергаемаго. Голосъ любви сыновней, голосъ чувства, огорченнаго невозвратною потерею отца и дяди, одушевили слова его краснорѣчіемъ непобѣдимымъ. Сей юный Герой гражданамъ удивленнымъ представлялся сыномъ боговъ. Его назначали Проконсуломъ въ Испанію и побѣда и слава встрѣтили его тамъ. Передъ силою оружія его быстро палъ *новый Карѳагенъ*. Столь же быстро привлекалъ онъ сердца народовъ человѣколюбіемъ и правосудіемъ. Черезъ пять лѣтъ не осталось въ Испаніи слѣда Карѳагенскаго. Въ сихъ обстоятельствахъ, слава и добродѣтель навсегда увѣковѣчили имя Сципіона.

Воины его привели къ нему юную княжну, блиставшую рѣдкою красотою и помолвленную

за *Аллуцилія*, владѣльца *Селибейскаго*. Герой немедленно возвратилъ ее отцу и жениху. Аллуцій въ радостномъ восторгѣ цѣлуя Сципіоновы руки, восклицалъ: «ты не смертный; ты сынъ боговъ. Твоя добродѣтель сильнѣе твоего оружія.» — Отецъ и родственники Оной плѣнницы предлагали за нее выкупъ; Сципіонъ отвергалъ, но уступая наконецъ настоятельнымъ убѣжденіямъ, онъ принялъ и сказалъ Аллюцію: «я прибавляю это золото въ приданое твоей невѣсты.»

Благодарный Аллюцій приказалъ изобразить сей подвигъ на серебряномъ щитѣ и поднесъ его Сципіону. Сей памятникъ, поглощенный волнами *Роны* вмѣстѣ съ обозомъ, пропадалъ до 1665 года, рыбаки отыскали его, и представили въ кабинетъ Короля Французскаго.

СВИДАНІЕ и БИТВА

Сципіона съ Ганнибаломъ.

По прошествіи семнадцатилѣтнихъ безполезныхъ побѣдъ въ Италіи, Ганнибалъ отозванъ былъ въ Карѳагенъ. Сципіонъ находился уже въ Африкѣ. Цари встрѣчали его и поступали подъ знамена Римскія. Наступилъ день битвы *Замской*. Наканунѣ сего достопамятнаго дня Ганнибалъ пре-

ложилъ Сципіону свиданіе. «Сципіонъ! сказалъ Ганнибалъ: сколь бы щастлива была вселенная, естьлибъ Римляне не выходили изъ Италіи, а Карөагеняне изъ Африки. Сама природа назначила имъ сіи предѣлы. Но мы сперва воевали за Сицилію, потомъ спорили о владычествѣ надъ Испаніей; наконецъ ослѣпленные щастіемъ, мы въ порывахъ мщенія стремимся ко взаимному истребленію. Сципіонъ! ты цвѣтешь еще юностію лѣтъ; ты вознесенъ щастіемъ, но судьбѣ никто не можетъ предписать устава. Не представляю тебѣ древнихъ примѣровъ, представляю тебѣ въ примѣръ самаго себя. Я тотъ же самый Ганнибалъ, который послѣ Канской битвы мечталъ, что Римъ и Италія падутъ къ стопамъ моимъ. Но я не въ Римѣ, не въ Италіи; я на родной моей землѣ приступилъ къ договорамъ съ Римляниномъ.»

Напомнивъ Ганнибалу, что Карөагенъ былъ зачинщикомъ войны и исчисля всѣ нарушенныя условія, Сципіонъ прибавилъ: «Покорись вмѣстѣ съ отечествомъ безусловно или побѣди.»

Загремѣла битва *Замская*. Сципіонъ увѣнчался побѣдою и наименованъ былъ Африканскимъ. Названіе Сципіона великодушнаго и добродѣтельнаго еще блистательнѣе. Карөагенъ покорился безусловно. Вторая Пуническая война кончилась отъ основанія Рима 553 г., а до Р. Х. за 200 л.

ПАДЕНІЕ МАКЕДОНІИ,

Карѳагена и Коринѳа.

За 163 года до Р. Х. пало Царство Македонское, существовавшее около семи сотъ лѣтъ и назначавшее властителей не только Греціи, но и всему Востоку. *Карануcъ* основалъ оное между моремъ *Егейскимъ* и *Адріятическимъ*. Сперва Македонія прибѣгала къ покровительству Греческихъ городовъ, потомъ подъ державою *Филиппа* воцарилась надъ Греціею, а при сынѣ его *Александрѣ* потрясла Азію. Съ *Персеемъ* кончилось Царство Македонское и въ видѣ области изчезло въ исполинскомъ составѣ Римскаго владычества. Начальныя времена Исторіи Македоніи облечены мракомъ, а другія извѣстныя подробности представляютъ почти однѣ мѣлкія подробности, которыми къ несчастію народовъ, наполнены и другія повѣствованія.

Около 608 года отъ основанія Рима палъ *Карѳагенъ*, домогавшійся обладанія всемірнаго. Внутренніе раздоры были для него пагубнѣе оружія Римлянъ. Развалины его засвидѣтельствовали вселенной, что не сокровища охраняютъ царство и народы.

Въ тоже самое время въ предѣлахъ Греціи палъ *Коринѳъ*, жилище роскоши, нѣги и утѣхъ. Консулъ *Муминій* разрушилъ его до основанія и перевезъ въ Римъ статуи, блиставшія превосходствомъ ваятельнаго искусства, но которыхъ онъ не зналъ цѣны. Тогда еще Римляне занимались только войною, политикою и земледѣліемъ.

Коринѳъ первоначально находился подъ властію Царства *Аргоскаго* и *Миценскаго*. Потомъ учреждалась въ немъ Республика подъ начальствомъ одного погоднаго вождя.

Область Коринѳская, между Пелопонезомъ и моремъ, состояла изъ горы, на которой возвышалась крѣпость; внизу находилась столица. а по одному городу было на каждой сторонѣ перешейка, гдѣ пристань прилегала къ твердой землѣ. Сіе выгодное мѣстоположеніе учинило Коринѳъ средоточіемъ Греческой торговли и богатствъ. Въ немъ процвѣтали искусства и самый красивый *степень* зодчества, названъ Коринѳскимъ. Но чрезмѣрный развратъ нравовъ помрачалъ въ Коринѳѣ сіяніе искусствъ и ускорилъ его паденіе.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ НАЧЕРТАНІЕ

ПРОИЗШЕСТВІЙ

Римской Исторіи отъ паденія Карѳагена до паденія Римской Республики.

Низвергнувъ Карѳагенъ, Римъ собственною дланью ковалъ себѣ цѣпи и приготовлялъ паденіе свое.

Римляне начали обогощаться. Но среди обогощенія встрѣтили они новыхъ враговъ въ лицѣ своихъ невольниковъ, возставшихъ въ Сициліи за 133 года до Р. Х. подъ начальствомъ *Еннуса*. Къ усмиренію ихъ Римъ ополчился всею силою своей.

Вскорѣ потомъ наслѣдство, отказанное народу Римскому *Аталомъ*, Царемъ *Пергамскимъ*, возобновило раздоры, еще сильнѣйшія распри возникли отъ двухъ *Гракховъ*, Трибуновъ народныхъ. Отличаясь умомъ и краснорѣчіемъ, они домогались владычества надъ народомъ. Весь Сенатъ рукою *Сципіона Назики* убилъ *Тиверія Гракха*. Младшій братъ его погибъ почти отъ такой же смерти.

За 120 лѣтъ до Р. Х. Римляне приняли подъ покровительство свое Іудеевъ.

Около того же времени происходили волненія въ *Сиріи*. Римъ оставлялъ сію область въ жертву собственнаго изнуренія.

За 124 года перешли за Альпы, побѣдили Галловъ *Саліанскихъ* и учредили поселенія въ *Сохенѣ*. 122 года до Р. Х. Галлія *Нарбонская* обращена въ Римскую область. Распространяясь часъ отъ часъ болѣе, Римъ захватывалъ почти всѣ земли и моря. Но внѣшній блескъ его не могъ скрыть той пропасти, къ которой влекли его страсти честолюбцевъ и раздоры внутренніе. Золото и корысть все поработали въ Римѣ. Братоубійца *Югурѳа*, Царь Нумидійскій, долго откупался деньгами. Около 106 года да Р. Х. *Марій* побѣдилъ его и достигъ начальства, возбуждая народъ противъ велельможъ.

За 103 года до Р. Х. въ Сициліи снова возневольники стали и снова пролились потоки кро-Слава Марія умножилась побѣдами его надъ *Тевтонами*, *Цимбрами* и другими сѣверными народами, вторгавшимися въ Галліи, Испаніи и Италіи. Сіи побѣды возродили новыя пренія о раздѣлѣ земель.

Между тѣмъ оружіе Римлянъ грѣмѣло въ облас-*Понтійской*, гдѣ царствовалъ *Митридатъ*.

Царство Понтійское находилось въ Малой Азіи между Малою *Арменіей*, *Колхидой* и рѣкою *Галисомъ*. Оно названо Понтійскимъ или при-

морскимъ отъ того, что область сія простиралась вдоль береговъ *Чернаго моря. Митридатъ* знаменитѣйшій изъ царей сей страны былъ въ продолженіи сорока шести лѣтъ опаснѣйшимъ и не примиримымъ врагомъ Рима.

Около сего времени воспослѣдовало общее возстаніе народовъ Италіи.

Воюя съ Митродатомъ, *Силла*, обогащалъ воиновъ, чтобы посредствомъ ихъ надежнѣе поработить отечество. Воины научились служить не Риму, но полководцамъ своимъ.

Марій не преставалъ волновать умы народа.

За 72 года до Р. Х. закипѣла война междуусобная сперва внѣ Рима, потомъ въ стѣнахъ его. Силла говорилъ, что онъ вступается за Сенатъ, а Марій увѣрялъ, что онъ защищаетъ права народа.

Воспоминая о Силлѣ и Маріѣ, древніе писатели говорятъ: » о польза частная! почто ты воюешь противъ блага общаго? Силла и Марій ополчились за личныя выгоды свои и буря разрушительная зашумѣла въ стѣнахъ злополучнаго Рима! Пагубное исканіе частныхъ выгодъ потрясло и низвергло Римъ. »

Марій былъ низверженъ, и Силла воцарился въ Римѣ подъ названіемъ *Диктатора*. Упиваясь кровію согражданъ своихъ, онъ и во время законныхъ собраній нагло оскорблялъ гражданъ.

Наконецъ утомясь убійствами, Силла добровольно сложилъ съ себя верховную власть; но Римъ узналъ, что и новые честолюбцы могутъ угрожать ему оковами.

Поддерживая оставшихся приверженцевъ Марія, *Серторій*, укрѣпился въ Испаніи и заключилъ союзъ съ Митридатомъ, неутомимымъ въ войнѣ и въ ненависти къ Римлянамъ. Помпей низвергъ сообщниковъ его не оружіемъ, но посѣя между ими раздоръ.

Все въ Римѣ домогалось возвышенія на пагубу Рима. Даже и *Гладіаторъ* или боецъ *Спартакъ* порывался владычествовать. Спартакъ затруднялъ Консуловъ, а Митридатъ затруднялъ Лукула. Къ отраженію бойца посланъ былъ Помпей, оружіе его отвратило отъ Рима сію новую бурю.

Лукулъ успѣвалъ на востокѣ. Римляне перешли за Ефратъ. Но разя враговъ, Лукулъ не могъ обуздать своеволіе воиновъ своихъ. Митридатъ падая и возвышаясь, все тѣмъ же былъ Митридатомъ и все упорно желалъ *поразить Римлянъ въ Римѣ.*

Между тѣмъ Помпей очистилъ моря отъ морскихъ разбойниковъ, распространявшихъ грабежи свои отъ береговъ *Сиріи* до *столповъ Геркулесовыхъ* или *Гибралтара.* Освободитель морей поспѣшилъ противъ Митридата. Быстро пали передъ нимъ Царство Понтійское, Арменія, Сирія и Іудея. Митридатъ, поражен-

ный измѣною сына своего *Фарнака*, принялъ ядъ. Вселенная съ удивленіемъ взирала на Помпея. Но естьлибъ тогда не было въ Римѣ *Цицерона*, то сей великій полководецъ не зналъ бы, гдѣ торжествовать побѣды свои.

Пользуясь развратомъ вельможъ, истощившихъ сокровища свои на прихоти позорной роскоши, Катилина умыслилъ съ помощію ихъ поработить Римъ и вселенную. Сей отважный заговорщикъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ рабомъ страстей; развратъ погасилъ въ немъ всѣ благородныя способности душевныя. Въ чертахъ блѣднаго его лица, въ смутныхъ и впалыхъ его глазахъ, написаны были злодѣянія его и тѣ угрызанія совѣсти, которыя невольно возмущаютъ даже и сердце злодѣя, закоснѣвшаго въ злодѣйствѣ. Кровь сына, котораго привесъ въ жертву страсти своей къ развратнѣйшей изъ женщинъ Римскихъ; кровь убіеннаго сына непрестанно вопіяла въ душѣ его и не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью.

Уже все было готово къ зажженію Рима, но Консулъ Цицеронъ былъ на неусыпной стражѣ отечества. Прозорливымъ усердіемъ своимъ онъ наблюдалъ всѣ шаги Катилины и его сообщниковъ. Тщетно заговорщики распускали грозную молву, что Цицеронъ погибнетъ отъ острія кинжаловъ ихъ. Консулъ не колебался духомъ и о всемъ извѣщалъ Сенаторовъ. Увлекаясь необузданною дерзостію, Катилина отважился предстать въ Сенатъ. Всѣ Сенаторы

объялись ужасомъ и негодованіемъ. Громы Цицеронова краснорѣчія посыпались на изверга. Катилина бѣжалъ изъ Рима; сразился съ Консуломъ Антоніемъ, и палъ на мѣстѣ битвы. На померкшемъ его челѣ свирѣпствовала еще буйная отважность. Казалось, что онъ и мертвый угрожалъ Риму.

Римъ спасенный Цицерономъ наименовалъ его *отцемъ отечества.*

На поприщѣ властолюбія остались два исполина того времени, *Помпей* и *Кесарь.* Оба они рано сдѣлались извѣстными. Кесарь отважился прекословить Силлѣ тогда, когда сему мучителю Рима покорствовала вселенная. Помпей хотя и прогремѣлъ славою въ трехъ частяхъ древняго міра, но опасался краснорѣчія Цицерона, добродѣтели Катула, страшился строгихъ правилъ *Катона*, а еще болѣе *Красса*, обладавшаго несмѣтными сокровищами.

Сверхъ того увлекаясь самонадѣяніемъ, Помпей не угадалъ Кесаря и ослѣпляясь тщеславіемъ, упускалъ случаи. Кесарь, ничѣмъ не обольщаясь, кромѣ властолюбія, умѣлъ всѣхъ обольщать: онъ уловлялъ въ сѣти свои и Сенатъ и вельможъ и народъ. Завоеваніе Галліи довершило славу Кесаря, но и сіе завоеваніе не отсрочило ни на одинъ часъ паденія Римской республики. Римъ изчезалъ въ Римѣ.

Первый *Тріумвиратъ* составился въ Римѣ изъ Помпея, Кесаря и Красса. Сей послѣдній пред-

принявъ дерзновенно войну съ *Пареянами*, погубилъ и себя и войско.

Битва Фарсальская низвергла Помпея и воцарила Кесаря.

Стихотворецъ *Луканъ* сказалъ:
«Судьба за Кесаря, Катонъ былъ за Помпея.»

Помпей умерщвленъ былъ на берегахъ Египетскихъ, а Катонъ, удалясь на родину свою *Утику*, прибѣгъ къ самоубійству, не желая пережить свободы Рима.

Кесарь какъ будтобы въ одно мгновеніе мелькнулъ въ предѣлахъ вселенной: и въ Египтѣ и въ Азіи и въ *Мавританіи* и въ Испаніи. Побѣда вездѣ ему сопутствовала. Римъ и вселенная поработились ему, но не надолго. Уловляя его честолюбіе и желая вооружить противъ него народъ, Сенатъ умышленно воздавалъ ему почести необычайныя. Казалось, что какъ нѣкогда предъ лицемъ Александра Македонскаго, такъ и предъ лицемъ Кесаря, *вселенная умолкла.* Но и на сей исполинской чредѣ Кесарь не былъ удовлетворенъ въ порывахъ своего властолюбія. Мысленно взирая на вселенную, раболѣпствовавшую передъ нимъ, онъ съ прискорбіемъ говорилъ: *такъ ето-то столько меня льстило!* Онъ домогался имени Царя, скипетра и престола и среди Сената палъ отъ кинжаловъ убійцъ.

Антоній, приверженецъ Кесаря, возбудилъ въ народѣ негодованіе и посредствомъ междоусобія усиливался захватить власть верховную. *Ле-*

пидъ, бывшій также подъ знаменами Кесаря въ числѣ главныхъ его полководцевъ, рѣшился ему помогать. Наконецъ юный *Октавій*, усыновленный Кесаремъ, предпринялъ мстить за смерть его и при случаѣ благопріятномъ, итти, по слѣдамъ его ко всемірному обладанію.

Антоній, Лепидъ и Октавій составили вторый *Тріумвиратъ* или владычество извергов.

Объясняясь о семъ владычествѣ *Тріувирата*, Римскіе писатели говорятъ: «Римъ палъ не отъ внѣшняго оружія; онъ палъ подъ сѣкирою сыновъ своихъ или лучше сказать, палачей, низринутыхъ адомъ къ пагубѣ его.»

Тріумвиры, дѣлясь жертвами, обреченными въ добычу ихъ мщенія, предали *Цицерона* Антонію. Цицеронъ, спаситель Рима и Отецъ отечества, пораженъ былъ убійцами, отправленными Антоніемъ.

Но Цицеронъ, жившій для блага согражданъ своихъ, и теперь еще въ полномъ озареніи славы своей живетъ въ лѣтописяхъ всемірныхъ. Онъ живетъ вездѣ, гдѣ умъ цѣнитъ творенія умовъ превосходныхъ и гдѣ сердце чувствуетъ прелести добродѣтели.

Любя истинную славу, Цицеронъ еще болѣе уважалъ внутреннее душевное убѣжденіе.

» Я предпочитаю, говоритъ онъ: совѣсть мою всѣмъ сужденіямъ постороннимъ. Для меня похвальнѣе всего то, что дѣлается безъ тщеславія и свидѣтелей. Я не хочу симъ сказать,

что должно укрываться отъ взора людей, ибо подвиги изящные должны быть извѣстны: я говорю только, что для добродѣтели совѣсть есть величественнѣйшее поприще и свидѣтельство: Побужденіе къ добру существовало до бытія обществъ и державъ земныхъ: оно современно Творцу вселенной.»

Побѣдя *Брута* и *Кассія*, послѣднихъ защитниковъ Римской свободы, Тріумвиры условились размежевать между собою вселенную.

Но вскорѣ Октавій и Антоній, низвергнувъ Лепида, ополчились другъ противъ друга. Вся сила Римская двинулась на морѣ.

Октавій одержалъ побѣду Актіянскую. Египетское и восточное ополченіе, находившееся подъ знаменами Антонія, было разсѣяно. Друзья его и Царица *Клеопатра*, которой онъ жертвовалъ собою, оставили его. Все уступаетъ силѣ Октавія. Новый Кесарь оживотворяется въ его лицѣ. Александрія отворяетъ ему врата свои: Египетъ сопричисляется къ областямъ Римской державы. Римъ простираетъ къ побѣдителю объятія свои и Октавій подъ именемъ Императора учиняется самовластителемъ Рима, повергшагó къ стопамъ его и себя и вселенную. Новый Императоръ въ окрестностяхъ горъ Пиринейскихъ усмиряетъ возмутившихся *Кантабровъ* и *Астуріанцевъ*; Еѳіопія проситъ у него мира; Парѳяне возвращаютъ ему плѣнныхъ и Римскія знамена, отнятыя у Красса; Индія до-

могаеться союза его; горы не защищають *Ретовъ* и *Гризоновъ* отъ его оружія; Панонія приглашаетъ его; Германія его страшится; Везеръ покоряется его уставамъ. Возгремѣвъ побѣдами на сушѣ и на водахъ, Октавій-Августъ затворяетъ врата Храма *Янусова*, отверзаемыя во время войны. Среди общей тишины, водворившейся во вселенной, низходитъ на землю Спаситель людей.

ИЗЛОЖЕНІЕ

НѢКОТОРЫХЪ ПРИЧИНЪ О ПАДЕНІИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Терпѣніе Римлянъ, говорятъ писатели: низвергло Карѳагенъ.

Побѣдоносный Римъ въ теченіи двухъ столѣтій разпространялъ владычество свое повсемѣстно. Все предъ нимъ трепетало: вселенная подверглась игу его.

Но оковавъ вселенную цѣпями рабства, Римъ собственною рукою приготовлялъ оковы и себѣ. Честолюбіе въ стѣнахъ его свирѣпствовало безпредѣльно. Война съ Карѳагеномъ мирила Рим-

лянъ съ Римомъ разрушеніе Карѳагена посѣяло между ими новыя распри и неустройства. *Гракхи* обольщая народъ раздѣломъ поземельнымъ, проложили поприще къ войнамъ междуусобнымъ. Со времени мятежа, произведеннаго ими, Римляне и въ мирное время стали носить при себѣ оружіе.

Благоразуміе Сената и внѣшнія брани прекратили волненіе народное.

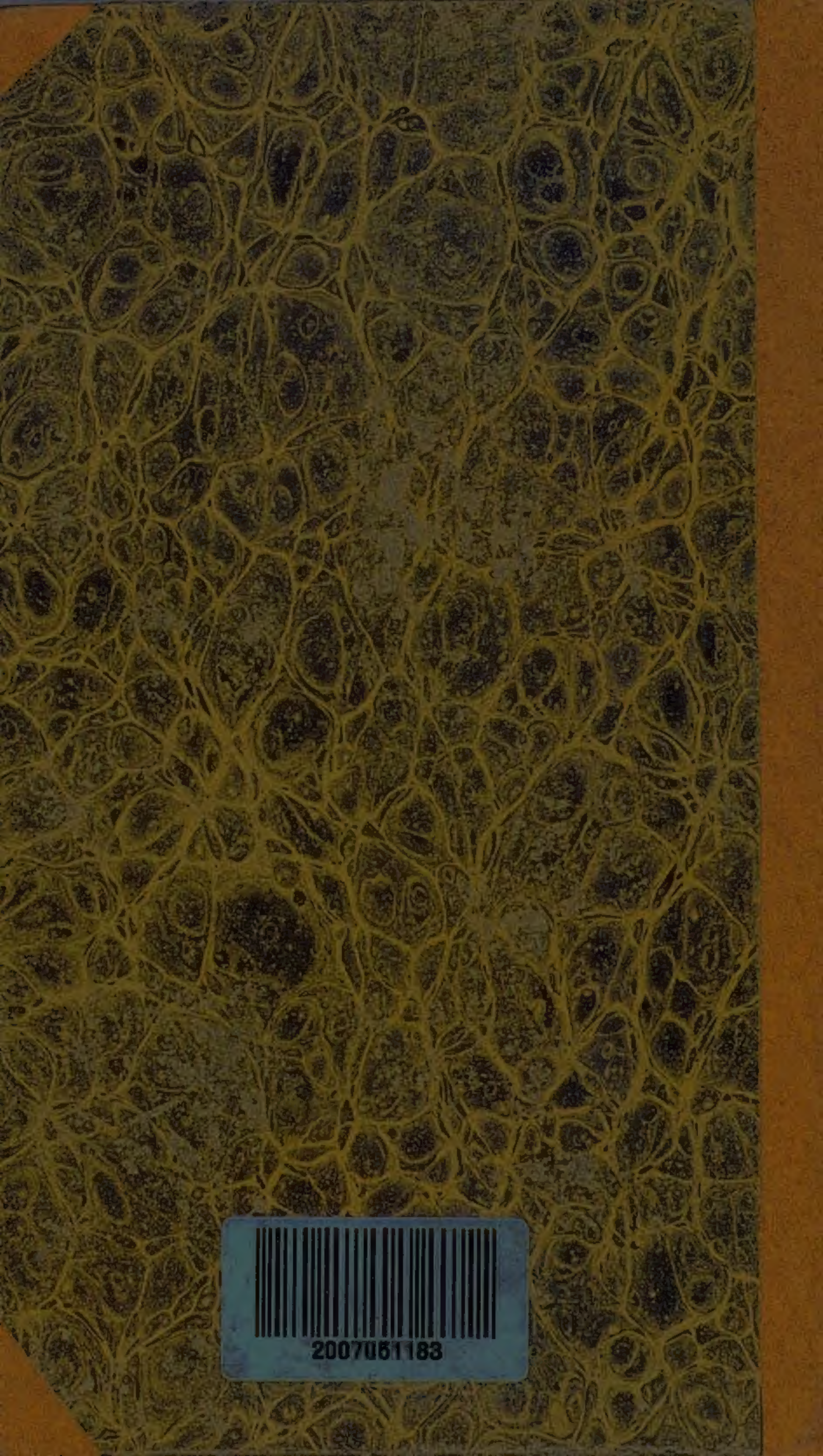
Но съ появленіемъ Марія и Силлы закипѣли новыя междуусобія. Марій вступался за Плебеянъ; Силла за вельможъ, или лучше сказать, подъ симъ предлогомъ утаивали они личное свое властолюбіе.

Коварные происки и развратъ овладѣли Римомъ. Угасла любовь къ отечеству; изчезло уваженіе къ законамъ.

Къ довершенію злополучія властолюбиваго Рима, война Азіятская ознакомила Римлянъ съ роскошью: въ Римѣ все сдѣлалось продажнымъ и законы и оружіе. Войско, защищаемое полководцами, стало служить личнымъ ихъ выгодамъ, а не Риму.

Такъ пала Римская Республика, хвалившаяся, что въ одних исполинскихъ предѣлахъ своихъ заключаетъ всю вселенную.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.


2007061183